

T i l t s

M i c r

T i l t a s

Воронежский
журнал
балто-славянских
исследований

Воронезький
часопис
балто-слов'янських
студій

T i l t s

M i c T

T i l t a s

**Междисциплинарный
гуманитарный
проект**

**Міждисциплінарний
гуманітарний
проект**

2 0 0 7 / 1

tilts / micT / tiltas

2007 / 1

воронежский журнал балто-славянских исследований

УДК **82.01**
ББК **63.3**
Т **31**

Электронная PDF версия доступна на
<http://ejournals.pp.net.ua>

Tilts / Міст / Tiltas. Воронежский журнал балто-славянских исследований. Междисциплинарный гуманитарный проект / ред. и сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – Вып. 1. – 114 с.

© Авторы, 2007
© Tilts / Міст / Tiltas, 2007
© НОФМО ВГУ, 2007

Tilts / Міст / Tiltas

Воронежский журнал балто-украинских исследований

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- Maria G. REWAKOWICZ**
LANGUAGE CHOICE AND THE NOTION OF NATIONAL
LITERATURE IN POST-SOVIET UKRAINE: THE CASE OF
ANDREY KURKOV 6
- Юлія КИСЛА
УКРАЇНСЬКА ІСТОРИЧНА ПАМ'ЯТЬ:
КОНСТУЮВАННЯ ЗАГАЛЬНО РАДЯНСЬКОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ
В УРСР В СТАЛІНСЬКИЙ ПЕРІОД (1930 – 1950-ТІ РР.) 15
- Максим КИРЧАНОВ
СОЗДАВАЯ СОВЕТСКИЙ ДИСКУРС ЛАТВИИ И ЛИТВЫ:
СОВЕТИЗАЦИЯ ПОЭЗИИ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЭПОХУ «ВЫСОКОГО СТАЛИНИЗМА» 37

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

- Marius ŠČAVINSKAS**
LIETUVOS CHRISTIANIZACIJOS TYRINĖJIMŲ BŪKLĖ
ŠIUOLAIKINĖJE LIETUVIŠKOJOJE ISTORIOGRAFIJOJE 73
- ЛИТОВСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА 1990-Х ГОДОВ
(журнал «Геноцид и резистенция») 83

ПУБЛИКАЦИИ

- НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЛАТВИИ ПЕРИОДА
НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (вступительная статья к публикации
«Ādolfs Kļīve, Latviešu politiskie centieni vācu okupācijas laikā») 95
- Ādolfs KLĪVE
Latviešu politiskie centieni vācu okupācijas laikā 99

СТАТЬИ

И

ИССЛЕДОВАНИЯ

tilts /міст / tiltas

2007 / 1

воронежский журнал балто-славянских исследований

Maria G. **R**EWAKOWICZ

**LANGUAGE CHOICE AND
THE NOTION OF
NATIONAL LITERATURE
IN POST-SOVIET
UKRAINE: THE CASE OF
ANDREY KURKOV**

The political and social strategies employed by the post-Soviet governments in Ukraine appear to privilege the plurality and hybridity of national and cultural identities. In the post-independence period the language issue still stirs passions and seems to be a divisive tool in the hands of politicians manipulating the electorate in hopes to win extra votes in parliamentary and/or presidential elections. Thus far Ukrainian remains the only official state language (a constitutional guarantee since 1996) and yet, as many have argued, the status of the Ukrainian language has not been visibly improved in post-independence Ukraine.¹ Whoever visits Ukraine these days has to concede that the Russian language (with the exception of Western Ukraine) represents the preferred means of communication. However, the correlation between ethnic and linguistic identities is not always straightforward.² By and large it coincides in the case of ethnic Russians. However, in the case of some ethnic Ukrainians, Ukrainian does not necessarily constitute their native language. In other words, Russian ethnic minority (i.e. minority according to the official statistics) does not appear to be a minority if gauge by language criterion.

It goes without saying that the language situation has direct implications for the development of new Ukrainian literature. For those writers who want to express themselves in Ukrainian this situation is problematical because it invariably affects their pool of potential readers. On the other hand, there is also a group of writers expressing themselves exclusively in Russian who nonetheless, by citizenship, are Ukrainian. The dilemma, which up to now has not become a 'hot issue' but which might in the future, depending which way linguistic self-identification of the majority of population goes, is how one arrives at some kind of agreement as to what is or will be the body of texts that can be considered a national literature: will it be literature written only in Ukrainian or literature written by Ukrainian citizens regardless of what language is being used.³

---

¹ For example, cf. Maksym V. Strikha, "Language and Language Policy in Ukraine," *Journal of Ukrainian Studies* 26:1-2 (2001): 239-48. He provides a very interesting statistics: "... according to 2001 census only 39.1 percent of Ukrainian citizens speak Ukrainian at home (in 1992 thirty-seven percent did). ... But the proportion of citizens speaking only Russian at home has increased from twenty-nine percent in 1992 to thirty-six percent in 2000." (244-45).

² See Stepanenko 114.

³ Tamara Hundorova touched briefly on that at the end of her article "New Ukrainian Literature of the 1990s": "The reverse canon of the 1990s embraced not only Ukrainian-language but also Russian-language mass literature. The preceding canon was monocultural and excluded works by Ukrainian authors written in Russian. ... Some Russian-language authors, such as Andrei Kurkov and Marina and Sergei Diachenko, live and work in Ukraine and call themselves Ukrainian writers." (269).

The figure of Andrey Kurkov, a Russian-language writer, I argue, is central to this debate. Not only because of his commercial success in the West (mainly in Western Europe) but also because of his clearly defined position as to who he is as a writer and what national identity he assumes. The latter he conveys directly or through his protagonists: for example, the main hero of the novel *Penguin Lost*, when asked who he is says: “Ukrainian of Russian parents.” (253). As a public figure Kurkov is forcing the issue. That is, he has engendered an important discursive space around his oeuvre vis-à-vis identity politics, a space that simply cannot be ignored in contemporary literary quarters in Ukraine. And even though the question of national literature with regard to the new Ukrainian literature at this juncture is somewhat academic,⁴ it becomes more and more visible and current because of Kurkov’s stand and vocal statements. In the West he identifies himself as a Ukrainian writer who writes in Russian, because Russian happened to be his mother tongue.

Andrey Kurkov was born in Leningrad in 1961. His parents moved to Kyiv when he was two years old so Ukraine is the country where he grew up and where he currently resides. In fact, no other contemporary Ukrainian author writes about Kyiv with such fealty and devotion as Kurkov does, especially in those novels that have been translated into English to date. Ukraine’s capital Kyiv is the hero in these works. In one of his interviews Kurkov admitted that he made a conscious decision to resurrect Kyiv on the world literary map:

А що стосується Києва, то сім років тому я поставив собі за мету повернути Київ як місце дії на літературну карту світу або хоч би Європи. І вважаю, що – завдяки переважно “Пікніку на льоду” та “Приятелю небіжчика” – мені це вдалося. Було дуже багато кумедних ситуацій, пов’язаних із цим. Наприклад, коли сюди приїхав попередній посол Бельгії, мені одразу зателефонували, він зі мною зустрівся і сказав, що йому в бельгійському МЗС порадили перед тим, як їхати сюди, подивитися фільм “Приятель небіжчика”. А вже три чи чотири роки сюди приїжджають літературні туристи з Німеччини чи Швейцарії, які за моїми книжками мандрують (іноді я їх супроводжую) Києвом. (Kurkov, “Narodzhennia novoho” 2)

When it comes to Kyiv, seven years ago I decided to put it back as a place of action on the world literary map, or at least on Europe’s map. And I believe that thanks in large measure to “A Picnic on the Ice”⁵ and “A

---

⁴ Published in 1998 *Istoriia ukrains’koi literatury 20 stolittia*, a collective work under the general editorship of Vitaly Donchyk, focuses mainly on the Soviet writers rather than those debuting in the glasnost and post-independence periods. This seems to be a systemic problem, that is, literary scholars of older generation or more conservative proclivity simply do not take up a new literature into consideration.

⁵ Known in English translation as: *Death and the Penguin*.

Friend of the Deceased”⁶ I succeeded. There were quite a few funny situations connected to this. For example, when a former ambassador of Belgium came here, I got a phone call, a meeting was arranged, and then he told me that he was advised by the Belgian media people to see the film “A Friend of the Deceased”⁷ before leaving for Kyiv. Not to mention the fact that for the last three or four years quite a few literary tourists from Germany and Switzerland come here and use my books as guides around Kyiv (on some occasions I accompany them).⁸

This strong sense of belonging to a concrete place (i.e. Kyiv) that permeates Kurkov’s works cannot but affect his overall national affinity and self-identification. Clearly he rejects a narrow, ethnic (i.e. ‘blood-and-soil’) type of national identity in favor of a civic type, which promotes the idea of nation as a rational association of citizens bound by common laws and a shared territory.⁹ That, however, does not mean that the issues of cultural identity, including the language question are not close to his heart. In fact, despite his using Russian as a medium of artistic expression he is against the introduction of Russian as a second state official language (“Narodzhennia novoho” 4), a position advocated especially by those politicians concerned with election votes in the South Eastern region of Ukraine. Moreover, he is fluent in Ukrainian, uses the language in interviews with Ukrainian journalists, and is well versed in contemporary Ukrainian literature produced by his Ukrainian-language colleagues.¹⁰ In an interview with a BBC correspondent Kurkov even stated that he is Ukrainian because his mentality is Ukrainian (“я за ментальністю українець”)¹¹

The above statements, given at various times and on various occasions, leave very little doubt that Kurkov has a keen interest in fashioning the image of his literary persona in a certain way. He does not belong to those writers who guard their private life and do not like to share personal details. To the contrary, Kurkov readily and willingly discloses his past and present. Perhaps one reason is that his biography is anything but ordinary. Having graduated from the Kyiv Foreign Languages Institute with a diploma of translator of the Japanese language, he was supposed to go with the KGB troops to Kamchatka and

---

⁶ Known in English translation as: *A Matter of Death and Life*.

⁷ A movie directed by Viacheslav Krishtofovich (1997) and based on Kurkov’s novel.

⁸ All translations are mine unless indicated otherwise.

⁹ Cf. Anthony Smith, *National Identity* (Reno, Las Vegas, London: U of Nevada P, 1991)

¹⁰ See his 2006 J.B. Rudnyckyj Distinguished Lecture presented at the University of Manitoba on February 23, 2006 entitled: “Independent Ukraine as a Function of Soviet Inertia.”

¹¹ See “Andrii Kurkov v hostiakh Bi-Bi-Ci” in Works Cited.

Kuril Islands to do radio espionage, but thanks to the intercession of his mother (a doctor in the police hospital), he did his military service as a prison guard in Odesa. A polyglot (he boasts of speaking seven languages), he married an English woman who agreed to move and live with him in Ukraine. They have three children and as Kurkov often says his household is trilingual, with all three languages: English, Russian and Ukrainian each having its niche. A prolific author of fiction, known in the West especially from his depictions of criminal and mafia-like realities in Ukraine immediately following the collapse of the Soviet Union, Kurkov underscores (sometimes overzealously) the fact that his prose is part of contemporary Ukrainian literature. In the already cited BBC interview he expressed his position quite explicitly, that is, he believes that everything created on Ukraine's territory belongs to Ukrainian culture:

Але головне – я вважаю, що все що робиться на території України, це належить українській культурі. Наприклад, якщо це література татарською мовою, угорською, на мові їдиш, якою пише письменник Йозеф Бург, найстаріший письменник, що пише мовою їдиш, проживає в Чернівцях – це все належить українській культурі. Звичайно, можна бути етноцентристом і казати, що тільки україномовна література є українською, але це поза логікою, бо кожна національність, яка є активна, кожна національність продукує свій культурний продукт, який належить Україні. (1)

Most importantly, I believe that all that is being done on Ukraine's territory belongs to Ukrainian culture. For example, a literature written in Tartar or Hungarian, or in Yiddish, the latter being used by Joseph Burg, the oldest writer who still writes in Yiddish and lives in Chernivtsi, all that belongs to Ukrainian culture. Of course, one can be ethnocentric and state that only Ukrainian-language literature is truly Ukrainian, but this is beyond logic, because every ethnicity, still active in the country, every nationality, all produce their own cultural product, which belongs to Ukraine.

This view is not universally shared among Ukrainian literati. The notion of national literature, that is which language should rightly represent it seems to be controversial at least to some Ukrainian writers. For example, Vasyl' Shkliar, in an interview given to the magazine *Knyzhnyk-Review* explicitly states that language should be a decisive criterion. That is, only works written in Ukrainian should be part of Ukrainian literature. Expressing his opinion on contemporary Russian-language writers living as citizens in Ukraine, he says: "I respect the refined, remarkably elegant prose of Maryna and Sergey Diachenko, I like Kurkov, ... but I will never say that Andrey Kurkov is a Ukrainian writer." Volodymyr Iavorivs'kyi, on the other hand, representing the literary establishment of the Writers' Union and belonging to the *shistdesiatnyky* generation, happens to take a different position

on the matter. In an interview given to *Dzerkalo tyzhnia* in January 2002, he states: “We have had a tradition in Ukraine for centuries whereby Russian-language writers live and work here. Their prose, their poetry are based on Ukrainian material, characters and reality. There are Russian-language writers that of which our literature should be proud. For example, Andrey Kurkov – a renowned literary figure, a writer whose works are published in many countries. We have to define our stand clearly – this is our intellectual property.”

This dilemma might appear brand-new in the post-independence period but there is a precedent for it in the history of Ukrainian literature, when several languages were used interchangeably. This is true, especially for the Renaissance and Baroque periods. The literature of this era was multilingual and not based on the vernacular: not only Latin and Polish were employed regularly but also a Ukrainian version of Old Church Slavonic. Returning to a more contemporary perspective – a vast array of literatures known as ‘post-colonial’ often use the languages of former metropolises. These examples do not intend to dismiss the stand of those Ukrainian writers who oppose such an idea and insist on Ukrainian as a sole literary language. Such writers often feel, and one could argue justifiably so, like ‘endangered species’ in their own country. Even Kurkov admits that the book market in independent Ukraine favors Russian-language publications.¹² Ukrainian publishing houses are at a disadvantage vis-à-vis their Russian counterparts because they do not enjoy comparable subsidies. No wonder that some Ukrainian writers might feel resentful toward Russian-language literature produced on Ukrainian territory.

However, the situation in the publishing industry should not shape the debate on language choice when it comes to factors defining a national literature. For Kurkov, as I already indicated, the language itself is not a sufficient criterion. He advances a view in which a territorial approach seems to take precedence. This is the view he has expressed in a number of interviews and also indirectly through his novels.

It would be hard to deny Kurkov’s fiction a Ukrainian character. Most of his works, at least thematically, hover around issues and situations, whether political or social, that arose in post-Soviet Ukraine after 1991. Another common thread is that regardless of where plots take protagonists – East, West or Antarctica, all action originates and ends in Kyiv, a place loved by Kurkov and his heroes alike. At least this is true in the case of six novels I would like to focus on. They include all four that have been translated into English thus

---

¹² See Kurkov’s lecture “Independent Ukraine”

far, and for which Kurkov is best known (*Death and the Penguin*, 2003 and its sequel *Penguin Lost*, 2004 as well as *The Case of the General's Thumb*, 2004 and *A Matter of Death and Life*, 2005), as well as another two written almost a decade apart (1996 versus 2004), entitled *Good Angel of Death* (2000) and *The President's Last Love* (2005), respectively.

Of course, not all the above novels approach things Ukrainian with the same degree of attention. While implicitly all deal with the Ukrainian post-Soviet reality, those written earlier, in the first half of the 1990s, like *Death and the Penguin* or *A Matter of Death and Life*, tend to shy away from issues of national identity and concentrate more on economic and social absurdities, created by the collapse of the Soviet Union and its ideology, and affecting the daily lives of ordinary citizens. The protagonists in both novels, males in their early thirties, face isolation, the lack of a social network, difficulties in adapting to new economic realities, and sooner or later find themselves implicated in criminal enterprises. In the typically Kurkov manner there is always an element of surprise in the otherwise straightforward suspense stories. For example, in *Death and the Penguin* it is the hero's unusual pet (the penguin Misha) that seems to act with more dignity than humans themselves, and in *A Matter of Death and Life* it is a plot, a strange twist of fate, whereby the main protagonist who at first wants to die because of personal failures and hires an assassin, then changes his mind, so he hires another assassin to kill the first one, and, in the end, wracked by guilt marries the assassinated man's wife. Unlike Kurkov's later works, these stories unfold entirely in Kyiv. The writer's attention to the city itself, turning it into an implicit character, is what foreign readers seem to notice and like in Kurkov's oeuvre.¹³

The two other novels translated into English, *Penguin Lost* and *The Case of the General's Thumb*, expand geographically beyond the confines of Kyiv. In the sequel to *Death and the Penguin* we find the protagonist in Antarctica where he ended up fleeing the Mafia. Determined to find Misha at all cost he returns to Kyiv, but is forced to travel first to Moscow and then Chechnya all in an effort to trace his penguin. Only now, beyond the borders of Ukraine, the issue of national identity comes out. The hero, while in Chechnya, does not forget to emphasize that he is from Kyiv, Ukraine, and not from Moscow, in order to secure for himself better treatment among Chechen fighters. *The Case of General's Thumb* brings to light competing interests between the Russian and Ukrainian secret services. The protagonists of this novel travel west, first to Germany via Belarus and Poland,

---

¹³ Please refer to the quote given earlier.

then to France, England and finally to Cyprus. There can be no doubt about the identity of the main players, because the whole investigation into money laundering is conducted on a state level.

Written eight years apart, *Dobryi angel smerti* (Good Angel of Death) and *Posledniaia liubov prezidenta* (The Presidents' Last Love), are thus far the most 'Ukrainian' of all Kurkov's novels. *Good Angel of Death* describes a hero, Nikolai Sotnikov, who by chance inherits *Kobzar*, a book of poems by the Ukrainian Romantic poet Taras Shevchenko, with handwritten comments in the margins. He decides to learn the identity of the author of the scribbled notes and in the process discovers more papers, which in the end send him to Kazakhstan in search of hidden treasure. He is determined to visit the places where Shevchenko served as a soldier in the tsarist army, a punishment he received for writing anti-tsarist poems. As it turns out he is not the only one looking for this treasure. A couple of young Ukrainians also embark on the same mission. In the end, Nikolai Sotnikov and his Ukrainian friends find Shevchenko's original love letters written to a married woman, no doubt an interesting discovery, but the main protagonist also finds a personal treasure, his future wife. She is a Kazakh girl, whose family saved him from an imminent death in the desert storm. It is an adventurous novel with many twists and turns, but there are two things that stand out in particular. First, Kurkov uses the iconic figure of Shevchenko to debunk nationalist tendencies to put him on a pedestal and make him a saint. In Kurkov's novel Shevchenko is depicted as a man who like everyone else has his weaknesses and flaws. Second, it is the only novel in which Kurkov makes some protagonists speak Ukrainian (but he uses Russian letters to convey the right pronunciation). In one of the interviews, the writer admitted that in the mid-1990s he felt pressure to express himself in Ukrainian, and that is why he introduced in part the language in *Good Angel of Death*.

Kurkov's last novel *The President's Last Love* also dwells on Ukrainian experiences. It is a *Bildungsroman* of sorts because we see the maturation process of the main protagonist, from his youth in the mid-1970s to his middle ages in 2016. The novel's narrative does not unfold in a linear, chronological manner. Instead we deal with three separate narratives, each being devoted to a different time frame in the hero's life. The novel is about the Ukrainian president and his personal life, but at the same time provides insights into intricacies of dealings among political elites. The novel was written before the Orange Revolution, yet Kurkov's president, rather passive and ineffectual, suffering from a heart disease, bears some resemblance to the current president of Ukraine Viktor Yushchenko. It is no doubt a mere

coincidence, but Kurkov skillfully shows the workings of the whole image-building apparatus. His president, although a good man, is depicted more like a puppet in the hands of clever officials than a strong leader.

By now it should be abundantly clear that Kurkov wants very much to be part of the contemporary Ukrainian literary scene. He follows the currents in new Ukrainian literature and understands the literary process behind them. He is outspoken about his views on national culture, including national literature, and factors contributing to its further development. No other Ukrainian contemporary writer has managed to be as commercially successful in the West as Kurkov. It remains to be seen if literary critics of today and tomorrow will be equally generous toward his oeuvre and find a niche for him in a national canon.

Works Cited

- "Andrii Kurkov v hostiakh Bi-Bi-Ci." 24 lystopada 2005. [Http: www.bbc.co.uk/ukrainian/forum/story/2005/11/printable/051113_kurkov.shtml](http://www.bbc.co.uk/ukrainian/forum/story/2005/11/printable/051113_kurkov.shtml)
- Donchyk, Vitalii, ed. *Istoriia ukrains'koi literatury XX stolittia: u dvokh knykhakh*. Kyiv: Lybid', 1998.
- Hundorova, Tamara. "New Ukrainian Literature of the 1990s." *Journal of Ukrainian Studies* 26:1-2 (2001): 249-70.
- Iavorivs'kyi, Volodymyr. "Kompleks tiazhiie nad ukrains'kym suspil'stvom." *Dzerkalo tyzhnia* 5-18 sichnia 2002. [Http: www.zn.kiev.ua/ie/print/33432](http://www.zn.kiev.ua/ie/print/33432)
- Kurkov, Andrey. *The Case of the General's Thumb*. London: Vintage, 2004.
- . *Death and the Penguin*. London: Vintage, 2003.
- . *Dobryi angel smerti*. Sankt-Peterburg: Amfora, 2006.
- . "Independent Ukraine as a Function of Soviet Inertia." The 2006 J.B. Rudnycky Distinguished Lecture, University of Manitoba, February 23, 2006. [Http: umanitoba.ca/libraries/units/archives/grants/rudnycky_lecture_13.html](http://umanitoba.ca/libraries/units/archives/grants/rudnycky_lecture_13.html)
- . *A Matter of Death and Life*. London: The Harvill Press, 2005.
- . "Narodzhennia novoho bez stresu ne buvaie." Den' 26 lystopada 2004. [Http: www.day.kiev.ua/290619?idsource=128181&mainlang=ukr](http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=128181&mainlang=ukr)
- . *Penguin Lost*. London: The Harvill Press, 2004.
- . *Ostannia liubov prezidenta*. Ternopil': Bohdan, 2005.
- Shkliar, Vasyl'. "Vasyl' Shkliar: 'Ia ... poslav legionera v Chechniu.'" *Knyzhnyk-review*. [Http: www.review.kiev.ua/review.shtm?id=661](http://www.review.kiev.ua/review.shtm?id=661)
- Smith, Anthony. *National Identity*. Reno, Las Vegas, London: U of Nevada P, 1991.
- Stepanenko, Viktor. "Identities and Language Politics in Ukraine: The Challenges of Nation-State Building." *Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries*. Ed. Farimah Daftary and Francois Grin. Budapest: Open Society Institute, 2003. 109-35.
- Strikha, Maksym V. "Language and Language Policy in Ukraine." *Journal of Ukrainian Studies* 26:1-2 (2001): 239-48.

Юлія КИСЛА

УКРАЇНСЬКА ІСТОРИЧ-
НА ПАМ'ЯТЬ: КОН-
СТУЮВАННЯ ЗАГАЛЬНО
РАДЯНСЬКОЇ ІДЕНТИЧ-
НОСТІ В УРСР В
СТАЛІНСЬКИЙ ПЕРІОД
(1930 – 1950-ТІ РР.)

Після завершення громадянської війни 1917-1920 рр. перед керівництвом СРСР постала необхідність конституційного врегулювання відносин між радянськими республіками в багатонаціональній державі. РРФСР займала 92% території, на якій жило 70% населення майбутнього союзу соціалістичних республік. Цілком очевидним був той факт, що створена тоталітарна держава, досягнувши уніфікації в усіх сферах життя, прагнула до перетворення всіх радянських народів в один соціалістичний народ – з єдиним минулим, без пам`яті або ж з новою її формою.

Українська історична пам`ять, зокрема, зазнавши кардинальних змін в процесі становлення СРСР, набула нової форми в радянські часи. Це було спричинено особливим статусом Української РСР у комуністичному таборі. Адже вона була найбільшою неросійською республікою в СРСР, і без неї Радянський Союз втрачав рацію свого існування. Москва пропонувала українцям роль молодшого брата росіян в утриманні радянської системи та підкріплювала цю пропозицію історичними аргументами: без цього союзу українці й Україна давно зникли б з карти світу перед загрозою агресії зовні, чи то в часи Речі Посполитої та Османської імперії, чи то в часи Першої та Другої світових воєн. Українці вирости з Київської Русі, спільної колиски трьох братніх народів – українського, білоруського та російського, а покинувши її, тільки й хотіли возз`єднатися з братами та будувати з ними спільне майбутнє - Радянський Союз з його „новою історичною спільнотою” - радянським народом. Українське минуле з його довгою традицією анархістських козацько-селянських бунтів та революцій проти кожного уряду не вписувалося в таку ідилічну схему. Радянський режим щодо українців, як зазначає Ярослав Грицак, практикував „радикальну національну амнезію”¹⁴. В таких умовах історична пам`ять українців була не лише деформована до невпізнаваності, але й „атрофована”, як атрофуються м`язи людини, яких вона не задіює.

Процес „винайдення” нової форми української історичної пам`яті радянського зразка відбувався поступово і відзначався своєю прямою залежністю від змін в радянській національній політиці та ідеологічних трансформацій. В останні роки з`являється все більше досліджень, присвячених вивченню національного питання в СРСР. Інтерес до даної проблематики обумовлений, зокрема, намаганнями пояснити причини розпаду могутньої держави. Основною тезою робіт на цю тему є думка про суперечливість національної політики, яка проводилася радянським керівництвом. З однієї сторони, воно активно сприяло формуванню національних ідентичностей, з іншої – досить послідовно

---

¹⁴ Грицак Ярослав Тяжке примирення // Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. – Київ: Критика, 2004. – С. 127.

проводило курс на створення єдиної радянської спільноти. Результатом першої тенденції стало те, що в масову свідомість на фоні пропаганди інтернаціоналізму впроваджувалися норми націоналізму. Протягом десятиліть радянське керівництво навювало поколінням радянської держави, що вони не просто люди та громадяни, а ще й представники "націй та народностей", які володіють визначеними правами та різноманітними статусами. Одночасно, на противагу актуалізації націоналістичного дискурсу, комуністи намагалися реалізувати доктрину „пролетарського інтернаціоналізму”, сутність якої, за виразом О. Тішкова, полягала в тому, що „солідарність трудівників Росії в ім`я спільної революційної справи вимагає їхнього об`єднання в єдину державу”. Ця друга тенденція була спрямована на інтеграцію полікультурного суспільства в громадянську націю та була схожа, на думку С. Рібакова, на „звичайне націобудівництво, лише забарвлене в „камуфляжний” класовий колір”¹⁵.

Особливістю державного будівництва СРСР стало те, що комуністичний режим активно використовував етнічність для територіально-адміністративного структурування країни. Через це він докладав багато зусиль та засобів для розвитку радянських етнонацій. Було вироблено своєрідну номенклатуру народів – соціалістичних націй і народностей, ранжованих за своїм етнополітичним статусом від союзних республік до автономних округів. Бажання радянського керівництва уникнути небезпеки сприйматися як імперія змушувала його звернутись до стратегії т.зв. „позитивної дії” (Т. Мартін), проголошення основних засадничих принципів національної держави – принципів державного суверенітету та національного самовизначення. Основною її відмінністю від попередників було „відкидання нею своєї імперської сутності та використання цих принципів у якості інструментів не заснованого на консенсусі контролю за поліетнічним населенням”¹⁶. Так більшовики намагалися сполучити націоналістичну вимогу національної території, культури, мови та еліти з соціалістичною потребою економічної та політичної унітарності держави. В такій інтерпретації їх скоріше можна назвати „інтернаціональними націоналістами” або ж, використовуючи термін Тері Мартіна, націоналістами „позитивної дії”¹⁷.

Національна політика комуністів пояснювалася не стільки їх прагненням до реального розвитку та звільнення народів, скільки розумінням того, що національна свідомість є „невідворотною

---

¹⁵ Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio*, №4, 2004. – С. 241.

¹⁶ Бейссингер Марк Переосмысление империи после распада Советского Союза// *Ab Imperio*. – 2005, № 3. – С. 41.

¹⁷ *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. - 2001. - P. 15.*

історичною фазою, яку всі народи мають пройти на шляху до інтернаціоналізму”¹⁸. Відповідно до розробленої більшовиками нової національної стратегії вони вживали заходи, спрямовані на „максимальний розвиток національної культури, з тим, щоб вона вичерпала себе до кінця, і щоб потім було створено базу для організації міжнародної соціалістичної культури”¹⁹.

Більшовицьку національну політику неможна розглядати у відриві від питання радянських ідеологічних трансформацій 30-х р., оскільки саме вони, як показує матеріал, стали першими ознаками переорієнтації сталінської ідеології в сторону націоналізму. В цей період Йосип Сталін поступово еволюціонує в своїх поглядах щодо націоналізму та розуміє важливість національної складової у справі державного будівництва. Він також визнає необхідність створення нової радянської спільноти, яка б поділяла спільні історичні образи та уявлення. Центральною ідеєю мав стати саме національний компонент, оскільки без нього неможливо було створити потужний інтегруючий міф. В умовах прискореної індустріалізації партійне керівництво відмовилось від ідеалізму та революційного ідеологічного пуританства на користь досягнення реальних політико-економічних завдань. А, відтак, розчарування в доктрині світової революції та пролетарського інтернаціоналізму, потреба в сильній централізованій державі, такої необхідної умови для існування тоталітарного суспільства, призвели до зростання інтересу до ідеї великодержавності та змусили партійну верхівку на чолі зі Сталіним звернутись до історичних традицій та цінностей російського самодержавства. Поступово відроджується позитивний образ російського минулого: зокрема, ленінська формула „Росія – тюрма народів” замінюється на формулу „царизм – тюрма народів”, а з середини 30-х рр. реабілітуються такі історичні особи, як Іван IV Грозний, Олександр Невський, Петро Перший. До середини 30-х років було завершено націоналізацію історії та літератури, переглянуто стару модель історичних знань, запропоновану в 20-ті роки Миколою Покровським. Зв`язок з дореволюційною Росією мав дати сталінському режиму необхідну легітимність, яку марксизм-ленінізм не був здатний забезпечити.

Так званий „великий поворот” 1930-х рр., (**Great retreat**) тобто відхід сталінської ідеології від революційного пролетарського інтернаціоналізму до русоцентризму, став предметом якнайширшого наукового зацікавлення серед дослідників цієї епохи. Дискусії навколо питання сталінської переорієнтації в сторону націоналізму, переважно великодержавницького забарвлення, і досі активно тривають. Однією з

---

¹⁸ Мартин Т. *Империя позитивного действия. Советский Союз как высшая форма империализма?* // **Ab Imperio**. - №2, 2002. - С. 61.

¹⁹ Сталин И.В. *Марксизм и национально-колониальный вопрос*. - М., 1939. - С. 211.

найпродуктивніших наразі є версія американського дослідника Девіда Бранденбергера. Він стверджує, що русоцентричні теми було впроваджено в радянську ідеологію 30-х рр. в контексті більш прагматичної ідеологічної орієнтації, коли вище партійне керівництво дійшло до висновку, що утопічний пролетарський інтернаціоналізм стримує мобілізацію радянського суспільства на індустріалізацію та війну. Результатом пошуків більш прагматичної об'єднаної теорії стало вироблення концепту „русоцентричного етатизму”, який мав стати найефективнішим способом сприяння державному будівництву та забезпечення народної лояльності до режиму²⁰.

Правлячий режим прагнув проводити політику політичної та культурної консолідації населення Радянського Союзу. Відповідно в ідеологічному дискурсі, який було вироблено, відбувалося активне маніпулювання історичним матеріалом, за допомогою якого створювався єдиний погляд на історію СРСР. Адже саме історіографія виступає в якості одного з найбільш впливових методів формування спільної історичної уяви і є головним маркером суспільно-ідеологічної динаміки. За її допомогою для всіх народів СРСР впроваджувалася в суспільну свідомість радянська ідентичність та конструювалася спільна історична пам'ять. Вже в 1931-1934 рр. історія реабілітується як предмет (в 1920-ті рр. її було замінено суспільствознавством), а відповідно формується і нова виховна концепція школи. Соціологія та класовий аналіз школи Покровського замінюються традиційним історичним наративом, в центрі якого - тема державного будівництва. Крім того, сама російська історія переписується з метою доручення національних історій республік до єдиної спільної радянської (читай російської) історії.

Надалі з цією ж метою було розроблено низку ідеологем, за допомогою яких актуалізувалася загально радянська свідомість. „Наднаціональні історичні образи”²¹ – наприклад, „збирання земель” чи „возз'єднання”, „братської допомоги” чи „дружби народів” – виступили в ролі ефективних засобів наднаціональної мобілізації. Особлива роль в даному процесі належала саме концепту „дружби народів”, який був своєрідною ідеологічною надбудовою над двома іншими концептами – примордіалістської етнічності та русоцентризму. На думку Тері Мартіна, саме ця ідеологема грала роль домінантної національності в

---

²⁰ *Brandenberger D. From proletarian internationalism to populist russocentrism: thinking about ideology in the 1930-s as more than just "Great Retreat" //*

<http://nationalism.org/library/science/ideology/brandenberger/brandenberger-havighurst.pdf>. – P. 4.

²¹ Нарский Игорь В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен // *Ab Imperio*, № 1, 2004. – С. 86.

традиційній національній державі та була „уявленою спільнотою Радянського Союзу”²².

Створена з метою мобілізації розрізненого населення країни, метафора „дружби народів” вперше була проголошена Йосипом Сталіним в грудні 1935 р. та окреслена в межах міжетнічного співробітництва та національної гармонії, що стало можливим лише завдяки соціалізму. Характерно, що до 1930 р. загальноприйнятою була позиція, що лише радянська влада відкрила народам СРСР шлях до дружби²³. Після 1934-36 рр. дружба народів СРСР оголошувалася вічною – вони дружили завжди, з часів Київської Русі і московських князів, і завжди будуть разом.

У 1936 р., попри офіційно проголошений принцип рівноправ`я усіх братніх народів, в їхній сім`ї з`являється старший брат – великий російський народ. Взимку 1936 р. „Правда” визначає місце російського народу в радянському суспільстві та вперше проголошує формулу „першого серед рівних”, заклавши основи для виникнення подальшої етнічної ієрархії. В статті, зокрема, підкреслюється „виключна роль” російського народу в боротьбі за пролетарську державу та величезне значення російської культури для розвитку інших народів СРСР. Крім того вводиться формула ототожнення всього російського з радянським з огляду на його значний вплив²⁴. Відтоді дедалі більше оформлюється ієрархічна схема радянських націй та народностей. „Великий російський народ”, який вінчав цю піраміду радянських націй, розглядався сталінським керівництвом як своєрідний цемент, державна нація, чий інтереси збігаються з інтересами сталінської імперії. А відтак, залучаючи сюжети з російського минулого, сталінська ідеологія поставила міфологему про „великий російський народ” на центральне місце в радянському проекті всіх соціалістичних націй.

Ці ідеологічні зрушення знайшли своє продовження передусім в сфері історіописання та шкільництва. Початок корегування партійної історії відзначила стаття І.Сталіна „Про деякі питання історії більшовизму”, надрукована в журналі „Пролетарська революція” 1931 р., що фактично позначило якісний перехід у розвитку історико-партійної науки. В 1934-1936 рр. розпочинається робота по написанню стабільних підручників з історії СРСР та публікуються „Зауваження” Сталіна, Жданова та Кірова (рецензія на підручники з історії СРСР) – інструкція, як викладати російську історію. Радянська історія, препарована Сталіним, набуває вид своєрідного гібриду націоналізму та

---

²² Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939.* - 2001. - P. 461.

²³ Геллер М. Я. *Союз нерушимый // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / ред. Ю.Н. Афанасьев. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира т. 1.* - М.: Российский государственный гуманитарный университет. - С. 203.

²⁴ РСФСР // Правда. - 1 Февраля. - 1936. - С. 1.

марксизму. В підручнику з історії дозволяється згадка про введення християнства, оскільки воно було „прогресом в порівнянні з язичницьким варварством”, дозволяється говорити про „прогресивну роль монастирів в перші століття після хрещення Русі”, оскільки вони насаджували грамоту та були „колонізаційними базами”²⁵. Прогресивним оголошується будівництво міцної держави, прагнення до моря. У зв’язку з цим з’являються і “прогресивні” князі та царі – ті, хто відображав прогресивні закони історії, і реакційні народні виступи – якщо вони заважали „прогресивним” діям князя чи царя. Народ є „прогресивним”, якщо він підтримує царя. Історія, яка після 1917 р. розглядалася з точки зору класової боротьби, починає переглядатись з точки зору боротьби за створення сильної держави. Таким чином, схема ортодоксального марксизму про боротьбу класів спритно ув’язується зі схемою ортодоксального націоналізму.

В 1936 р. виходить „Короткий курс історії ВКП(б)” (далі КК), який фактично завершує процес підгону революційної історії під стандарт концепції Сталіна. „Короткий курс” позначив зміну в ідеологічній стратегії радянського керівництва. Т.зв. „класово-орієнтовану радянську систему лояльності” 1920-х рр., засновану на принципі мобілізації населення через „надихання прикладом” („**mobilization by example**”), було замінено на більш прагматичну концепцію „русоцентричного етатизму” (Девід Брандербергер)²⁶.

Якщо розгляд післяреволюційної історії мав коригуватись відповідно до тез „Короткого курсу історії ВКП(б)”, то історичні сюжети з дореволюційного періоду повинні були трактуватися з позицій, виголошених в підручнику історії СРСР Шестакова-Жданова 1938 р. та кількох постановках, які разом витворювали офіційну модель історичної пам’яті радянського соціуму та містили основні ідеологічні установки тих часів. Серед більше сорока десятків підручників, представлених на конкурсі, найбільш придатним посібником для роботи в школі було визнано колективну працю, складену кафедрою історії СРСР Московського державного педагогічного інституту під редакцією професора СРСР Олександра Шестакова. Цей варіант підручника, ретельно відредагований в 1937 р. керівником агітаційно-пропагандистської роботи ВКП(б) Андрієм Ждановим, отримав в науковій літературі назву «підручника Шестакова-Жданова». В постанові журі урядової комісії з конкурсу на найкращий підручник для 3-го та 4-го класів середньої школи з історії СРСР зазначаються основні постулати нової історичної свідомості. Так вперше на противагу язичницькому варварству пропагується прогресивне значення введення

²⁵ *Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов. Под ред. М.Шестакова. – М., 1937. – С. 34.*

²⁶ *Brandenberger D. From proletarian internationalism to populist russocentrism: thinking about ideology in the 1930-s as more than just “Great Retreat” // <http://nationalism.org/library/science/ideology/brandenberger/brandenberger-havighurst.pdf>.*

християнства на Русі. Крім того, піддається критиці факт ігнорування авторами-конкурсантами „позитивної ролі в діях Хмельницького в XVII ст.”, а відповідно й попередня історіографічна формула трактування Переяславської ради як „абсолютного зла” змінюється новою формулою „найменшого зла”²⁷. Якщо в програмі курсу історії України за 1931 рік Переяславський договір описувався як „спілка українських феодалів з російськими і по суті юридично оформив початок колоніального панування Росії над Україною»²⁸, то відповідно до нової історіографічної формули це вже „приєднання, що було якнайменшим злом для України в той час”²⁹. Таким чином, радянська дійсність 30-х рр. з метою легітимізації владних структур проголошувалась вершиною історичного розвитку країни, втіленням надій та прагнень багатьох поколінь людей, результатом боротьби, яку робітники та селяни вели продовж століть. Це й був головний висновок, до якого мало б вести вивчення історії СРСР.

В контексті ідеологічних та політичних трансформацій, які відбувалися в СРСР в 30-ті рр., постановою Колегії Наркомату освіти УРСР від 1 січня 1933 р. в Україні відродили роботу державних університетів, в тому ж році створено історичний факультет в Київському університеті. У січні 1936 р. в Москві на базі низки партійних інститутів було створено Інститут історії АН СРСР, а 23 липня 1936 р. в системі Академії наук УРСР на основі Інституту історії ВУАМЛІН³⁰ було створено Інститут історії України, який почав вивчати історію України згідно із схемами марксистської концепції про суспільно-економічні формації.

Становлення єдиного радянського світогляду відбувалося також через актуалізацію ідеологем „радянський патріотизм” та частково „радянський народ”. Характерною особливістю радянського патріотичного виховання в другій половині 30-х рр. було те, що воно ґрунтувалося не лише на прищепленні любові до всього російського, а скоріше на вихованні ненависті до зовнішніх ворогів. В умовах воєнної небезпеки радянське керівництво чітко розуміло, що такій ситуації досягнення масової підтримки радянської влади з боку неросійських народів, українців, зокрема, мало базуватись не на залякуванні і примусі, а на їхній свідомій ідентифікації себе з цією владою. А, відтак, формування української моделі „радянського патріотизму” мало

²⁷ Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. Сборник. – М.: Издательство высшей партийной школы при ЦК ВКП (б), 1942. – С. 37.

²⁸ Проект програми з історії України. Для соціально-економічних вищів, Х.: Народний Комісаріат освіти, 1931. – С. 9.

²⁹ Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. Сборник. – М.: Издательство высшей партийной школы при ЦК ВКП (б), 1942. – С. 37.

³⁰ ВУАМЛІН - Всеукраїнська асоціація марксистсько-ленінських інститутів.

відбуватись з урахуванням місцевої соціальної та національної специфіки. Водночас слід наголосити, що на відміну від Росії, де „радянське” сприймалося більшістю населення як синонім „російського”, врахування національних особливостей в УРСР призводило до ефекту формування подвійної ідентичності – як української, так і радянської³¹. Проте, акцентувався вторинний характер цього різновиду історико-патріотичної тематики, оскільки вона могла існувати лише в контексті пропагованої російсько-української дружби – „величної допомоги Україні від великого російського народу”.

Наступним моментом побудови об`єднавчої ідеї у формі „дружби народів” на теренах УРСР стала розробка нових поглядів на Київську Русь та її спадщину. Українські історики-націоналісти обстоювали пріоритетне право українського народу на „київську спадщину”, яке в контексті впровадження радянською ідеологією концепції „старшого брата” було зовсім неприйнятне. Ситуацію було вирішено завдяки запровадженню нового положення про Київську Русь як „спільний початковий період”³² або „спільну колиску”³³, історії трьох східнослов`янських народів, які відігравали надзвичайно важливу роль у ідейному обґрунтуванні засад „споконвічного”, „непорушного” „братерського союзу” українців, білорусів та росіян, неодмінної умови існування самого Радянського Союзу. Остаточна нова концепція про Київську Русь утвердилася завдяки працям московського історика Бориса Грекова, який висунув теорію про існування „давньоруської народності” – єдиного руського (східнослов`янського) народу Київської Русі, спільного пращура українського, російського та білоруського народів. Його монографія „Київська Русь”, що вийшла в 1939 р., збіглася у часі з приєднанням до СРСР Західної України та Західної Білорусії, що дозволило Грекову 26 жовтня 1939 р. на засіданні відділення історії та літератури АН СРСР зробити доповідь, у якій він прослідкував „ентокультурну єдність та спільність західних українців і білорусів”³⁴. Цікавими для порівняння є два коротких огляди історії Західної України, які вийшли в Москві та Києві в 1940 р., оскільки це дає можливість побачити, наскільки різним було розуміння нової політики пам`яті радянськими українськими та російськими істориками. В Києві С. Білоус та О. Оглоблін описували щойно приєднані землі як „давні українські землі”, в Москві ж В. Пічета в першому ж реченні проголосив

³¹ Гриневич В. Вказ. праця. - С. 72.

³² Ястребов Ф., Гуслистий К. Нариси з історії України. Вип. 1: Київська Русь і феодальні князівства ХП-ХШ ст. - К.: Вид-во Академії наук, 1937; Нариси з історії України. Вип. 1, під заг.ред. С. Белоусова. - К., 1937; Історія України: Короткий курс/ Під ред. С. М. Белоусова та ін. - К., 1940.

³³ Історія України. Т. 1. За ред. О. Касименка. - К.: Видавництво Академії наук Української РСР, 1950. - С. 30.

³⁴ Юсова Н. Зміна акцентів в українській радянській медієвістиці на проблему приєднання України до Росії (кінець 30-х – 1-ї половини 40-х рр. ХХ ст.) // Проблеми історії України: Факти. Судження. Пошуки: міжвідомчий збірник наукових праць. - Вип. 9. - К., 2003. - С. 379-380.

землі Західної України та Білорусі „споконвічними російськими землями, які були частиною імперії Рюриковичів”³⁵.

В Україні дещо пізніше, ніж в Росії (з кінця 1930-х рр.) відбувся процес реабілітації національних героїв, раніше негативно маркованих. Нагадаємо, що Велика радянська енциклопедія 1935 року повідомляла: „Хмельницький Богдан Зіновій - політичний діяч середини XVII віку у Польщі і на Україні, ім'я якого пов'язано з найбільшою селянською війною на Україні, яка в дворянсько-буржуазній історіографії зветься „Хмельниччиною”... Але Хмельницький насправді не був і не міг бути вождем революції і зіграв у ній роль зрадника і лютого ворога повсталих козацько-селянських мас”, бо „сприяв закріпленню колоніального панування Росії над Україною і кріпосного гноблення”³⁶. Як вже зазначалося, першу зміну тлумачення постаті гетьмана та самої Переяславської Ради було окреслено в „Зауваженнях...”, а вже в серпні 1937 р. в „Правде” та підручнику Шестакова-Жданова (1938 р.) офіційно затверджено формулу „меншого зла”. В 1937 р. Олександр Корнійчук написав п'єсу „Богдан Хмельницький”, в якій гетьман зображувався великим державником та воєнним керівником, видатним етнічним героєм, який звільнив Україну від польського поневолення та створив козацьку державу. Навесні 1939 р. п'єсу було затверджено, а в 1941 р. вона отримала Сталінську премію. Протягом 1939-1940 рр. режисер Ігор Савченко за цим твором зняв фільм з однойменною назвою. Характерним є той факт, що фільм створював образ гетьмана як народного лідера в боротьбі проти польського пригноблення, ігноруючи водночас факт подальшого союзу з Росією.

Реабілітація Хмельницького визначила шлях для відновлення пам'яті про інших „великих пращурів” українського народу, зокрема, українського еквівалента Олександра Невського князя Данила Галицького, а також поета Тараса Шевченка. Широкого розголосу набуло святкування 125-ої річниці поета, на честь якого було перейменовано Київський університет та Оперний театр. Було опубліковано повне зібрання творів Шевченка і споруджено декілька пам'ятників, зокрема, в травні 1935 р. у Харкові³⁷. Так, наприклад, відкриття пам'ятника в Києві зібрало близько 200 тисяч учасників, до яких з промовами звернулися Микита Хрущов та інші партійні керівники. Старий образ Шевченка - „поета селянського повстання” - в 1939 р. Шевченко змінюється на новий, відтепер Шевченко - „великий син українського народу”, „засновник української літератури та батько нації”³⁸.

³⁵ *Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. - Toronto, University of Toronto Press, 2004. - P. 25.*

³⁶ *Большая Советская Энциклопедия. - М., 1935. — Т. 59. — С. 816—819.*

³⁷ *Сегодня в Харькове открытие памятника Шевченко // Правда. - 23 Марта. - С. 2.*

³⁸ *Вісті. - 6 Березня 1939. - С.1-3.*

В 1940 р. Інститут історії України нарешті опублікував колективну працю „Історія України: Короткий курс”, яка фактично поклала початок реабілітації національного нарративу. Князь Данило Галицький та Богдан Хмельницький тут постають великими патріотами та вправними воєначальниками. Водночас відбувається повернення до старої інтерпретації царської історіографії, де гетьман Мазепа – зрадник, оскільки підняв повстання проти Петра Першого. Історія Кирило-Мефодіївського братства, першої підпільної політичної організації, розглядається через призму прославлення одного з її членів - великого національного поета Тараса Шевченка. Однак апогеєм всієї історії України стає „велике воз`єднання українського народу в єдиній українській соціалістичній державі”³⁹.

Вже на самому початку радянсько-німецької війни з огляду на необхідність підвищення морально-патріотичного духу населення на боротьбу проти „фашистських окупантів” відбувається широка кампанія з популяризації ідей радянського патріотизму та пробудження етнічної свідомості народів для боротьби. Проте історичні сюжети, запозичені з російської історії, були мало ефективні для мобілізації українського народу, оскільки це були суто російські конфлікти часів, коли український етнос ще не підлягав російській імперії і в них участі не брав. Отже, необхідно було віднайти „корисні” історичні сюжети, які б мали сильніше національне забарвлення та мали більші мобілізаційні властивості. Відбувалося т.зв. „підлатування”, корегування місцевої національно-героїчної патетики відповідно до офіційної моделі лояльності до правлячого режиму та витворених моделей ідентичності. Зокрема, в московській „Правде” крім публікацій про Невського та Кутузова⁴⁰ поступово з`являються згадки про галицького князя Данила і його боротьбу з литовцями та запорізьких козаків в опозиції до поляків та татар. Відтак, виявилось, що як і росіяни вели вітчизняну війну проти Наполеона в 1812 р., так і українці вели свої вітчизняні війни проти поляків а німців в середині XVI століття. Перша поява подібних образів датується 2 липня 1941 р. з появою статті М. Петровського „Військова доблесть українського народу”, де автор виводить військові українські традиції від князя Святослава та подає загальну дефініцію української історії без залучення понять класової боротьби, проголошуючи, що „вся історія України сповнена героїчної боротьби за свою свободу та незалежність проти іноземних загарбників”⁴¹.

³⁹ Історія України: Короткий курс / Під ред. С. М. Белоусова та ін.. – К., 1940. – С. 388-94.

⁴⁰ Олександр Невський // Правда. – 27 Іюня. – 1941. – С. 2; Як російський народ бив німецьких псів-лицарів // Комуніст. – 29 Липня. – 1941. – С. 3; Подорожний Н. Брусиловський прорив // Комуніст. – 4 липня. – 1941. – С. 2.

⁴¹ Петровський М. Військова доблесть українського народу // Комуніст. – 2 липня. – 1941. – С. 3.

На початку війни в УРСР на відміну від Росії активно актуалізується тематика „боротьби українського народу проти німецької окупації 1918 року”, названа в статті Сталіна „Український вузол” „визвольною вітчизняною війною проти іноземного ярма, що йде із заходу”⁴². Наприклад, описуючи народне повстання 1918 р. проти німців у Миколаєві, Е. Городецький називає його першими хвилями „всенародної вітчизняної війни проти чужоземних завойовників”. Історичні паралелі між 1918 і 1941 рр. проводили в своїх статтях в "Правду" Корнійчук і Бажан, де останній ганьбить німецьких „колаборантів”: „юду Троцького і юдчиків українських націоналістів”, а Корнійчук – „петлюрівську і націоналістичну нечисть” у гітлерівському обозі. Бажан запевняє, що український народ відповів на напад німецьких розбійників „могутнім всепереможним піднесенням священної вітчизняної війни”⁴³.

Особливістю процесів патріотичної мобілізації українців в воєнний період, як зазначає Владислав Гриневич, було те, що основними промоутерами національно-патріотичної пропаганди виступили не партійні функціонери, т.зв. партократія, а представники української творчої еліти (Олександр Довженко, Максим Рильський, Павло Тичина, Володимир Сосюра, Петро Панч)⁴⁴. Саме їм належала провідна роль у творенні моделі лояльності до владних структур та формуванні етнічної ідентичності. Джерела таких процесів можна бачити в падінні авторитету партійної верхівки на початку війни та активному залученні представників української інтелігенції до лав партії. Так, наприкінці 1942 р. Миколу Бажана було призначено на посаду заступника голови РНК УРСР з питань культури, Павла Тичину – наркомом освіти, а Олександра Корнійчука – наркомом закордонних справ УРСР вже в 1944 р. В умовах німецької окупації з метою демонстрації функціонування українського республіканського центру в тилу Миколи Хрущова було знято з посади першого секретаря ЦК КПУ, а етнічного українця Леоніда Корнійця призначено на цю посаду включно до повернення Хрущова в 1943 р. Така специфічна співпраця влади та творчої еліти не лише наочно демонструвала збереження та активну діяльність українського республіканського центру в тилу, але й сприяла роботі радянської пропаганди, яка мала піднести бойовий дух українців в Червоній армії та на окупованій території.

Офіційно новий канон республіканських історичних героїв було затверджено в документі від 6 липня 1941 р., коли невдовзі після

---

⁴² Сталин И.В. Украинский узел ("Известия" № 47,14 марта 1918 г) // Сталин И.В. Сочинения. Т.4. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1953. - С. 154.

⁴³ Правда від 8, 17 та 21 липня 1941 р.

⁴⁴ Гриневич В. З історії формування українського радянського патріотизму в роки німецько-радянської війни 1941-1945 рр. // Проблеми історії України: Факти. Судження. Пошуки: міжвідомчий збірник наукових праць. - Вип.12. - К., 2004. - С. 419

виступу Йосипа Сталіна (3 липня 1941 р.) український уряд звернувся до українського народу з відозвою: „Товариші, робітники, селяни й інтелігенція великого українського народу! Брати і сестри! Сини і доньки Великої України! Кровожерливий ворог напав на нашу землю...”. Дещо дивним тут виглядав пасаж щодо прагнення Гітлера „знищити нашу національну державу”. Серед українських героїв-патріотів, які мали викликати в українського населення певний патріотичний сентимент, поряд з Леніним та Сталіним подаються образи Богдана Хмельницького та Данила Галицького, які „мечами та шаблями рубали німецьких псів-лицарів”⁴⁵. Характерним в даному разі є формула „великий український народ”, адже такий почесний титул з 1937 р. до того часу застосовувався лише до російського народу⁴⁶. Така формула відображає, як зазначає, зокрема, Сергій Єкельчик „спроби влади використовувати український патріотизм як мобілізаційний засіб”, не відмовляючись при цьому від „нової імперської риторики”⁴⁷. Адже в країні, де домінувала „велика нація”, єдиним способом стимулювання національної гордості найбільшої неросійської нації могло бути проголошення, хоча і тимчасово, його „величності” поряд із російським „старшим братом”.

Надалі в маніфесті, прийнятому на Першому з`їзді представників українського народу (Саратов, 26 листопада 1941 р.), його учасники звернулися до „свободолюбивих українців”, нащадків визначних захисників „священної української землі”, Данила Галицького і Петра Конашевича-Сагайдачного, Богдана Хмельницького та Івана Богуна, Тараса Шевченка та Івана Франка, Василя Боженка та Миколи Щорса, які ніколи не давали себе в німецьке рабство. Протягом 1942 р. Українське державне видавництво в Саратові видало серію українських кишенькових брошур під назвою „Наші пращури”, присвячених особам Галицького, Сагайдачного, Хмельницького тощо. В кінці 1942 р. в Уфі вийшов „Нарис історії України”. Твір особливо звеличує козаків: повстання Хмельницького описується як „війна за національну визволення”, що свою чергу закінчилася інкорпорацією українських земель в Росію, а відтак „меншим злом”. Нарис мав передусім слугувати як популярне видання, натомість 4-томне видання „Історії України” було задумане як університетський посібник. В першому томі цієї праці прославляються вже не лише козаки, автори приділяють багато уваги руським князям, особливо Ярославу Мудрому та Володимирі

⁴⁵ До українського народу. Товариші, робітники, селяни, інтелігенція великого українського народу! // *Комуніст*. – 7 Липня. – 1941. – С. 1.

⁴⁶ Вперше ця формула з`являється в газеті „Комуніст” за 15 листопада 1939 р. в листі Верховної Ради УРСР до Сталіна (Товаришу Сталіну // *Комуніст*. – 15 Листопада. – 1939. – с.1). В цей період М. Хрущов та представники української еліти починають використовувати цю формулу щодо українського народу. У лютому 1940 р. М. Хрущов застосував це словосполучення у здравниці, якою він закінчив свій виступ на нараді передовиків сільського господарства (Більшовик України. – 1940. – №3).

⁴⁷ *Yekelchik S. Ibid.* – P. 25.

Мономаху, переважно через їх державницьку діяльність та розвиток культури.

Перебуваючи перші два роки війни в Східній Росії та Центральній Азії, українська інтелігенція тему патріотизму найбільш виразно розробляли в художній літературі. Наприклад, літературний альманах „Україна в огні” містив такі патріотично забарвлені твори: „Слово про рідну матір” Максима Рильського, „Мій народ”, „Голос Матері” Павла Тичини, „Україна моя”, „Київ” та „Тарасові Шевченкові” Андрія Малишка тощо. Характерним для розгляду є поданий в цих працях узагальнений образ Батьківщини, який вже асоціювався не лише з абстрактними індустріальними образами Радянської держави, а вмщував в собі національну історію та народну культуру. Крім того, відповідно до загальноприйнятого мірила основних радянських цінностей, фігура Сталіна стає неодмінною складовою радянського патріотизму, а гасло „За Родину! За Сталина!” поєднало в єдине ціле поняття радянської батьківщини та її вождя⁴⁸. Важливе місце серед патріотичних сюжетів також займає витворений міф про „Київ золотoverхий” та обґрунтування ідей „українського ірредентизму”, обумовлені необхідністю легітимізації факту приєднання Західної України.

Протягом війни партійні ідеологи організували широкі святкування днів Тараса Шевченка та засновника „сучасної музичної традиції” Миколи Лисенка в Уфі та Самарканді. Патріотичні праці Шевченка, Франка і Лесі Українки продовжували видаватись величезними накладом навіть в умовах німецької окупації, з`явилися навіть невеликі брошури поем Шевченка та Франка з метою поширення їх на „окупованій території”. Зокрема, в травні 1943 р. Українське державне видавництво випустило нове видання канонічних шевченківських поем „Кобзар” тиражем у 20 тис. примірників⁴⁹, а відомий художник Василь Касіян створив серію плакатів „Шевченківський гнів – зброя до перемоги”, які потім розповсюджувалися на окупованій українській території. Вперше після довгої перерви в 1943 р. відбулося обговорення нового українського правопису, який остаточно набув чинності з 1946 року.

Провідною темою української радянської пропаганди кінця 1942-початку 1943 рр. є її анти-націоналістичне спрямування, спричинене очевидно усвідомленням загрози з боку альтернативної версії національної пам`яті - національного нарративу - пов`язаної переважно

⁴⁸ Численні статті типу: „Сталін – наш бойовий прапор” // *Комуніст*. – 21 липня. – 1941. – С. 1.

⁴⁹ Гриневич В. З історії формування українського радянського патріотизму в роки німецько-радянської війни 1941-1945 рр. // *Проблеми історії України: Факти. Судження. Пошуки: міжвідомчий збірник наукових праць*. – Вип.12. – К., 2004. – С. 358.

з діяльністю Івана Крип`якевича<sup>50</sup>. Ймовірно, така активна критика відображає передусім неспроможність українських партократів та творчої еліти витворити таку модель радянську української пам`яті, яка б повністю відмежувалася від націоналістичного розуміння національної пам`яті. Сергій Єкельчик, наприклад, зазначає, що слабке та погано координоване впровадження російського та українського національної спадщини в перший період війни змусив партійних ідеологів та українську інтелігенцію дійти до висновку, що їх робота починає „загрожувати певним базовим структурам імперської ідеології”⁵¹. Оскільки імперський нарратив за означенням має підкреслювати незавершеність історичних практик приєднаних народів, відображаючи процес переходу до нормальності під опікою імперського домінуючого народу, з поверненням Червоної армії восени 1943 р. українська еліта зрозуміла необхідність модифікації їх версії минулого відповідно до доктрини керівної ролі російського народу.

Сталінський поворот від пролетарського інтернаціоналізму досяг свого апогею в грудні 1943 р., коли „Інтернаціонал” перестав бути гімном СРСР. Відповідно до нової офіційної ідеологічної лінії радянського патріотизму, новий гімн починався із того, що „союз непорушних вільних республік поєднала навіки велика Русь”⁵². Основними подіями, які варті згадки, в цей час стало творення українського республіканського гімну (1943-1948 рр.), надання УРСР права запроваджувати свою власну армію та встановлювати дипломатичні відносини з іноземними державами, членство УРСР як країни-засновниці в Організації Об`єднаних Націй в 1944 р. та спроба офіційної кодифікації української історичної пам`яті в 20-томній Українській Радянській Енциклопедії.

З приходом Червоної армії восени 1943 р. українська радянська пропаганда набула значної потужності. Незважаючи на те, що національна історія залишалася базовим матеріалом пропаганди, радянське поняття історичного пам`яті та моделі радянського патріотизму вже набуло чітких форм. Створення Ордену Богдана Хмельницького, єдиної неросійської військової нагороди, найкраще відображає цей розвиток. Постановою Президії Верховної Ради СРСР від 10 жовтня 1943 року для нагородження військовослужбовців і партизанів, що виявили „особливу рішучість і вміння в операціях по розгрому ворога, високий патріотизм, мужність і самовіддачу в боротьбі за визволення радянської землі від німецьких загарбників”⁵³, було

⁵⁰ В цей період Іван Крип`якевич в умовах німецької окупації під різними прізвищами висунув альтернативне бачення української історії в таких роботах: „Коротка історія України”, „Історія України від найдавніших часів до сьогодення” під псевдонімом І. Петренка та низці інших газетних статей.

⁵¹ *Yekelchik S. Ibid.* – P. 32.

⁵² На нашій Батьківщині. Збірник. – К., 1954. – С. 7.

⁵³ Орден Богдана Хмельницького // Правда. – 11 жовтня. – 1943. – С. 1

запроваджено орден Богдана Хмельницького 3-х ступенів. Через два дні, 12 жовтня, українське місто Переяслав перейменували у Переяслав-Хмельницький. „Зрозуміло, що тепер, у дні цієї титанічної визвольної боротьби,— писала тоді „Красная звезда”,— натхненний образ Богдана Хмельницького став особливо близьким і дорогим усім нам, і горде ім'я його, як бойовий прапор, майоріло над нашими полками в диму і полум'ї бойовищ”⁵⁴.

Восени 1943 р., коли розпочалися військові операції з визволення Києва, апологізація „національного героя українського народу” сягає свого апогею. В цей час Богдан Хмельницький, як зазначає Наталя Юсова, фактично, перетворюється на „міфоепічного героя-богатиря”⁵⁵. Паралельно з реабілітацією козацької міфології відбувається трансформація образу Хмельницького в офіційному дискурсі: з визволителя України гетьман стає виразником ідеї „споконвічного прагнення українського народу до возз'єднання з братнім великим російським народом”. В кінці жовтня 1943 р. в „Радянській Україні” з'являється стаття Миколи Петровського під назвою „незламний дух великого українського народу”, де автор розглядає історію України від Київської Русі до „Великої Вітчизняної війни”. В статті подаються образи князів Святослава Володимирова Мономаха, Романа Мстиславовича і Данила Галицького як „великих вождів”, Запорізької Січі – як „початку нової української держави” і Переяславської ради як „незламного братського союзу”⁵⁶. Новий короткий нарис української історії „Возз'єднання українського народу в єдиній українській державі” Миколи Петровського з'явився на початку 1944 р., коли Червона армія перейшла старий польський кордон та увійшла в Західну Україну⁵⁷. Кульмінаційним моментом в затвердженні цієї нової схеми у масовій свідомості мала стати 290-та річниця Переяславської Ради, широкомасштабна пропагандистська акція, проведена 18 січня 1944 р. за ініціативи Хрущова. В українській публіцистиці цей факт трактувався як „епохальна подія” та пропагувалися ідеї „волі і щастя України в непорушнім сталінським союзі з російським народом і всіма радянськими народами-братами”⁵⁸.

⁵⁴ Детальніше про сюжет з Богданом Хмельницьким див.: Гриневич В. Як гетьман – „зрадник” став героєм або де що про совітські маніпулювання історією // “Пам'ятки України” №5, 1991 р. – с. 32.

⁵⁵ Юсова Н. Зміна акцентів в українській радянській медієвістиці на проблему приєднання України до Росії (кінець 30-х – 1-ї половини 40-х рр. XX ст.) // Проблеми історії України: Факти. Судження. Пошуки: міжвідомчий збірник наукових праць. – Вип.9. - К., 2003. - С. 387.

⁵⁶ Петровський М. Незламний дух великого українського народу // Радянська Україна. – 31 жовтня. – 1943. – С. 3.

⁵⁷ Петровський М. Воссоєдинение украинского народа в едином украинском советском государстве // Радянська Україна. – 29 грудня. – 1944. – С. 4.

⁵⁸ Хрущов М.С. і Україна. Матеріали наукового семінару 14 квітня 1994 р., присвяченого 100 річчю від дня народження М.С.Хрущова. – К.: Інститут історії НАН України, 1995. – С. 71.

Варто зазначити, що українські історики та письменники в публікаціях того періоду намагалися ствердити українську етнічну відмінність та історичну окремішність від Росії. Загалом ці два поняття не суперечили центральному міфу про вигідний союз із Росією. Навпаки, історична Україна мала бути вже та окремою спільністю для того, щоб прийти до союзу з братньою Московією, та сформованою етнічною спільнотою перед Переяславом, що стане історичною основою для української радянської національності.

Сталінські ідеологічні трансформації у напрямку імперської ідеології привели до реабілітації дореволюційних російських істориків таких, як Сергій Соловйов та Василій Ключевський. Крім того, був реабілітований Пантелеймон Куліш, 125-річчя якого святкували в серпні 1944 р., Микола Костомаров і Микола Гоголь. „Радянська Україна” з нагоди святкування в травні 1944 р. 135-річчя останнього проголосила його „великим сином України”⁵⁹. В квітні 1942 р. Широко відзначалося сторіччя засновника української національної музики Миколи Лисенка, а в січні 1945 р. після звільнення українських земель влада оголосила про спорудження пам`ятника, перейменування Львівської консерваторії та Харківського оперного театру на честь композитора.

Тільки-но радянська версія української моделі українського минулого успішно закріпилася пропагандою серед населення, вона одразу почала боротьбу за обмеження доступу до альтернативних наративів минулого. В грудні 1944 р. влада почала підсилювати державну монополію на книжкову торгівлю, багато книжок на базарах оголошувалися „політично шкідливими”. Вже в другій половині 40-х рр. після низки переможних операцій Червоної армії в офіційній радянській пропаганді поступово окреслюється відступ від певних ліберальних моментів та посилюються русофільські тенденції: наприклад, ідеологічно-політичні акції проти казахських та татарських істориків 1944 р., спрямовані проти національних історіографій цих республік. Обов`язковою основою науковою роботи в цей час наразі була офіційна ідея „радянського патріотизму” та супутня їй ідея лідерства „великого російського народу” в усіх галузях суспільного життя в усіх республіках СРСР⁶⁰.

Перемога СРСР у війні призвела до створення фундаментального міфу про „Велику вітчизняну війну”, а разом з тим і до уніфікації української історичної пам`яті в рамках єдиної концепції „великого російського народу”. Логічним завершенням цього процесу вважають проголошення Сталіним в 1945 р. відомого тосту „За російський народ!”. А відтак, концепція „вищості” російського народу закріпилася як

⁵⁹ Радянська Україна. – 12 Жовтня. – 1944. – С. 3.

⁶⁰ Оглоблін О. Українська історіографія 1917-1956 рр. Пер. з англ. – К., 2003. – С. 67.

основна складова ідеологічної конструкції під назвою „радянський патріотизм”. Проте і далі на ідеологічному рівні продовжувався процес затвердження „сталінської версії” українського минулого, а своєрідним допоміжним заходом стала т.зв. кампанія проти „космополітизму” або „антипатріотизму”, проведена в другій половині 1940-х рр.

Початок цієї кампанії зазвичай датують серпнем 1946 р., коли ЦК нищівно розкритикував згадані вище ленінградські журнали „Звезда” та „Ленинград” за публікацію ідеологічно шкідливих аполітичних праць і за зневагу до радянських цінностей. Українським відповідником цієї ідеологічної резолюції стала резолюція ЦК КП(б)У „Про журнал Вітчизна”, яка розкритикувала видання не за „низькопоклонництво перед західною культурою”, а за „публікування націоналістичних статей про Івана Котляревського, засновника сучасної української літератури, та Кирило-Мифодіївське братство, першу українську політичну організацію”. Авторів було звинувачено в ігноруванні радянських сюжетів та сприянні авторам у виробленні національного минулого⁶¹.

Нова ідеологічна ситуація викликала загострення вимог до національних історіографій, особливо до української, де, незважаючи на існування офіційної моделі української історії в інтерпретації Миколи Петровського, ще принаймні до середини 40-х рр. існував певний плюралізм у трактуванні історичних подій. Наприклад, в колективній праці Інституту історії України „Історія України” (1943 р.) та в низці інших праць, як доводить Наталя Юсова, автори дотримуються схеми історії України Грушевського, а головна теза Петровського про історію українського народу як історію боротьби за возз`єднання в єдиній державі та об`єднання з російським народом взагалі була відсутня. Як наслідок, вже в травні 1944 р. діяльність інституту отримує гостру критичну оцінку з боку партійних ідеологів, зокрема, Ф. Єневича. Вважається, що до січня 1947 р. кампанія чисток в Україні закінчилася, проте в кінці грудня цього ж року першим секретарем КП (б)У став Лазар Каганович, який розпочав діалог з місцевою елітою. Так, навесні 1947 р. ЦК КП(б)У скликає нараду українських істориків за участі Лазаря Кагановича, Микити Хрущова та Дмитра Мануїльського. Партійні керівники вимагали замінити концепцію історії України Грушевського положеннями „Короткого курсу ВКП(б)”. Відповідно до цієї директиви в грудні 1947 – листопаді 1948 рр. в Москві за участі українських істориків відбулися дискусії з проблем періодизації та складення плану-проспекту короткого курсу історії України, а з кінця 1948 р. текст українського „Короткого курсу” декілька раз обговорювався в Москві та Києві⁶². В опублікованих в 1953

⁶¹ Прийстайко В., Пшеничков О. та Шаповал Ю. Сумна річниця. Справа єврейського антифашистського комітету // <http://www.sbu.gov.ua/sbu/doccatalog%5Cdocument?id=42995>.

⁶² Yekelchuk S. *Ibid.* – P. 78.

р. в першому та 1956 р. другому томах „Історії України” за „методологічну основу” було взято концепцію історії України, яка відповідала положенням „Короткого курсу ВКП(б)”. Проте боротьба з „буржуазним націоналізмом” в цей час особливо гостро проводилася на Західній Україні, зокрема, серед львівської інтелігенції.

Таким чином, досить різні цілі переслідувала „жданівщина” в Києві та Москві і Ленінграді. Якщо в двох столицях Росії Москві та Ленінграді її розуміли як боротьбу проти лібералізму та західних впливів на мистецтво, то в Києві та Львові вона отримала чітке спрямування в бік прославлення радянської сучасності за рахунок українського національного минулого.

Загалом післявоєнні події в Україні відображали генеральну радянську ідеологічну трансфігурацію. Республіканські видавництва переклали та випустили в двох виданнях нову канонічну працю Анни Панкратової „Великий російський народ”, обов’язкові оди на честь російської слави домінували в політичному дискурсі УРСР в перші роки післявоєнного періоду. В історії поняття російської вищості поступово трансформувало парадигму „дружби народів” на „керівні стосунки” між „домінантною нацією” та її „молодшими братами”.

Вироблення нової радянської моделі української історії в післявоєнний період відбувалося в контексті широкомасштабної кампанії із створення численних історичних нарисів, багатотомних нарисів історії СРСР від найдавніших часів до сучасності головних радянських національностей. Цей процес відображав нову ідеологічну тенденцію СРСР до ідентифікації себе скоріше з Російською імперією і однієї з провідних світових держав, ніж з першою державою робітників. Відповідно до цієї тези неросійські народи повинні були переглянути свої історичні наративи, щоб підтвердити свій статус „молодших братів” російського народу.

В УРСР подібні процеси набули форми пролонгованої епопеї із виданням „Короткого курсу історії України”, яка розпочалася ще в 1947 р. дозволений до публікації в вересні 1949 р., він так і не потрапив у друк. В грудні 1950 р. вони повідомили Сусллова, що історія України та її культури представлена в цій праці „в деякій ізоляції від Росії”, оскільки необхідно було підкреслити вплив прогресивної російської культури в Україні”, та заперечувалося, зокрема, вживання назви „України” щодо українських земель до ХХ ст.⁶³. Після незначних змін перший том нарешті потрапив до видавництва, проте невдовзі цей процес було призупинено більше ніж на два місяці до винесення на обговорення нового варіанта влітку 1951 р. У відповідь на появу в „Правді” від 2 червня статті „Проти ідеологічних перекирвань в літературі” проект був відкладений з огляду на нищівну критику націоналістично

⁶³ Yekelchik S. *Ibid.* – P. 92.

забарвленого вірша Володимира Сосюри. Розпочалася чергова боротьба з націоналістичними ухилами в літературі та мистецтві.

Подальша робота із створення „хорошого сталінського підручника” вимагала корегування історичного нарративу згідно з останніми радянськими ідеологічними мутаціями. Відтак, активізується питання давніх слов`ян та трипільської цивілізації, яких радянські історики схильні були розглядати як „протослов`ян”. Аналогічні трансформації відбулися і з Київською Руссю: центральним поняттям тут відповідно до нової розробленої концепції української історії стало положення про Київську Русь як „спільну колиску” трьох східнослов`янських народів. Теорія зводила фундамент не просто під „спорідненість”, а під етнічну єдність трьох східнослов`янських народів, хоч а б у давньоруську добу. Відповідно до такої точки зору Переяславська угода 1654 р. цілком логічно ставала „цілковитим (безумовним) благом” для всіх слов`янських народів.

В 1949-1950 рр. відбувалися широкі дискусії з приводу датування виникнення етнічної диференціації від росіян. Наразі в результаті проведеного українськими вченими дослідження було запропоновано тезу, що російський, український та білоруський народи остаточно оформилися як національності впродовж XIV-XV ст. 1951 р. у Москві відбулася теоретична конференція на тему “давньоруська народність”, на якій провідні фахівці з російської історії В. Зимін, В. Пашуто, Б. Рибаків, О. Сидоров та ін. виступили з доповідями, відкидаючи термін “давньоруська народність”⁶⁴.

Тема союзу України з Московією в 1654 р. домінувала в дискусіях про ранню модерну історію України. Ця тематика актуалізувалася ще в 1940-і рр. у зв`язку з необхідністю виправдання анексії територій, які увійшли до складу СРСР в 1939 р. і після Другої світової війни. Ці території були проголошені визволеними від іноземних загарбників та „возз`єднаними” із землями співвітчизників (українців, білорусів і т.п.) в межах спільної Радянської батьківщини. Потужна ідеологічна кампанія у повоєнні 1940-ві рр. стала предтечею нової офіційної теорії в історичній та суспільно-політичній науці⁶⁵. Хоча і оформлення терміну відбувається ще протягом війн та післявоєнний період, формальне застосування в історіографії та офіційних документах формули „найменшого зла” і терміну приєднання, на думку Наталі Юсової, спостерігається аж до початку 1950-х рр.⁶⁶.

⁶⁴ Євген Наконечний. *Украдене ім'я: чому русини стали українцями. 3-є доповнене і виправлене видання. Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України, Львів, 2001.* – С. 67.

⁶⁵ Яковенко Н. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії // *Дух і Літера.* – К., 1998. – № 2/4. – С. 119-120.

⁶⁶ Юсова Н. Зміна акцентів в українській радянській медієвістиці на проблему приєднання України до Росії (кінець 30-х – 1-ї половини 40-х рр. XX ст.) // *Проблеми історії України: Факти. Судження. Пошуки: міжвідомчий збірник наукових праць.* – Вип. 9. – К., 2003. – С. 390.

Приблизно до 1950 р. в обох офіційних деклараціях та наукових працях ця подія трактувалася як „приєднання” України до Росії в 1654 р. В наукових нарисах з української та російської історії, в „Історії Української РСР” включно, чітко простежувалося вживання старої ідіоми, в той час як в популярних виданнях таких як біографія Хмельницького К. Осипова в другому виданні з`являється низка нових термінів: „возз`єднання”, „об`єднання” та „підданство”. Проаналізувавши мову цієї праці, Сергій Єкельчик стверджує, що Осипов просто запозичив факти та описи з популярної біографії Хмельницького з російської історіографії XIX ст., зокрема, праць Миколи Костомарова та Геннадія Карпова.

Проте використання цього терміну у нейтральному значенні було обмежено вже в 1951 р. після публікації критичних зауважень Інституту історії СРСР в Москві. Парадоксальним тут є той факт, що безпосередньою причиною цьому стала стаття в „Правде” „про оперу „Богдан Хмельницький”, в якій критикувалося музична частина твору. Не зважаючи на те, що вона жодним словом не торкнулася опису україно-російських відносин, термін „возз`єднання” виринає в численних коментаріях стосовно цієї статті, а відтак, і стали відповідним сигналом для українських колег. В червні 1952 р. в Москві відбулося обговорення з приводу коректності вживання цього терміна, яка закінчилася зрештою явною перемогою тих, хто виступав за „приєднання”, проте ЦК КП(б)У анулював це рішення на користь „возз`єднання”, що викликало гостру дискусію в науковому колі.

Паралельно з поширенням ідеологічно забарвленого терміну „возз`єднання” на другий план відсувалася концепція „меншого зла”, яка поступово перетворювалася на теорію „абсолютного блага”. Після XIX партійного з`їзду у жовтні 1952 р., на якому проголосили необхідність вироблення чітких положень щодо „прогресивності та плідності приєднання неросійських народів до Росії”, формула „меншого зла” зникла з наукових та журналістських творів⁶⁷. Своє логічне завершення, на думку Володимира Кравченко⁶⁸, нова радянська концепція здобула вже в двотомному виданні „Історія Української РСР” 1953 р., підготовленому співробітниками Інституту історії АН УРСР під редакцією О. К. Касименка. Вже в підручнику під редакцією О. Шестакова від 1955 р. проголошується, що у возз`єднанні України з Росією „виразилося прагнення українського народу до союзу з братським російським народом”⁶⁹.

Сталінська версія української історії, як не парадоксально, остаточно оформилася вже після його смерті в публікації

⁶⁷ *Yekelchik S. Ibid.* – P. 99.

⁶⁸ Кравченко В. Концепції Переяслава в українській історіографії // Переяславська Рада 1654 року (історіографія та дослідження). – К.: Смолоскип, 2003. – С. 508.

⁶⁹ *История СССР. Краткий курс. Учебник для 4-го класса. Под ред. Шестакова.* – М., 1955. – С. 45.

загальновідомих „Тезах...” до возз`єднання України з Росією в травні 1954 р., які фактично впроваджували єдину для радянських істориків формулу тлумачення українсько-московського договору 1654 р. Переяславська Рада тут розглядалася як „законний результат всієї попередньої історії двох великих братських слов`янських народів”, а українська історія від часів монголо-татарської навали до 1654 р. розглядалася крізь призму боротьби за „возз`єднання” як історичної необхідності звільнитися від гноблення шляхетської Польщі та загрози поглинання султанською Туреччиною<sup>70</sup>. Більше того, сама Переяславська Рада інтерпретувалася тепер як логічний підсумок „всенародної боротьби за возз`єднання”. Відтак, було остаточно запроваджено „концепцію наперед визначеної єдності доль українського та російського народів, яка бере початок зі спільних традицій Київської Русі й проходить крізь усі історичні епохи з переяславською Радою як кульмінаційною та символічною подією”⁷¹.

Таким чином, становлення радянської моделі української історичної пам`яті відбувалося у тісній залежності від загальносоюзних процесів відходу від принципів „пролетарського інтернаціоналізму” та актуалізації націоналістичного дискурсу. Протягом 1930-х - початку 1940-х рр. паралельно з процесами підпорядкування системи історичних знань владі партії відбувалося поступове відродження української історичної науки. Українська національна історія подібно до інших радянських народів стала невід`ємною частиною загально радянської історії, об`єднана з іншими етнічними утвореннями спільною історичною долею. Офіційна модель української історичної пам`яті, частково звільнена від марксистських схем, формувалася за рахунок впровадження у масову свідомість концепцій „дружби народів” та ідеї „віковичного братерства” двох великих народів – російського та українського. Ця ідеологема на українському матеріалі забезпечувалася виробленням ідеї „спільного історичного минулого” українців та росіян, базовими елементами якої стало розробка концепцій про „спільну колыску” та „возз`єднання” України з Росією в 1654 р. Сталінська версія української історії, як не парадоксально, остаточно оформилася вже після його смерті в публікації загальновідомих „Тез...” до возз`єднання України з Росією в травні 1954 р. Подальший період, позначений певною лібералізацією політичного клімату після 1956 р. та „запізнілою відлигою” в культурно-духовній сфері, головним чином створив підґрунтя для виникнення руху того ж самого шестидесятництва. Проте, не зважаючи на такі більш-менш сприятливі процеси, українські історики все ж таки не могли піти так далеко, щоб побудувати альтернативну схему національної історії, а тому шукали інших виходів в рамках офіційного радянського нарративу.

⁷⁰ Тезиси о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654-1954 гг.). Одобрены ЦК КПСС. – М., 1954. – С. 5-7.

⁷¹ Лисяк-Рудницький І. Переяслав: історія і міф // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 1. – С. 80.

Максим КИРЧАЛОВ

СОЗДАВАЯ СОВЕТСКИЙ
ДИСКУРС ЛАТВИИ И
ЛИТВЫ: СОВЕТИЗАЦИЯ
ПОЭЗИИ, ИНТЕЛЛЕКТУА-
ЛЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ
«ВЫСОКОГО СТАЛИНИЗМА»

Понятие советизации и ее уровни

В 1940 году в истории балтийских государств наступил новый этап. После заключения германо-советского пакта о ненападении и секретных протоколов 23 августа 1939 года государства Балтии, Латвия и Эстония, попали в сферу влияния СССР. Позднее в зону советских интересов была включена и Литва после того как Советский Союз отказался от своих претензий на часть Польши с Варшавой. В 1940 году Советский Союз ввел на территорию Латвии, Литвы и Эстонии войска. Это привело к политическим изменениям. Правительства Литвы, Латвии и Эстонии были вынуждены подать в отставку. К власти пришли новые правительства. Характерная черта этих правительств – преобладание коммунистов и просоветская политическая ориентация. Закономерным итогом стало то, что Латвия, Литва и Эстония потеряли свою политическую независимость. Они были преобразованы в советские республики. Эта политика сопровождалась ломкой и разрушением старых политических институтов, партий и политических отношений. Многие политические деятели были репрессированы.

В советской историографии эти события оценивались позитивно и определялись как народные революции. Однако это были не революции, так как политические изменения 1940 – 1941 годов практически не имели глубоких внутренних истоков. Изменения этого периода были инициированы зарубежным государством – Советским Союзом. Вмешательство СССР во внутреннюю политику Латвии, Литвы и Эстонии приобрело форму оккупации. Известно, что период оккупации и зависимости балтийских государств от Советского Союза продолжался несколько десятилетий – с 1940 года по начало 1990-х годов. На протяжении этого этапа балтийские государства насильственно удерживались в СССР и подвергались советизации.

Советизация – это сложный и многоуровневый процесс. Советизация – это процесс насильственного разрушения старой буржуазной культуры и политических институтов и их эволюция в сторону нового политического режима. Природа такого политического режима могла быть авторитарной или тоталитарной. Советизация – это процесс насаждения и распространения советского опыта политического управления, уничтожение демократических свобод, плюральности развития, установление монопольной власти государства над обществом, установление диктатуры одной партии и идеологии. Советизация сопровождалась репрессиями против виднейших представителей старого политического режима. Часто эти репрессии имели негативные послед-

ствия и для простых граждан, которые не имели отношения к старой политической элите. Таким образом, советизация – это трагедия. С одной стороны, это трагедия общества в целом, с другой, каждого отдельного его представителя, который тяжело переживал распад привычной для них системы управления и общественных отношений.

Советизация, будучи сложным процессом, имела несколько уровней. Мы можем упомянуть три уровня процесса советизации в балтийском варианте. Первый уровень советизация – это советизация политической и экономической сферы. Советизация данного уровня выражалась в разрушении старых политических институтов и в распространении новых политических советских форм управления. Примерами советизации первого уровня были замены старых конституций советскими конституциями, создание Верховных Советов вместо парламентов. Второй уровень советизации – это советизация культурной сферы. Культуры балтийских стран, искусство, литература (поэзия и проза), кинематограф, архитектура были советизированы. Советизация культурной сферы вела к уничтожению старых культурных традиций. Старые традиции были заменены методом социалистического реализма. Третий уровень советизация – это советизация повседневной жизни. Этот уровень советизации исследован в наименьшей степени. Советизация повседневности выражалась в разрушении старых норм поведения людей и замене их социалистическим, большевистским, мировоззрением.

Эта статья будет посвящена процессу советизации культуры Литвы и Латвии. Понимая, что культура является очень сложным феноменом, я остановлюсь на анализе только одной ее стороны – поэзии. Я попытаюсь выяснить истоки советизации литовской и латышской поэзии, проанализировать формирование основных образов советского мировоззрения и роль в данном процессе деятелей литовской и латышской культуры **1940 – 1953** годов.

Советизация латышского и литовского сообществ в СССР: репетиция советизации Латвии и Литвы

Советизация – это не только часть истории народов СССР. Советизация впервые была опробована в России. Первой жертвой политики советизации пала именно русская культура. Вместо русской культуры большевики еще в **1920 – 1930**-е годы стремились создать новый тип культуры – советскую культуру. Именно

на достижение этой цели была направлена внутренняя политика большевиков, в особенности – политика в области культуры. В культурной сфере советизации, в первую очередь, подверглась литература.

Советизация русской культуры имела несколько проявлений. В первую очередь большевики провели ряд репрессий, уничтожив или лишив возможности публиковать свои произведения писателей которые не вписывались в новые каноны. Непригодными и опасными были признаны писатели, ставшие известными еще до 1917 года. Их произведения получали сугубо негативную оценку. Сами писатели рассматривались как буржуазные писатели, реакционеры, контрреволюционные элементы. Единственно верным канонем создания литературных произведений стал метод социалистического реализма. Уничтожив лишних и неугодных писателей, большевистские власти принялись за читателей.

Советизация читателей, согласно концепции исследователя советской культуры Евгения Добренко, вылилась в его преодоление. Иными словами, старый русский читатель был переделан в читателя советского, способного воспринимать ограниченный круг идей. Данные идей, в свою очередь, соответствовали основам социалистического реализма. Преодоленный читатель был готов лишь воспринимать предлагаемые ему идеи. Это означало гибель диалога в советской литературе. Гибель диалога в литературе привела к исчезновению «читающей публики». Вместо нее возникли «читательские массы». Отличительная черта масс – способность воспринимать однотипные идеи, исповедовать одну общую и обязательную для всех идеологию.¹

Русская культура в СССР стала первой жертвой советизации. Советизация изменила характер и содержание культуры. Из нее исчез плюрализм и подлинная свобода творчества. Вместо этого социалистический реализм стал единственной парадигмой создания литературных произведений. Советизация русской культуры была сложным процессом. Отличительная черта этого процесса – универсальность. Вот почему, на советизацию были обречены культуры других народов СССР, в том числе культура латышей и литовцев.

Процесс советизации литовской и латышской литературы с 1941 по 1943 год имел свои истоки. Первые попытки советизации

ПЛА – Поэзия Литвы. Антология. Вильнюс, 1950.

АЛП – Антология латышской поэзии. Рига, 1955.

¹ Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

имели место еще в межвоенный период, в 1920 – 1930-е годы. Именно тогда подверглись советизации латышское и литовское сообщество в СССР. Действительно, в эти годы в советском Союзе проживало немало латышей и литовцев, многие из них придерживались левых взглядов, что создавало благоприятную почву для их советизации. В первую очередь процессу советизации подверглась латышская и литовская культура, в особенности литература, что создавало более лучшие условия для советизации литовского и латышского сообществ и служило основой для последующей советизации Латвийского и Литовского государств.

В советизации латышской литературы много было сделано самими латышами. Немало латышей придерживались коммунистических взглядов, были членами партии, занимали высокие должности в СССР. Для советизации латышской культуры много сделал Виллис Кнориньш (1890 – 1939). Он известен как автор работы «Метод диалектического материализма в литературе и искусстве». В этой статье он констатировал, что «пролетарская литература будет настолько большой и сильной, насколько ее поэты и писатели будут связаны с новой жизнью и делом самого ее построения».

Об успешной советизации культуры латышского сообщества в СССР говорят факты многочисленного выхода художественных книг, написанных в духе социалистического реализма. В СССР 1920 – 1930-х годов вышел ряд литературных сборников, которые содержали произведения Э. Эфертса-Клусайса, Э. Салениекса,² Судрабу Эджуса, А. Целписа, Р. Эйдеманиса, А. Зединьша, О. Рихтерса.³ Вступительные статьи к этим сборникам были написаны В. Кнориньшем и Я. Лоей. Кроме сборников в 1920 – 1930-е годы выходили отдельные книги Б. Симаниса,⁴ Ю. Думантса,⁵ А. Кадикса-Грозного,⁶ Л. Лайценса,⁷ М. Лпциса-Судрабса,⁸ Р. Эйдема-

---

² Молодая латышская литература. Альманах. Л., 1926.

³ Триумф. Латышский литературный сборник. Л., 1929.

⁴ Симанис Б. Центр тяжести. Л., 1926.

⁵ Думант Ю. Искры и пламя. Пг., 1920.

⁶ Кадикис-Грозный А. На берегах Даугавы. Л., 1934; Кадикис-Грозный А. Четверть человека. М. – Л., 1931.

⁷ Лайцен Л. Собрание сочинений: в 5 тт. Л., 1931 – 1934; Лайцен Л. Избранные произведения: в 4 тт. Л., 1929 – 1930; Лайцен Л. Камнем в окно. Л., 1927; Лайцен Л. Карнавальная гость. М., 1934; Лайцен Л. Оправданные. Л., 1925; Лайцен Л. Портфель и петля. Л., 1934.

⁸ Лацис-Судрабс М. Повесть из жизни революционера. М., 1923; Лацис-Судрабс М. По новой дороге. М., 1921; Лацис-Судрабс М. Революционная хроника. М., 1921.

ниса,⁹ Я. Эйдукса.¹⁰ Эти произведения имели ряд важных особенностей, а именно: они были написаны в духе социалистического реализма, были социально ориентированы, содержали критику капитализма и буржуазии, восхваляли пролетариат, описывали классовую борьбу, были проникнуты революционной поэтикой.

Истоки активной советизации литовской культуры могут быть найдены в деятельности Винцаса Мицкявичюса-Капсукаса (1880 – 1935) – лидера первого литовского советского правительства в 1918 – 1919 годах. В своей литературной деятельности он последовательно отстаивал левые социалистические идеи, критиковал попытки достижения в литовской культуре и в литературе полного национального единства и согласия. Живя в 1920 – 1930-е годы в Советском Союзе, он создал ряд литовских культурных обществ и возглавлял их. Эти организации, разумеется, были коммунистическими, что вело к советизации советских литовцев.

Идейная концепция В. Мицкявичюса-Капсукаса сводилось к необходимости насаждения и распространения в культуре принципов социалистического реализма. Он писал, что «социалистический реализм является основным методом художественной литературы и критики. Советские писатели должны черпать свои темы и материал для своих произведений из советской действительности, из жизни колхозов и социалистического строительства». Параллельно работы В. Мицкявичюса-Капсукаса содержат элементы нетерпимости в отношении идеологических оппонентов и противников: «бесклассовое социалистическое общество не может быть создано без ожесточенной борьбы против отживших классов».¹¹ Этим утверждением и другими подобными выводами Капсукас заложил основы для насильственной советизации литовской культуры.

1940 – 1941: первый этап советизации

Советизация культуры началась в 1940 – 1941 годах. Процесс советизации был прерван войной и продолжился в 1944 году. В первой половине 1950-х годов процесс советизации в основном

---

⁹ Эйдеманис Р. *Во имя долга*. М. – Л., 1927; Эйдеманис Р. *Восстание камней*. М. – Л., 1930; Эйдеманис Р. *Осажденные*. М., 1926; Эйдеманис Р. *Местечковые рассказы*. М., 1926.

¹⁰ Эйдук Я. *Революционный трибунал*. Л. – М., 1931.

¹¹ Priekalas. 1934. No 9.

был завершен. Процесс советизации балтийских государств стал возможен лишь в связи с заключением советского-германского пакта Молотова – Риббентропа, его секретным протоколом и оккупацией трех республик Советским Союзом.

Процесс советизации культуры Литвы и Латвии начался вытеснением из политической жизни идейных противников. Вытеснение было первым шагом к началу массовых репрессий и началу активной советизации. Борьба против инакомыслия и активная советизация латышской и литовской культуры протекала под лозунгами борьбы против буржуазного национализма. Необходимость такой политики декларировал в 1941 году секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы А. Снечкус. Он утверждал, что «нет никаких сомнений, сто буржуазные националисты или элементы, находящиеся под их влиянием, будут прикрываться национальной политикой партии и всячески стремиться к распространению своих националистических идей – этим попыткам путь должен быть закрыт».¹²

В процесс советизации культуры активно включились некоторые латышские писатели. А. Упитс в 1940 году писал: «в настоящее время корабль латышской литературы выходит в открытое море великого Союза Советских Социалистических Республик. Поднятый на мачту развивается красный флаг рабочего класса. За штурвал должны стать мужи марксистского литературоведения и социалистической критики, чтобы социалистическое искусство слова не оторвалось от этой линии непобедимой армады».¹³ В 1940 году появилось еще одно, коллективное, заявление латышских писателей, где говорилось, что «падение фашистского режима возвращает латышской литературе, латышским писателям и журналистам их права, а латышской литературе – ее национальную силу». Особо отмечалась причастность к советской культуре: «тесная и несокрушимая дружба с народами Советского Союза поднимает нашу культуру на равную ступень с наивысшими достижениями мировой культуры».¹⁴ В 1941 году в Латвии стала выходить «Литературная газета» - «*Literatūras Avīze*». Автор одной из ее первых статье Н. Вирта выдвинул лозунг: «Пусть процветает литература Советской Латвии».¹⁵

Аналогичные идеи в 1940 и 1941 годах активно пропагандировались и популяризировались и в Литве. Они были воплощением стремления литовских коммунистов как можно быстрее

---

¹² *Tiesa*. 1941. No 35.

¹³ *Karogs*. 1940. No 1.

¹⁴ *Cīņa*. 1940. No 11.

¹⁵ *Literatūras Avīze*. 1940. No 1.

провести советизацию и укрепить свои позиции. В 1941 году в Литве появилось «Заявление о культурном и литературном наследстве». Его авторы (Пятрас Цвирка, Людас Гира, Костас Корсакас и Йонас Шимкус) ссылаясь на работы Ленина, Сталина и Горького доказывали, что в ходе распространения идей социалистического реализма в литературе следует использовать определенные идеи писателей прошлого.¹⁶ Это был один из первых шагов на пути искажения истории культуры ради ее советизации. Искажение истории культуры литовские коммунисты предпочитали называть «новыми взглядами на явления жизни».¹⁷

Советизация культуры в Латвии сопровождалась массовым изданием советской, не самой лучшей, литературы. Стали выходить книги сомнительного художественного качества. На латышском языке появились книги М. Горького,¹⁸ Н. Островского.¹⁹ Секретарь ЦК КП Латвии Ж. Спуре отмечал тогда, что «нам нужна литература, вливающая силу. Например, такая как романы Шолохова, Островского или песни Лебедева-Кумача».²⁰

14 – 15 июня 1941 года в Риге прошел первый съезд советских писателей Латвии. Советизировать латышскую литературу помогали и делились опытом А. Фадеев, Н. Асеев, Н. Тихонов, В. Лебедев-Кумач. От Литвы приняли участие П. Цвирка, К. Корсакас, В. Монтвила. На съезде А. Фадеев говорил: «латышский народ имеет богатое классическое наследие. В этом наследие много того, что надо сделать общим достоянием народов СССР. Мы, представители литератур народов СССР, обещаем, что все, что ценно для латышей сделаем достоянием советской культуры». Фадеев живописал преимущества от пребывания в СССР: «писатели даже самых малых народов получили многомиллионного читателя, и писатели Латвии получают читателя на всех языках народов СССР».²¹

Процесс советизации латышской и литовской культуры в 1940 – 1941 годах был достаточно глубоким. Прошла ломка старых культурных структур и институтов, были созданы новые формы организации культуры. Основным принципом культурной жизни стал социалистический реализм. Кроме этого были сделаны шаги для устранения представителей старой культурной традиции, которая рассматривалась как буржуазная и национа-

---

¹⁶ *Tiesa*. 1940. No 11.

¹⁷ *Tiesa*. 1941. No 70.

¹⁸ *Gorkijs M. Māte R., 1941; Gorkijs M. Manas universitātes. R., 1941.*

¹⁹ *Ostrovskijs N. Kopoti raksti. Sej. 1. R., 1941.*

²⁰ *Literatūras Avīze*. 1941. No 12.

²¹ *Пролетарская правда*. 1941. № 142.

листическая. Однако процесс советизации был прерван началом войны, которая отодвинула окончательное его завершение на несколько лет.

1944 – 1953: второй этап советизации

Советизация латышской и литовской культур продолжилась после завершения второй мировой войны. Именно на данном этапе были закреплены результаты предыдущих лет, и советизация в целом была завершена. Советизации культур балтийских народов была составной частью культурной политики в СССР. Идеологические инструкции на советизацию литератур исходили из Москвы. Одним из теоретиков общесоюзного значения стал А. Жданов, который, обращаясь к писателям, писал, что они «поставлены на передовую линию фронта идеологии». «У вас огромные задачи, имеющие международное значение и это должно поднять чувство ответственности каждого советского литератора перед своим народом, государством и партией»,²² - отмечал советский партийный деятель.

Литовские коммунистические авторы в ходе советизации стремились навязать новые культурные ценности. Это вело к разрушению старых ценностей и традиций. Вместо этого власти призывали культивировать социалистический реализм. В 1945 году Костас Корсакас писал, что «часть наших литераторов оглядывается назад, придерживается отживших понятий, не верит в будущее. Возврат прошлого невозможен, никакая сила не поднимет его из могилы истории. Создание нового будущего является нашей задачей. Писатели должны встать на путь создания нового будущего. Это означает стать под советское знамя, под знамя социалистических принципов, под знамя идей Ленина и Сталина».²³ В 1952 году А. Снечкус призывал ради достижения этой цели бороться с такой ситуацией, при которой в литовской литературе существует «слабое изучение советской действительности, недостаточное изучение марксистско-ленинской науки, недостаточное овладение литературным мастерством».²⁴

В 1947 году имел место Второй съезд писателей Советской Латвии. На нем, как и на первом съезде присутствовал Фадеев, который навязывал латышской литературе идеи социалистического реализма. На съезде он выступил с докладом «Образ совет-

---

²² Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». М., 1952. С. 27.

²³ *Pergale*. 1945. No 6.

²⁴ *Komunistas*. 1952. No 9. P. 43.

ского писателя». После войны продолжилась советизация через издание советских книг – вновь стали выходить работы Горького. Андрейс Упитс считал, что латышское общество «в первую очередь в 1940 году потребовало переводов Горького».²⁵

В начале 1950-х годов проявлением советизации культуры стала борьба с противоположными идеями и учениями. В Латвии шла борьба против буржуазного национализма, в Литве – против католического клерикализма. В 1951 году в литовской газете “*Tiesa*” писали, что в литературе еще мало произведений, ведущих борьбу против «религиозных предрассудков». «Недостаток – это ведение атеистической пропаганды с неправильных позиций. Не надо порицать и ругать лишь некоторых реакционных ксендзов, необходимо выявлять их классовую сущность, сопротивление науке и общую реакционность»,²⁶ - отмечалось в одной из статей 1951 года.

Дискурс 1: присоединение к Советскому Союзу

Важнейшей темой советизации литературы Литвы и Латвии было отражение вхождения этих республик в состав Советского Союза. Этой теме поэты Латвии и Литвы уделяли особое внимание, так как сам факт вхождения делал возможным их творческую деятельность, способствовал появлению работ в духе социалистического реализма.

Литовский поэт Йоварас вхождение Литвы в состав Советского Союза комментировал как акт обретения свободы, который свершился военным путем при помощи Советского Союза. Этот факт он, например, описывал таким образом:

*Здесь грозно солдаты прошли,
здесь танков тяжелых прошли вереницы.*²⁷

Латышский поэт Андрейс Балодис, описывая роль, армии в присоединении рассматривал ее как шаг на пути к братству народов, как вхождение в большую советскую равноправную семью:

*Танкист высоко поднял ребенка на руках,
и тот чужой боец латышскому ребенку
стал дорог, как отец.*²⁸

Сам факт вхождения Литвы в состав Советского Союза мог оцениваться в официальной советской поэзии исключительно

---

²⁵ *Upīts A. Maksima Gorkija loma latviešu revolucionāras domas un literatūras attīstībā // Upīts A. Kopoti raksti. Sej. 20. Rīga. 1951. lpp. 338.*

²⁶ *Tiesa. 16.05.1951.*

²⁷ *Йоварас К годовщине нашего освобождения // ПЛА. С. 105.*

²⁸ *Балодис А. Коммунисты // АЛП. С. 505.*

как положительное и позитивное явление. Йоварас, например, оценивал его именно так:

*Мне вспомнились красноармейские части,
солдат боевые штыки,
нам свет и свободу,
и радость и братство
и жизнь принесли их полки.²⁹*

Нередко присоединение к СССР рассматривалось как начало нового пути, как открытие новой страницы в истории, как обретение свободы, как освобождение от власти капиталистов, как расцвет, как начало эпохи созидательного труда, как начало новой жизни. Это, например, свойственно ряду стихов латышских поэтов, в том числе и Янису Судрабкалнсу:

*Жаворонки пели в Советской Латвии дайны свободы.
Рощи цвели, зеленели поля.
Счастье несла ты народу,
Советская Латвия.
Латвию славим – веки Советскую.³⁰*

Вхождение в СССР связывалось в начале нового этапа в истории. Это было характерно для многих поэтов, например – для Йовараса:

*Яркий свет ленинизма открыл нам глаза!
Как правдиво и твердо звучат голоса.
Голоса возрожденных народов страны,
что сегодня звучат и в грядущем слышны.³¹*

Людас Гира, в свою очередь, связывал вхождение в СССР с обретением свободы:

*Ты, Литва моя, стала свободною,
долгожданное счастье нашла.
Под кремлевской звездой путеводною
ты в советское счастье вошла.³²*

Похожего мнения придерживался и латышский писатель Судрабу Эджус, который считал, что образование Латвийской ССР привело к ее освобождению, обретению подлинной свободы:

*О, двадцать первое июля!
По радио такая весть.
Слова, как молния, сверкнули,
Советской Латвии рожденье
свершилось темных сил паденье.³³*

---

²⁹ Йоварас К годовщине нашего освобождения // ПЛА. С. 105.

³⁰ Судрабкалн Я. Советской Латвии // АЛП. С. 451.

³¹ Йоварас Знамена // ПЛА. С. 106.

³² Гира Л. ЛССР // ПЛА. С. 116 – 117.

³³ Судрабу Эджус Красной Латвии, Советской Родине // АЛП. С. 385.

Согласно В. Монтвиле, вхождение в СССР – начало пути, начало качественного нового этапа. Советский Союз для него – это свет и порядок, прошлое же – тьма и хаос:

*В нужде и темноте мы жили плохо,
скудно, тащили панский воз
и гнули свой хребет.*

*Вот почему, одна советская секунда
куда дороже нам десятков прошлых лет.³⁴*

Вхождение в СССР – это, согласно Я. Судрабкалнсу, обретение нового мира, дома, начало новой, светлой и правильной, жизни:

*О, солнце Советов!
О, солнце святое,
Весь мир и наш дом
нам дарован тобою.³⁵*

Вхождению в состав СССР латышские и литовские поэты уделяли особое внимание. Сам факт оценивался ими положительно и интерпретировался ими как обретение свободы. Поэты доказывали, что присоединение к СССР есть вхождение Литвы и Латвии в семью братских народов Советского Союза. Существование латышей и литовцев вместе с другими народами СССР рассматривалось как обретение ими новой счастливой жизни, как ее начало. Присоединение к СССР оценивалось как начало расцвета Литвы и Латвии, как начало нового этапа в их истории. Исторические изменения связывались с изменением политического строя, что было гарантией нового, светлого и счастливого, будущего. Этим будущим могло быть лишь построение коммунизма, а присоединение к СССР и создание коммунистического общества были теснейшим образом связаны.

Дискурс 2. Пребывание в СССР

Пребывание Латвии и Литвы, жизнь латышей и литовцев в социалистическом обществе – важные элементы создания положительного образа советизации. Пребывание в СССР оценивалось как положительный факт. Пребывание в СССР рассматривалось как благо и противопоставлялось более ранним событиям независимого периода:

*Теперь наша Родина необозрима.
Советский народ монолитен, един.
От Владивостока до знойного Крыма.
От Вильнюса вплоть дол Памирских вершин.³⁶*

³⁴ Монтвила В. Венки Литве // ПЛА. С. 219

³⁵ Судрабкалн Я. Родина // АЛП. С. 455.

Пребывание в СССР Людас Гира связывает с перспективами дальнейшего развития Литвы:

*Да, четыре лишь буквы, четыре,
обновили родной алфавит
и в свободные дали и шири
светлый путь для литовца открыт.³⁷*

Пребывание в СССР для Петраса Вайчюнаса – расцвет Литвы:

*Как веточка руты,
Литва, дорогая,
цвети, зеленой
среди советских сестер.
Ты двигаешься к свету,
вперед на простор дорогой победы,
дорогой свободы.³⁸*

Расцвет Литвы в СССР возможен был, согласно литовским поэтам, лишь вместе с другими советскими народами. Такая точка зрения, например, представлена в поэзии С. Нерис:

*Влившись в СССР – народов море,
завзвени как новая струна,
в их могучем и согласном хоре.³⁹*

Согласно П. Вайчюнасу, существование в рамках СССР – это дружба народов, диалог между ними и взаимное культурное обогащение:

*Как братья, народы советской страны
веселой и мирной семьёю живут,
в печали и счастье друг другу верны,
под солнцем отчизны отраден им труд.⁴⁰*

Похожая идея представлена и у В. Миколайтиса-Путинаса:

*На юге – раскаленный жар степей,
на севере – бушуют непогоды.
В больших просторах родины моей
многоязыки братские народы.
От Заполярья до Азербайджана
цвети моя Советская Земля!⁴¹*

Для Путинаса СССР – это и путь в коммунизм:

*По путям пятилеток
в сады коммунизма мы войдем,
мы войдем!⁴²*

---

³⁶ Йоварас К годовщине нашего освобождения // ПЛА. С. 105.

³⁷ Гира Л. ЛССР // ПЛА. С. 116.

³⁸ Вайчюнас П. Веди нас к счастью // ПЛА. С. 133.

³⁹ Нерис С. Путь большевика // ПЛА. С. 257.

⁴⁰ Вайчюнас П. Светоч мира // ПЛА. С. 138.

⁴¹ Миколайтис-Путинас В. Советская семья // ПЛА. С. 146 – 147.

⁴² Миколайтис-Путинас В. Встреча с Узбекистаном // ПЛА. С. 153.

Друга сторона пребывания в СССР, созидательный труд, одна из излюбленных тем для Бутку Юзе:

*Нам в дружбе жить, родной народ!
Нам пятилетку создавать.
За Сталиным идти вперед!
Тебя любить, Отчизна-мать!⁴³*

Т. Тильвитис считал, что пребывание в СССР есть благо. Советский Союз для него – это и формирование нового типа человека – советского человека, способного на все ради своей советской Родины:

*Я родины своей в семье народов равных
не брошу никогда и не отдам навек!⁴⁴*

Пребывание Литвы в СССР – это прогресс и развитие. Данная тема неоднократно была представлена в поэзии советской Литвы. Правда, в творчестве Йонаса Шимкуса она приобретает новую перспективу. Расцвет и развитие республики он связывает с деятельностью Сталина:

*Ты всегда в работе,
ты всегда в кипенье,
Родина – народов дружная семья,
как порой весенней,
как земля в цветенье,
потому что это – Сталина земля.⁴⁵*

Пребывание в СССР рассматривалось в период советизации как начало качественно нового этапа в истории Литвы и Латвии. Отличительной чертой этого нового периода было установление единства советских народов. В связи с этим Латвия и Литва позиционировались в новом качестве – как части самого большого и могучего государства в мире. Именно это создавало условия для дальнейшего прогрессивного внутреннего развития. Это развитие выражалось во взаимном обогащении народов. Все это, в конечном счете, вело к построению коммунизма. Коммунизм, в свою очередь, ассоциировался с необходимостью проведения социалистических преобразований.

Дискурс 3: Образ социалистических преобразований

Социалистические преобразования в советской поэзии идеализировались, они изображались как разрушение старого и построение нового мира. Нередко под ними понимали уничтожение капитализма и буржуазного государства, создание советской

⁴³ Бутку Юзе Пятилетка // ПЛА. С. 163.

⁴⁴ Тильвитис Т. В дальней дороге // ПЛА. С. 236.

⁴⁵ Шимкус Й. Счастье // ПЛА. С. 291.

государственности. Таким образом этот процесс описан, например, в стихах А. Броделе:

*Я голосую –
Всем сердцем против старой жизни
Законов рабских в рабском государстве,
Ничтожности и мелочности мыслей,
Унылых дней под небом мутносерым,
Я против строя, что лишал работы.⁴⁶*

Рассматривая социалистические преобразования, поэты значительное внимание уделяли коллективизации. Для А. Ластаса, коллективизация – вдохновение и призыв к труду:

*Меж хуторов собрались люди в коллектив единый
Копают, сыплют...
Стоит товарищ Урожай у нового колхоза
Везут колхозники стране плоды трудов своих.⁴⁷*

П. Вайчюнас указывал на изменение характера отношений собственности. Коллективизация в его поэзии – обретение земли народом:

*Мы на поле вышли, не панское – наше,
Мы не батраки, мы – свободные люди
Мы этого часа вовек не забудем
Мы плугом полоски и межи запашем⁴⁸*

Для Ю. Палемонаса, коллективизация – это народное счастье, созидательный труд простых людей:

*Земли советской голос нас зовет
Работать будем дружно на просторе
Идет на пашню общую народ.⁴⁹*

Коллективизация – это прогрессивное явление, признак мудрой политики советского правительства. Для простого крестьянина – это спасение, шаг в новую жизнь, расставание с нищетой, обретение свободы. Такова коллективизация в поэзии Т. Тильвитиса:

*Он думает. Чуть-чуть мигают веки
Простившись с жизнью нищей и тупой
Он свой надел соединил навеки
С наделами полмира, их судьбой.⁵⁰*

Воспевание коллективизации было характерно и для поэзии в Советской Латвии, например, для Яниса Гротса:

*В колхозе у нас ну и кони растут –
Гривасты они, быстроноги
Выносливых – плуги и бороны ждут,
Машистых – больше дороги.⁵¹*

⁴⁶ Броделе А. Я голосую // АЛП. С. 601.

⁴⁷ Ластас А. Уборка картофеля // ПЛА. С. 131.

⁴⁸ Вайчюнас П. Вышли мы на поле // ПЛА. С. 137.

⁴⁹ Палемонас Ю. Песня коллективного труда // ПЛА. С. 209.

⁵⁰ Тильвитис Т. Заявление // ПЛА. С. 236.

Образ социалистических преобразований в поэзии Литвы и Латвии ассоциировался с разрушением старого порядка. Старое, разумеется, изображалось как плохое и негативное. Новое, то есть коммунистическое, в соответствии с советской культурной традицией, могло быть только положительным и полезным для общества. Новое и старое противопоставлялось, коммунизм и капитализм изображались как два противостоящих мира. Именно за коммунизмом, в соответствии с логикой советизации, было будущее. Коммунизм – это расцвет человеческого общества. Важнейшим проявлением социалистических преобразований и построения коммунизма была коллективизация.

Дискурс 4: образ В.И. Ленина

Поэзия делала много для развития культа личности Ленина. Ленину принадлежало особое место в официальной советской идеологии. Ленин рассматривался как гениальный организатор, как создатель большевистской партии, как последовательный борец против старого порядка, как организатор революции и как первый лидер Советского государства.

Ленин для В. Миколайтиса-Путинаса – лидер Октябрьской революции:

*Солнцем над нами горя
С недругом в бой
Ведет нас родной
Ленин – Вождь Октября.⁵²*

Адомас Ластас связывал образ Ленина с освобождением, торжеством правды:

*Воздвигнем памятник ему
Из слова свергнувшего тьму
И в центре – Ленин! Путь его,
Как светлой правды торжество
Через века насквозь проходит⁵³*

Ленин – гений, защитник свободы и постоянный ее источник. Ленин – это знание, это, своего рода, истина. Таков Ленин в поэзии В. Монтвилы:

*Гении приходят
Уходят гении
Ленин с нами
На тысячи лет,
Кто любит свободу,*

---

⁵¹ Грот Я. Подковами завтрашней жизни // АЛП. С. 496.

⁵² Миколайтис-Путинас В. Фрагменты в честь Великого Октября // ПЛА. С. 150.

⁵³ Ластас А. Памятник В.И. Ленину // ПЛА. С. 127 – 128.

*Тот видит в Ленине
Свободы и славы
Немеркнущий свет*⁵⁴

Ленин – это не просто герой и борец. Ленин – это и средоточие всего человеческого. Нередко в поэзии он описывался как сама человечность. Поэты воспевали такие его качества как доброта и забота о людях:

*Никогда не забуду я взгляд его глаз
Он сияет мне днем и ночью
Будто все в нем слилось дорогое для нас,
Все – во имя чего мы живем.*⁵⁵

Ленин в советской латвийской поэзии изображался как источник дружбы народов, их совместной революционной борьбы против старого порядка за построение нового мира. Так описывал Ленина А. Имерманис:

*Ленин всматривался теплым взором
В худые и обветренные лица,
Он видел бой, в котором
Латыши и русский будут вместе биться.*⁵⁶

Вместе с тем идеализация образа Ленина в поэзии была настолько глубока, что он, например у Т. Тильвитиса, описывался как общечеловеческая ценность. Советские поэты приписывали Ленину значительную универсальность:

*Озаряет Китаю дороги побед
Людам Инда надеждою дышит...*⁵⁷

Советские литовские поэты превратили Ленина в некую вневременную категорию. Ленин, согласно их концепциям, это – наше прошлое, настоящее и будущее. Они рассматривали Ленина как образец для поведения всех последующих поколений людей. Такой подход, например, характерен для ряда стихов С. Нерис:

*По его следам, к его высотам
Мы ведем иные поколенья
Ленин – в них...*⁵⁸

Для А. Венцловы Ленин – это вдохновитель советского народа. Венцлова воспевал верность литовцев к Ленину, клялся в вечной верности и преданности литовцев идеям Ленина:

*Он жив для нас! Мы всюду его замечаем
Черты его любимого лица
Где творческий порыв наш нескончаем
Где ленинским огнем горят сердца
И в радости и в грусти нашей Ленин.*

⁵⁴ Монтвила В. Ленину // ПЛА. С. 213.

⁵⁵ Тильвитис Т. Ленин // ПЛА. С. 229 – 230.

⁵⁶ Имерманис А. Ленин в Риге // АЛП. С. 650.

⁵⁷ Тильвитис Т. Ленин // ПЛА. С. 229 – 230.

⁵⁸ Нерис С. Путь большевика // ПЛА. С. 259.

Навеки незабвенен и нетленен.⁵⁹

В поэзии В. Вальсюнене Ленин – это цель устремлений мыслей не только людей, но и всей природы:

Над светлой Москвою-рекой

Где Ленин?

Ответа прошу у реки.

Река дорогая, ответь

Где Ленин?⁶⁰

Ленин – важнейший элемент политической мифологии советского общества. Ленин – это создатель Советского государства. В СССР уже в 1920-е годы установился культ Ленина, и после создания Литовской и Латышской ССР культ личности Ленина был автоматически распространен на политические культуры этих республик. В соответствии с советскими концепциями Ленин изображался как сочетание самых положительных качеств. Ленин в советской латышской и литовской поэзии ассоциировался с гениальным вождем, гениальным организатором, гениальным революционером. С именем Ленина могли употребляться, как правило, прилагательные типа «великий» и «гениальный». В целом в СССР установился культ личности Ленина, Ленин стал объектом поклонения. Вождь стал воплощением такого понятия как человечность. Иногда Ленин описывался как сама человечность.

Дискурс 5: образ И. Сталина

Образ И. Сталина был важнейшим элементом в советизации поэзии. Сталину приписывались самые разные, но всегда положительные, человеческие качества. Сталин постепенно в пантеоне советских лидеров стал более важной фигурой, чем Ленин. Советские поэты, например, В. Вальсюнене слагали в честь Сталина хвалебные оды и гимны:

Это сталинский гений волшебный

Так высоко меня превознес

Гимн ему хвалебный я слагаю

И доносится песня до звезд.⁶¹

Советские поэты воспевали преклонение перед Сталином и на бытовом уровне. Сталин в поэзии К. Корсакаса присутствует в каждой семье, к нему обращены все мысли и думы простых людей:

Наш Сталин любимый из рамы глядит

⁵⁹ Венцлова А. Ленин живет в веках // ПЛА. С. 271.

⁶⁰ Вальсюнене В. Ленин // ПЛА. С. 300 – 301.

⁶¹ Вальсюнене В. Советская страна // ПЛА. С. 312.

*Глядит он как солнце
Мы первую чарку за Сталина пьем
И первая песня наша о нем.⁶²*

В поэзии Йовараса **1945 – 1953** годов Сталин – источник победы и энергии, гениальный организатор:

*С нами Сталин и всей нашей верой мы с ним
Побеждаем и знаем – не раз победим!⁶³*

В поэзии Л. Гиры Сталин – это освободитель:

*Сталин обещал Литве свободу
Значит, будет освобождена
Вольного, счастливого народа
Вольная, счастливая страна⁶⁴*

В творчестве П. Вайчюнаса, Сталин – продолжатель дела Ленина:

*Сам Ленин во тьме указал нам пути,
Сам Сталин помог нам до цели дойти.⁶⁵*

В описании И. Сталина со стороны Винцаса Миколайтиса-Путинаса немало идеализации:

*Другого имени я не слышал, пожалуй,
Которое звенело б, как металл
Вело на бой и горе побеждало
И чисто сияло, как кристалл⁶⁶*

Сталин у Путинаса – это героический борец:

*Из тьмы подполья к солнцу, негодую,
Он рвался с мощью горного орла
Потом на север, в тундру, в ночь седую,
Его судьба суровая вела.*

Но он не сдался, нет! – расправив крылья

И в будущее веря тожество

Он клятву дал разрушить мир насилья

Великий сын народа своего⁶⁷

Вместе с тем, Сталин для Путинаса – творец и созидатель:

И свет несла его живая сила,

Пока зоря, окрепнув не взошла.

И голову его не озарила

Творца всего, чего земля ждала⁶⁸

Для Путинаса Сталин – и вдохновитель всех свершений:

Он волю закалил, как закаляют

Сталь на огне, и мир отвагой спас

Бессмертной славой каждый день сияет

⁶² Корсакас К. Красный угол // ПЛА. С. **330**.

⁶³ Йоварас Знамена // ПЛА. С. **106**.

⁶⁴ Гиры Л. Вольный Вильнюс // ПЛА. С. **121**.

⁶⁵ Вайчюнас П. Веди нас к счастью // ПЛА. С. **133**.

⁶⁶ Миколайтис-Путинас В. Его имя. Ко дню **70**-летия товарища Сталина // ПЛА. С. **141**.

⁶⁷ Там же. С. **141**.

⁶⁸ Там же. С. **141**.

На подвиг новый вдохновляя нас.⁶⁹

Сталин в творчестве Путинас – залог единства советских людей:

*Предначертанья Сталина родного
Нас повели одним большим путем
Единое нас вдохновляет слово
Одно и то же знамя мы несем.⁷⁰*

Другая ипостась Сталина у Путинас – проведение людей в светлое будущее, в новый коммунистический мир:

*Под знаменем его великой правды
Народам мира с нами по пути
Он нас ведет в сияющее завтра
Там коммунизм уведем во плоти⁷¹*

Сталин в поэзии Путинас – некий герой, к которому обращены все чувства и мысли простых людей:

*Мы Сталину скажем:
Да будет твоя –
На благо трудящимся
Жизнь бесконечна⁷²*

Юстас Палемонас показывает образ Сталина как образ «отца народа»:

*Как смотрит миллиардом глаз на солнце вся земля
Так думы чистые людей теснятся у Кремля.
Стремятся к Сталину они с надеждами своими
На всех наречиях звучит родное имя.⁷³*

В поэзии Альбинаса Жукаускаса данный образ Сталина более широк. Сталин – это отец всех народов мира, всех угнетенных, которые борются за свою свободу и независимость:

*Восстали народы и сбросили гнет
Своими делами
Открыл ты им в будущее вход
Народы ты в мир коммунизма ведешь
Великий и мудрый вождь!
Всему человечеству и всем угнетенным
Открыл ты к всеобщему счастью пути.⁷⁴*

В поэзии Теофилиса Тильвитиса образ Сталина также наделен значительными отеческими чертами. Сталин – это ориентир в жизни советских людей, пример для подражания:

Твое, Отец, несли мы в сердце слово

---

⁶⁹ Там же. С. 142.

⁷⁰ Миколайтис-Путинас В. Встреча С Узбекистаном // ПЛА. С. 152.

⁷¹ Миколайтис-Путинас В. Его имя. Ко дню 70-летия товарища Сталина // ПЛА. С. 142.

⁷² Миколайтис-Путинас В. Кантата. В честь десятилетия Советской Латвии // ПЛА. С. 153.

⁷³ Палемонас Ю. Нашему Сталину // ПЛА. С. 203.

⁷⁴ Жукаускас А. Сталин // ПЛА. С. 361.

*Оно нам, как маяк у моря штормового
Светило в дни борьбы и наступлений.
Ты право на самоопределение
Народам дал, ты положил начало
Литвы Советской
Ты смело вел нас...⁷⁵*

Образ Сталина в поэзии Ю. Палемонаса связан с образом Ленина. Сталин изображается как наследник, как верный ученик и продолжатель дела Ленина:

*Он рядом с Лениным стоял у колыбели века
Святую хартию борьбы вручил он человеку.
Он вместе с Лениным родным земную сдвинул ось,
Чтоб человечеству полней и радостней жилось.
Он в верности клялся у траурных знамен.
И клятву данную сдержал. Сегодня – Ленин он.⁷⁶*

Похожее определение мы находим у А. Хургинаса:

*Я Сталина повсюду слышу имя
Я помню слово Сталина всегда
Великий Сталин –
Ленин наш сегодня⁷⁷*

Альбинас Жукаускас описывал Сталина как того человека, который всей своей деятельностью стремится к одному – к воплощению в жизнь ленинских заветов, продолжению ленинской политики, проведению революционных преобразований:

*Заветы Ленина здесь воплощает Сталин
Здесь вечно ленинский дух живет.⁷⁸*

Ленин и Сталин связаны и в поэзии А. Венцловы. Ленин и Сталин – это два вождя партии, два вождя советского народа:

*Да! Ленин жив, и партия бессмертна,
В ней дух его и разум навсегда
Да! Сталин непрестанно и усердно
Не покладая рук, в огне труда,
Не спит ночами и орлиным взглядом
Даль коммунизма видит с нами рядом!⁷⁹*

Тесное смыкание образов двух вождей, Ленина и Сталина, характерно и для советской латвийской поэзии. Например, у Андреяса Балодиса они – источники вдохновения трудящихся, предмет их постоянных мыслей, дум и надежд, образец для подражания:

*Весь люд угнетенный из дали,
Приветы вождям нашим шлет.
Где Ленина знамя, где Сталин –*

---

⁷⁵ Тильвитис Т. Великому Сталину // ПЛА. С. 228.

⁷⁶ Палемонас Ю. Нашему Сталину // ПЛА. С. 203.

⁷⁷ Хургинас А. Сталин // ПЛА. С. 371 – 372.

⁷⁸ Жукаускас А. Твердыня революции // ПЛА. С. 363 – 364.

⁷⁹ Венцлова А. Ленин живет в веках // ПЛА. С. 272.

Везде побеждает народ.⁸⁰

Для Палемонаса Сталин – великий человек, способный вершить судьбы человечества, справедливо управляющий им. Сталин в таком проявлении – это и строитель будущего мира, вдохновитель на подвиги:

*Мы в исторические дни кладем основы зданья
А Сталин видит весь чертог, всю цельность мирозданья.
Где думы Сталина парят, куда он поглядел
Куда он руку протянул – там сумрак поредел.
Он всюду: в грохоте цехов, в полях весенних пашен
Им зоркий летчик вдохновлен, пред ним солдат отважен.⁸¹*

Счастье и Сталин, Сталин и счастье – эти темы взаимосвязаны в творчестве Соломеи Нерис. Для нее Сталин – это тот лидер, который способен дать народам счастье:

*Мы знали: там страна героев
К победам Сталин их ведет
Народы, жизнь свою построив,
Живут там, как один народ,
Там воля Сталина стальная
Открыла к счастью все пути.⁸²*

Сталин – источник счастье всех народов мира, в том числе и тех, что проживал вне СССР. Данное мнение было характерно, например, для А. Хургинаса:

*Не дрогнул Хуан Куэста
Рука кочегара тверда
Зарублено «VIVA STALIN»
Во весь разворот листа.⁸³*

Кроме этого, для С. Нерис, Сталин – подлинный народный вождь, понимающий и любящий свой народ:

*И звучит литовский мой язык
Сталин сам словам его внимает
Сталин, как он мудр и как велик.⁸⁴*

Соломея Нерис воспринимала Сталина в качестве наследника Ленина. При этом образ Сталина наделялся почти мистическими чертами. Она описывала его как гаранта бессмертия и истины:

*Сталина оставил миру Ленин
Нашу правду и бессмертье наше.⁸⁵*

Антанас Венцлова рисует образ Сталина как воплощение всех качеств природы, как само ее существование, как жизнь. В связи

---

⁸⁰ Балодис А. 17 июня // АЛП. С. 505.

⁸¹ Палемонас Ю. Нашему Сталину // ПЛА. С. 205.

⁸² Нерис С. Поэма о Сталине // ПЛА. С. 255.

⁸³ Хургинас А. Правда Хуана Куэсты // ПЛА. С. 378.

⁸⁴ Нерис С. Путь большевика // ПЛА. С. 256.

⁸⁵ Нерис С. Путь большевика // ПЛА. С. 259.

с этим образ Сталина приобретает всеобщий и всеобъемлющий, мировой, характер:

*Его славное имя –
Гроза над вершинами гор,
Рокот синего моря,
Дремучих лесов разговор,
Назовет его имя
Волна, разбиваясь у дамб,
Пролетит оно светом
По селам и городам.⁸⁶*

Сталин – вот истинный и важнейший предмет устремлений творческой активности поэтов и писателей. Практически каждый литератор писал о Сталине. О Сталине писали стихи, поэмы. Он воспевался и в прозе. Степень добровольности создания таких произведений была различной. Некоторые писали под явным принуждением, для других Сталин, действительно, для определенного круга писателей был героем, и чувства верности и преданности у ряда поэтов вождю были совершенно искренними. Они изображали Сталина как гения. Сталинский гений проявлялся в том, что он описывался подобно Ленину как великий вождь, борец, революционер, организатор и государственный деятель. Сталин изображался как залог процветания советского народа, как живой гарант построения коммунистического общества. В целом, мы можем констатировать, что культ Сталина был мощнее культа Ленина, и он потеснил первого советского вождя в пантеоне государственных лидеров Советского Союза.

Дискурс 6: образ партии

Вместе с образами советских вождей в литературе значительное внимание было уделено и культивированию другого образа, который был с ними очень тесно связан и смыкался в смысловом отношении. Этот образ – партия. Партия была своего рода институционализацией активности двух советских лидеров – Ленина и Сталина.

Для латышского поэта Андрейса Балодиса, партия – это передовой отряд коммунистов. Коммунисты – в советской поэзии понятие социальное. Они всегда – рабочие и никогда – представители господствующего класса, буржуазии. Коммунисты, в свою очередь, люди самоотверженные, герои и патриоты своей Родины. Они призваны принести коммунизм не только народам СССР, но и всего мира:

---

⁸⁶ Венцлова А. *Имя Сталина* // ПЛА. С. 273.

*Есть люди стального закала
Им сила героев дана...
Те люди созвездья победы
Зажгли для народов земли.
Партийные мы, коммунисты –
Рабочего класса сыны.⁸⁷*

В изображении В. Вальсунене партия – это плод мудрости советских лидеров, результат деятельности Ленина и Сталина:

*Рожденная мудростью двух величайших людей,
Пришла ты и счастье вдохнула в несчастных людей,
Могучей силою идей
Партия Ленина – Сталина!⁸⁸*

Вальсунене описывает партию как истинно народную силу. Она считала, что именно партия освободила народ и даровала ему подлинную свободу, показав истину и правду:

*Не ты ли народ окрылила, дав крылья орла,
Разбила оковы, в решительный бой повела,
Свет правды открыла,
Партия Ленина – Сталина!⁸⁹*

Партия в поэзии В. Вальсунене – вдохновитель не только народа на совершение трудовых подвигов. Партия – это и та сила, которая служит источником вдохновения поэтов:

*Поэзию ты вдохновляешь примером своим,
На труд вдохновляешь,
Партия Ленина – Сталина!⁹⁰*

Вместе с тем, партия и просто источник человеческого счастья:

*Я перед Сталиным в большом долгу,
И Партии я предан всей душою,
За то, что утром юности могу
Изведать счастье полное, большое.⁹¹*

Партия – это вечный двигатель, это источник энергии советского народа, это та сила, которая ведет СССР в коммунизм – именно таким образом воспевал партию в своих стихах Вацис Реймерис:

*Под этим золотым и алым стягом
Мы к коммунизму движемся вперед,
И мы дойдем до цели!
Нас партия ведет.⁹²*

---

⁸⁷ Балодис А. Коммунисты // АЛП. С. 505.

⁸⁸ Вальсунене В. Партия Ленина – Сталина // ПЛА. С. 299.

⁸⁹ Там же. С. 299.

⁹⁰ Там же. С. 299.

⁹¹ Вальсунене В. Заявление // ПЛА. 1950. С. 305 – 306.

⁹² Реймерис В. Нас ведет партия // ПЛА. С. 406.

В изображении К. Корсакаса, коммунистическая партия – это партия Ленина и Сталина. Это – сердце советского народа, это источник его движения вперед, его энергии и побед:

*Там сердце Партии стучало,
Там Партия вперед звала,
Там дума Ленина витала,
Там воля Сталина жила.*⁹³

Для советской поэзии было характерно создание общих образов, которые служили воплощением наиболее ярких особенностей советской действительности. Таким образом, в советской поэзии была партия. Вместе с образами советских вождей в литературе значительное внимание было уделено и культивированию другого образа, который был с ними очень тесно связан и смыкался в смысловом отношении. Партия была институционализацией активности двух советских лидеров – Ленина и Сталина. Партия описывалась как специальный институт, как важный атрибут советского общества. Советские идеологи придавали партии роль важного признака самоидентификации. В целом, партия, будучи объективной реальностью жизни в СССР, стала такой же абстрактной реальностью, перенесенной на страницы художественных произведений.

Дискурс 7: образ врага

Создание образа врага было одно из важнейших задач советизации, так как это культивировало идеи об избранности СССР и противопоставляло его остальному миру. Образ врага в советской поэзии описывался как средоточие всех негативных и вредных качеств. Врагам нередко приписывались животные черты. Это, например, характерно для поэзии Йовараса:

*А филины в ночь улетели
За ними сбежали хорьки
Забилась они в зарубежные щели
Родного народа враги*⁹⁴

Юстас Палемонас рисует более конкретный образ врага:

*Так каждый день растет число борцов за мир,
Пускай грозится толстосум и злобствует банкир.*⁹⁵

Образ врага – это, разумеется, негативный образ. Более того – это образ, требующий уничтожения. Это такой образ, который, согласно В. Монтвиле, должен уступить место новому и положительному, то есть советскому:

⁹³ Корсакас К. Вам // ПЛА. С. 336.

⁹⁴ Йоварас К годовщине нашего освобождения // ПЛА. С. 105.

⁹⁵ Палемонас Ю. Нашему Сталину // ПЛА. С. 205.

*Читаем мы – «Госторг»
Читаем – «Госиздат»
Исчезли навсегда отвратные картины
Святошу и купца
Отправили мы в ад.⁹⁶*

В поэзии Т. Тильвитиса образ врага не столь абстрактен. Он обретает совершенно конкретные черты. Для него враг – это, в первую очередь, классово чуждый элемент, например, служитель культа – католический священник:

*И входит в дом, и по привычке древней
Затягивает тягостный псалом
Или таясь у ветхого уступа
В церковной тиши, в мертвенной тиши
Красуясь белым облаченьем, скупю
Отвешивает милость для души.
Тень черная соборовать спешит
Та самая, что под бандитской маской
Любым ножом от жизни отрешит
Упырь-мервец за пояс гранату сунув наспех
Для мокрых дел упырь ныряет в ночь⁹⁷*

Вместе с тем в описании образа врага у Т. Тильвитиса немало и абстрактного. Враг – это противник, который страшится мира, не любит его, но постоянно занят одним – разжиганием новой войны. Ему, разумеется, противостоят только советские люди:

*Твои машины несут огонь и гибель человеку
Наш здравый разум солнцем озарен
Наш правый путь ведет к вершинам века.⁹⁸*

Для Т. Тильвитиса роль главного врага играл Запад. Властители Запада для него были суть империалисты и капиталисты. Для описания их злодеяний и глубины морального разложения поэт не жалел красок. Они, согласно его концепции, лишь жалкие накопители денег:

*Министр болел одной из страшных маний
Ее микроб находится в кармане...
Холодная война подобно бумерангу:
Ударив и по стерлингу и франку,
План Маршалла шумел, трубил в трубу
И – трах изобретателя по лбу.⁹⁹*

Вместе с тем для Т. Тильвитиса, Запад – главный идейный противник. Он считал, что западные средства массовой информации заняты одним, а именно: ведением антисоветской компании и пропаганды. Это, разумеется, им оценивалось негативно,

---

⁹⁶ Монтвила В. Венки Литве // ПЛА. С. 219.

⁹⁷ Тильвитис Т. Упыри // ПЛА. С. 237 – 239.

⁹⁸ Тильвитис Т. Письмо за океан // ПЛА. С. 240 – 241.

⁹⁹ Там же. С. 240 – 241.

описывалось как ложь, фальсификации и искажение действительности:

... леди Би-Би-Си

Врала без умолку, и хвасталась, и злилась

Показывала зад и кукишем грозилась,

На брюхе ползала, вопила...

И белым черное охотно объявляла...¹⁰⁰

Роль врага Запад выполняет и в поэзии Костаса Корсакаса. Запад, согласно его идеи, стремится к новому переделу мира, к порабощению других стран и народов. Запад – это источник войн, инициатор гонки вооружений. Запад – это и виновник возможной ядерной войны:

Как снова постыдный и подлый дележ

Начали за океаном

Готовят войну,

Заносят нож,

На континенты и страны,

Хотят, прибрав,

Упрятать в мешок

Север и Юг

Запад и Восток.

Вы, за Атлантикой,

Золотые мешки,

Мундиры, смокинги

И котелки,

Вы, что пугаете

Нас автоматчиком, вы, что играете

Атомным мячиком.¹⁰¹

Враги – это представители буржуазии, это старые буржуазные партии. Такие враги заботятся лишь о себе, думают исключительно о своем собственном благе и увеличении своего собственного дохода за счет народа. Именно такая точка зрения представлена в поэзии С. Нерис:

Князья, подобно вурдалакам

Сосали кровь земли родной

И продал ее полякам

Хомут навьючили двойной.¹⁰²

В поэзии Судрабу Эджуса, главный враг – это США. Рассматривая Америку как врага, он противопоставляет ей Советский Союз и сознательно изображает его как более мощное государство:

Растут повсюду неуклонно

Заводы, верфи, рудники –

У нас размашистей шаги,

¹⁰⁰ Тильвитис Т. Королева эфира // ПЛА. С. 243.

¹⁰¹ Корсакас К. Армия мира // ПЛА. С. 340.

¹⁰² Нерис С. Поэма о Сталине // ПЛА. С. 249.

Чем у Америки хваленной.¹⁰³

Антанас Венцлова описывает врага как изменника и предателя, как агента иностранных разведок. Такой враг, вместе с тем, и разжигатель войны, палач своего собственного народа. Он и проводник интересов буржуазии, враг рабочих и крестьян:

*Вот он, наемник Даллеса и Тито
Шпион с лицом кровавого бандита
Его программа – черный ад войны
Хотя бы в сердце собственной страны.
Топор и кнут – народу своему,
Поместья – кардиналам и дворянам
На плаху – совесть, истину – в тюрьму.¹⁰⁴*

Витаутас Сириос Гира описывает врагов более конкретно. Враги – это:

*Дряхлеющие данники доллара
С хищными руками
Подлые банды гангстеров наемных
Горсточка продажных генералов
И горе-дипломаты.¹⁰⁵*

Враги в поэзии В.С. Гиры – это капитализм и накопители-капиталисты:

*Вы, мироеды, которые
Только и видят, что доллар
Предрешена ваша доля.¹⁰⁶*

Именно эти капиталисты в поэзии Я. Судрабкалнса предстают с несколько иной стороны, как агрессоры, топчущие право других народов на независимость, как поработители и оккупанты:

*Вижу наемников Уолл-Стрита
В свете зловещем домов догорающих.
Тот же враг во Вьетнаме и Малайе –
Всем одинаково ненавистен,
Вот он за нож хватается молча.¹⁰⁷*

Костас Корсакас предрекал врагам скорую гибель и уничтожение. Он не оставлял им вообще никакого права на существование, так как считал, что судьба их предрешена и они должны быть уничтожены:

*Вам не осилить весны,
Ее не расколешь,
Сгинете вы
Истлеете в яме.¹⁰⁸*

---

¹⁰³ Судрабу Эджус Красной Латвии, Советской Родине // АЛП. С. 386.

¹⁰⁴ Венцлова А. Суд в Будапеште // ПЛА. С. 285.

¹⁰⁵ Гира В.С. Накануне суда // ПЛА. С. 348.

¹⁰⁶ Гира В.С. Поджигателям // ПЛА. С. 349.

¹⁰⁷ Судрабкали Я. Корея // АЛП. С. 457 – 458.

¹⁰⁸ Корсакас К. Вам // ПЛА. С. 336.

Уничтожение врагов, согласно Янису Судрабкалнсу, должно было привести к всемирной победе коммунизма:

*Все в вечность канет,
Что было преградой для вольных сердец.
Алмазно-светлый встанет
Советов всемирный дворец.¹⁰⁹*

Тот же Я. Судрабкалнс предрекал и крах западного мира революционным путем. При этом, революция могла, в соответствии с его стихами, произойти лишь социалистическая:

*Над Западом темнеет небосклон
Кончается бесправье вековое,
То революций майскою грозой
Прекрасный лик Европы озарен!¹¹⁰*

Критикуя Запад, описывая его как мир классовых противоречий и столкновений, как мир, пребывающий в непрерывной классовой борьбе, Янис Судрабкалнс предрекал его гибель, разрушение капитализма и построение вместо него нового коммунистического общества:

*Нет, больше танкам не топтать садов!
Пусть к коммунизму мчится шар земной,
Пусть люди станут братскою семьей!¹¹¹*

В советской латвийской поэзии, враг – это безжалостное существо, которое уничтожает любое проявление инакомыслия и ведет борьбу против своего собственного народа. Так, например, описывал американских капиталистов Андрейс Балодис:

*Вили Макги, с глазами темными
как африканские джунгли.
Тебя умертвил электрический ток.
За то, что негром был ты.
Был негром,
но с рабством мириться не мог,
потому что свободу любил.¹¹²*

Для поэзии Анны Саксе, враг – это старый капиталистический строй, в рамках которого имело место угнетение рабочих и крестьян, а власть, по ее словам, принадлежала исключительно представителям буржуазии. Такой враг, в соответствии с ее поэзией, неизбежно должен быть свергнут трудовым народом и уничтожен:

*В тот день рабочий люд еще в ярме стонал,
но воздух полон был уже надеждой ясной.
С востока алого шел новой жизни шквал,
чтоб кончить навсегда с эпохой ужасной.¹¹³*

¹⁰⁹ Судрабкалн Я. *Советы* // АЛП. С. 442.

¹¹⁰ Судрабкалн Я. *Западные строки* // АЛП. С. 456.

¹¹¹ Судрабкалн Я. *Корее* // АЛП. С. 457.

¹¹² Балодис А. *Вили Макги* // АЛП. С. 514.

¹¹³ Саксе А. 17 июня 1940 года // АЛП. С. 584.

Враг – это не обязательно иностранный или национальный капиталист. В качестве врагов в советской латвийской поэзии нередко описывались местные националисты, которые по идеологическим причинам оценивались сугубо негативно и рассматривались как враги и предатели. Такими они изображены, например, в стихах Яниса Плаудиса:

*Пусть сгинет тот, кто руку дал врагам,
волкам коричневой чумы.
Кто предал свой народ на муку,
и делит хлеб с исчадьем тьмы.
Предатели! И сгинет тот, кто
подал руку волкам коричневой чумы.¹¹⁴*

Для советской поэзии при рассмотрении образа врага было характерно противопоставление двух действительностей – советской социалистической и западной буржуазной. Описывая Запад, как скопище врагов, советские поэты, например Янис Судрабкалнс, не жалели красок на описание того, как на Западе все плохо и, как все хорошо в СССР:

*Ночь злая темнеет, угрюм небосвод Европы.
Радостно зеленеет Советов чудесный куст.
Дым густ багровый, в развалинах мир застыл,
но жизнь озарил красотой новой Советов творческий пыл.¹¹⁵*

Образ врага был одним из важнейших образов в официальной советской поэзии. Создание образа врага было так же важным элементом советизации, так как его формирование вело к противопоставлению СССР и западных стран. Вот почему, в качестве главных врагов изображались Запад и США. Очень часто советская литература как врагов описывала в соответствии с классовыми и социальными признаками. Именно поэтому, в советской латышской и литовской поэзии враги – это западные капиталисты, империалисты, буржуазные националисты, кулаки, представители духовенства. Эти категории описывались как воплощение самых отрицательных качеств. Враги рассматривались как угроза миру, существованию человечества. Вот почему, советская поэзия оправдывала уничтожение врагов. Создание абстрактного образа врага в поэзии было политической задачей, так как в перспективе оправдывала уничтожение врага в ходе реального конфликта.

---

¹¹⁴ Плаудис Я. *Голос народа* // АЛП. С. 591.

¹¹⁵ Судрабкалнс Я. *Советы* // АЛП. С. 441.

Культура «высокого сталинизма»

Благодаря усилиям советских интеллектуалов в Латвии и Литве местные национальные культурные и литературные традиции притерпели значительные деформации и существенно изменились, став менее национальными, но более идеологическими. На смену собственно национальной идентичности, где немалую роль играл европейский нарратив, приходит новая идентичность, формировавшаяся благодаря активности части интеллектуального сообщества, которая пошла на сотрудничество с оккупационным режимом. Обслуживая новый строй и декларируя свою лояльность, новые советские интеллектуалы предложили целый комплекс нарративов, призванных стимулировать развитие советской идентичности, которая базировалась бы на абсолютной лояльности режиму и полном отказе от старого национального наследия.

В такой ситуации официально ориентированные литовские и латышские авторы предложили нарратив о прогрессивной роли присоединения к СССР, после чего Советский Союз, в целом, и Советская Россия, в частности, в официальном идеологическом дискурсе стали позиционироваться как старшие братья, на которых литовцы и латыши должны ориентироваться и не в коем случае не отступать от тех норм поведения и самопозиционирования, которые предлагались идеологами из Москвы. Доминирование такой модели вело к ослаблению литовской и латышской идентичностей, их постепенной деградации от идентичностей национальных и шире европейских до локальных и шире маргинальных проявлений тщательно культивируемой и искусственно и принудительно приписываемой всем нерусским народам СССР, советской идентичности.

Отличительная черта этой новой советской идентичности, формировавшаяся на этапе активной советизации, состояла вощении отказа от национальных норм и традиций в пользу неких советских, но фактически русских, точнее – российскоориентированных, культурных норм. В такой ситуации советски ориентированные латышские и литовские авторы стремились не только доказать историческую неизбежность «советского» выбора, но и невозможность возвращения назад. Таким образом, из национальной истории и культуры вычеркивался целый пласт, который было невозможно интегрировать в официальный советский канон.

Это стало результатом того, что официальный идеологический канон «высокого сталинизма» уже не предусматривал ни-

какого культурного свободомыслия, а позиционировал Советский Союз как наследника Российской Империи, многочисленный народы которой были объединены для строительства нового общества. С другой стороны, на данном этапе советские идеологи уже меньше внимания уделяли построению и развитию новых национальных отношений и СССР обрел определенные черты сходства со старой Российской Империей, так как официальная советская идеология позиционировала его в меньшей степени как общество нового типа, но в большей степени как элементарное собрание наций, собранных в одном государстве при доминировании и верховенстве русских.

Это сочеталось с экспериментами советских интеллектуалов в Литве и Латвии, направленных на создание образа врага и культивирование пантеона национальных героев. Если в борьбе с врагом, местные интеллектуалы в силу различных соображений охотно шли на отказ от собственной национальной культуры и исторического наследия, то во втором случае национальный калорит автоматически уже не мог возникнуть и проявится даже в ослабленном виде. Советская цензура вынуждала местных интеллектуалов отказываться от национальных традиций, культивируя комплекс неполноценности, искусственно стимулируя нарратив о ненужности национального, его реакционности и вреде в деле строения нового общества.

Вот почему, культивировалась надуманная, точнее – сознательно вообразенная, советская идентичность со всеми ее атрибутами – политической лояльностью, новым языком, приспособленным, с одной стороны, для описания всего советского, а, с другой, для воспевания советского государства, советского народа, советского человека. Поэтому, национальный пантеон героев и своеобразных отцов нации для латышских и литовских интеллектуалов периода высокого сталинизма полностью состоит из нелитовцев и нелатышей. Деятели прошлого там просто не было место уже в силу того, что они жили в прошлом, которое осознавалось как капиталистическое, что автоматически превращало его в предмет критики, но не объект идеализации.

В этом новом советском пантеоне не было места и для местных национальных коммунистических лидеров потому, что их положение было неустойчивым и по сравнению с политическими лидерами союзного масштаба они явно проигрывали. В такой ситуации, усилиями латышских и литовских интеллектуалов в латышском и литовском национальных пантеонах утвердились В. Ленин и И. Сталин, что привело к значительной деформации на-

циональной идентичности и исторических памятей латышей и литовцев.

*Советизация латышской и литовской поэзии:
итоги и значение*

После анализа общих проблем процесса советизации и рассмотрения ее отдельных проявлений в латышской и литовской поэзии я попытаюсь подвести основные итоги этого исследования:

1) Советизация латышской и литовской культуры стала возможной только после оккупации этих стран Советским Союзом и установлением новых политических режимов. Советизация была сложным многоуровневым процессом, и советизация культуры была только одним из уровней советизации. Советизация культуры – это только второй уровень советизации общества в целом. Советизация культуры вела к разрушению старых культурных ценностей, уничтожению плюральности и культуры и ее заменой методом социалистического реализма.

2) Советизация культуры Латвии и Литвы имела свои истоки. Данные истоки могут быть разделены на две группы. Истоки первой группы – это советизация русской культуры в СССР в 1920 – 1930-е годы. Истоки второй группы – это советизация литовского и латышского сообществ в Советском Союзе в 1920 – 1930-е годы.

3) Советизация культуры Латвии и Литвы имела два этапа. Первый период советизации – это события 1940 и 1941 годов. Второй период советизации – события 1944 – 1953 годов. Первый этап характеризуется началом разрушения старых культурных традиций и активными репрессиями против видных представителей межвоенных культур Латвии и Литвы. Второй этап – это окончательная советизация культуры и победа метода социалистического реализма, установление его монополии в культурной сфере.

4) Советизация культуры так же была сложным процессом. Советизация культуры – это процесс формирования определенных культурных представлений. Эти культурные представления могут быть определены как культурные мифы. Важнейшие культурные мифы советизации литовской и латышской литературы (поэзии) – миф присоединения к Советскому Союзу как народной революции, миф счастливого существования балтийских республик в СССР, миф социалистических преобразований как

гаранта успешного политического развития, миф об особой природе и роли Ленина и Сталина, миф о врагах как враждебных силах и врагах мира.

5) Вхождению в состав СССР латышские и литовские поэты уделяли особое внимание. Сам факт оценивался ими положительно и интерпретировался ими как обретение свободы. Присоединение к СССР оценивалось как начало расцвета Литвы и Латвии, как начало нового этапа в их истории. Исторические изменения связывались с изменением политического строя, что было гарантией нового, светлого и счастливого, будущего. Этим будущим могло быть лишь построение коммунизма.

6) Пребывание в СССР рассматривалось в период советизации как начало качественно нового этапа в истории Литвы и Латвии. Это создавало условия для дальнейшего прогрессивного внутреннего развития. Это развитие выражалось во взаимном обогащении народов. Все это, в конечном счете, вело к построению коммунизма. Коммунизм ассоциировался с необходимостью проведения социалистических преобразований.

7) Ленин – важнейший элемент политической мифологии советского общества. Ленин – это создатель Советского государства. В СССР уже в 1920-е годы установился культ Ленина, и после создания Литовской и Латышской ССР культ личности Ленина был автоматически распространен на политические культуры этих республик. Ленин в советской латышской и литовской поэзии ассоциировался с гениальным вождем, гениальным организатором, гениальным революционером. В целом в СССР установился культ личности Ленина, Ленин стал объектом поклонения. Вождь стал воплощением такого понятия как человечность.

8) Образ Сталина – важнейший миф в процессе советизации. Сталин – это предмет устремлений творческой активности поэтов и писателей. Практически каждый литератор писал о Сталине. О Сталине писали стихи, поэмы. Он воспевался и в прозе. Степень добровольности создания таких произведений была различной. Сталин изображался как залог процветания советского народа, как живой гарант построения коммунистического общества. В целом, мы можем констатировать, что культ Сталина был мощнее культа Ленина, и он потеснил первого советского вождя в пантеоне государственных лидеров Советского Союза.

9) Партия была общим образом для советской поэзии. Партия была институционализацией активности двух советских лидеров – Ленина и Сталина. Партия описывалась как специальный институт, как важный атрибут советского общества. Советские идеологи придавали партии роль важного признака само-

идентификации. В целом, партия, будучи объективной реальностью жизни в СССР, стала такой же абстрактной реальностью, перенесенной на страницы художественных произведений.

10) Образ врага был одним из важнейших образов в официальной советской поэзии. Создание образа врага было так же важным элементом советизации, так как его формирование вело к противопоставлению СССР и западных стран. Вот почему, в качестве главных врагов изображались Запад и США. Очень часто советская литература как врагов описывала в соответствии с классовыми и социальными признаками. В советской латышской и литовской поэзии враги – это западные капиталисты, империалисты, буржуазные националисты, кулаки, представители духовенства. Создание абстрактного образа врага в поэзии было политической задачей, так как в перспективе оправдывала уничтожение врага в ходе реального конфликта.

11) Советизация была сложным и многоуровневым процессом, советизация вела к формированию политических мифов. Эти мифы были отражениями различных сторон советской действительности. Советизация еще недостаточно изученная проблема. Изучение проблем советизации – насущная потребность необходимая для развития балтийских исследований.

**КРИТИКА,
БИБЛИОГРАФИЯ,
ИСТОРИОГРАФИЯ**

Marius ŠČAVINSKAS

LIETUVOS CHRISTIANI-
ZACIJOS TYRINĖJIMŲ
BŪKLĖ ŠIUOLAIKINĖJE
LIETUVIŠKOJOJE ISTO-
RIOGRAFIJOJE

Žlugus sovietiniam režimui, Lietuvos istorijos moksle įvyko svarbūs pokyčiai. Pirmiausia Lietuvos mokslininkams atsivėrė galimybės netrukdomai susipažinti su Vakarų mokslo naujovėmis. Antra, tapo neprivaloma laikytis marksistinės istoriografijos metodologijos. Trečia, keleriopai išaugo paties istorijos mokslo svarba. Jeigu sovietinėje Lietuvoje tebuvo tik du istorikų ruošimų centrai – Vilniaus universitetas ir Vilniaus pedagoginis institutas (pastarasis ruošė istorijos specialybės mokytojus), tai dabar be minėtų įstaigų istorikus ruošia ir regioniniai universitetai kaip Vytauto Didžiojo universitetas Kaune, Klaipėdos universitetas bei Šiaulių universitetas.

Išaugo ir mokslinių žurnalų, skirtų istorijos mokslo reprezentacijai skaičius. Jeigu sovietmetyje pagrindiniai oficialūs buvo Lietuvos Mokslų Akademijos leista humanitaroms skirta mokslų darbų A serija (dabar *Lituanistica*) ir Aukštųjų mokyklų mokslo darbų serijinis leidinys *Istorija*, tai šiuo metu kiekvienas humanitarinės pakraipos universitetas turi savo leidinį, kur mokslininkai gali skelbti savo tyrinėjimus.

Tiesa yra ta, kad didžiama skelbiamų straipsnių skirti XIX ir XX amžiaus tyrinėjimams. Bet gana aktyvūs tyrinėjimai skirti ir XVI – XVIII amžiams. Tai atsitiko todėl, kad sovietmetyje šie laikotarpiai buvo apleisti ir nepakankamai tyrinėti. Gal didesnis dėmesys buvo skirtas valstiečių istorijai, ją suprantant kaip vykstančios klasių kovos istoriją. Tuo metu Lietuvos valstybės kūrimosi istoriją, jos valstybingumą ir kitus politinius įvykius, nepalankius sovietinei ideologijai, buvo stengiamasi nutylėti arba apeiti.

Lietuvos christianizacijos proceso istorija sovietmetyje taip pat buvo angažuota. Buvo tvirtinama, kad Katalikų Bažnyčia yra lietuvių liaudies didžiausias priešas, siekusi įteisinti reakcinę feodalinę valdžią. Esą ji troškusi lietuvių liaudies nutautėjimo (sulenkėjimo), naikinusi liaudies papročius ir niekinusi protėvių pagoniškus tikėjimus. Svarbiausias verdiktas, paskelbtas sovietinės lietuviškosios istoriografijos buvo toks: Katalikų Bažnyčia ėjo išvien su feodalais prieš lietuvių liaudį. Tokiais standartais sovietmetyje buvo vertinamas Lietuvos christianizacijos procesas. Beje, net sąvokos „christianizacija“ sovietmetyje nebuvo naudojama, nors toks vartojimas buvo iki Antrojo Pasaulinio karo.

Dėl tokių sovietinių vertinimų net ir dabar ne visada vartojamas christianizacijos terminas, jam priešpastatant kitus, atseit neutralesnius terminus (pavyzdžiui – krikščionėjimas).

Todėl šiame straipsnyje toliau svarstysime kaip šiuolaikinė lietuviškoji istoriografija supranta christianizacijos procesą ir koks supratimas išvelgiamas šiuolaikinėje užsienio istoriografijoje.

Iki šiol lietuviškojoje historiografijoje didžiausias dėmesys buvo skiriamas politinei istorijai. Buvo keliamas klausimas kada vyko pirmieji lietuvių tautos krikšto priėmimo bandymai, kada krikštijosi Mindaugas ir dėl kokių priežasčių XIII a. vidurio Lietuvos karalystėje krikščionybė neįsitvirtino. Ne mažiau dėmesio buvo skirta ir Mindaugo apostazės galimybei. Sovietmetyje buvo kategoriškai teigiama, kad Mindaugas dėl Livonijos ordino žiaurumų buvo priverstas atkristi nuo krikščionybės). Po to daug iečių sulaužyta mėginant išnarplioti Lietuvos didžiojo kunigaikščio Gedimino bandymą krikštytis. Čia iki šiol neatspiriama pagundai dėl Gedimino nesėkmių visą kaltę suvesti Vokiečių ordinui. Lietuvos vėlyvos christianizacijos priežasčių, kaltę verčiant Vokiečių ordinui ieškoma ir XIV amžiaus bandymuose apkrikštyti Lietuvos valdovus. Vokiečių ordinas vis dar vaizduojamas kaip Lietuvos krikšto kliuvinys, nors kaip tik Vokiečių ordinui, kaip teigiama historiografijoje, buvo patikėtas Lietuvos christianizacijos darbas! Kaip Vokiečių ordinas tapo tuo Lietuvos christianizacijos kliuviniu – atskira ir įdomi tema, bet mes jos nenagrinėsime. Teapsiribosime pasakymu, kad neigiamas Vokiečių ordino įvaizdžio formavimas sovietmetyje buvo propagandos, nukreiptos prieš Vakarų demokratiją sudedamojo dalis. Bet įdomu tai, kad nors Lenkija buvo pajungta sovietiniam režimui, o iš Lenkijos kilusios krikščioniškos misijos historiografijoje buvo vaizduojamos kaip taikios, pats Lenkijos vaidmuo Lietuvos christianizacijos procese buvo vertinamas kontraversiškai. Iš vienos pusės Lenkijos misijų modelis buvo priešpasytatas Vokiečių ordino misijų modeliui. Esą lenkai vykdė taikias misijas tarp baltų genčių, o vėliau ir Lietuvoje, tuo metu Vokiečių ordinas pripažino tik karines/prievartines misijas.

Kita vertus, aptariant Lietuvos christianizacijos proceso rezultatus visada primenama, kad lenkai buvo kalti dėl lietuvių tautos polonizacijos. Esą lenkų Katalikų Bažnyčia sulenkinusi lietuvius, o lietuvių feodalams padėjusi įtvirtinti lietuvių tautos išnaudojimą. Apie politinį lenkų vaidmens Lietuvių christianizacijos procese vertinimą mes nekalbėsime. Visai neseniai Lietuvos historiografijoje vyko ginčas kaip vertinti garsų Krėvos aktą, kurio dėka Lietuvos didysis kunigaikštis Jogaila tapo Lenkijos karaliumi ir įvedė krikščionybę Lietuvoje.

Trumpiau tariant Lietuvos krikštytojų – vokiečių ir lenkų vaidmuo lietuvių historiografijoje tebėra daugiau politizuotas nei pagrįstas istoriniais duomenimis. Šiuo atveju įdomi konjunktūra, kuri susidarė sovietinėje Lietuvos historiografijoje ir kuri persidavė šiuolaikinėje lietuvių historiografijoje. Kai reikėdavo išryškinti Vokiečių ordino neigiamą vaidmenį, kaip teigiamybė buvo pasitelkiami lenkų misionieriai. Kuomet reikėjo parodyti katalikų Bažnyčios neigiamą vaidmenį

christianizacijos procese, tie patys lenkų misionieriai virdavo nuožmiais polonizatoriais ir feodalų klasės agentais. Tokia samprata vis dar populiaru mokslo populiarinimo literatūroje.

Nebūsime teisūs, jeigu už tokią nuomonę reiktų kaltinti tik marksistinę istoriografiją. Lenkų, kaip polonizatorių įvaizdis buvo kuriamas dar iki Antrojo Pasaulinio karo. Čia neišvengiamai susiduriame su to meto politinėmis realijomis: Lietuvos istorinė sostinė Vilnius buvo įtrauktas į tuometinės Lenkijos valstybės sudėtį, lietuviams paliekant tenkintis „Kauno Lietuva“. Žinant tokį kontekstą, nenuostabu, kad ir taikių misijų propaguotojai lenkai (kaip jie iki šiol tebeįvardijami) ir karinių /prievaraginių misijų propaguotojas Vokiečių ordinas lietuvių istoriografijoje stoji į vieną gretą. Sovietmetyje buvo aiškinama, kad nuskriaustai lietuvių tautai pagalbos ranką ištiesusi rusų tauta. Dabar rusų tautos „ištiestos pagalbos rankos“ neliko, bet kontraversiškas vokiečių ir lenkų vaidmuo Lietuvos christianizacijoje tebeliko.

Tai konstatavus galime tik įsivaizduoti kokiam politizuotame kontekste iki šiol buvo nagrinėjamas Lietuvos christianizacijos procesas ir kaip šis procesas buvo suprantamas. Taip pat galime suprasti kodėl vienokie ar kitokie vertinimai istoriografijoje yra gajūs iki šiol.

Kalbėdami apie christianizacijos procesą galime išskirti mažiausiai kelis lygmenis: politinį-socialinį; kultūrinį-religinį; ekonominį.

Kalbant apie politinį-socialinį christianizacijos lygmenį turime omenyje pirmiausia ne tiek politinius christianizacijos įvykius, ne įvykinį Lietuvos christianizacijos proceso modelį, bet tuos politinius-socialinius procesus, kurių dėka pagoniškoji gentinė Lietuvos visuomenė virto krikščioniška Lietuvos valstybė, kur valdžia yra legitimuojama valdovo krikščionišku patepimu, kuomet valdovas tampa Dievo pateptuoju ir žmogumi, atsakingu už savo pavaldinių išganymą. Tokį christianizacijos lygmenį mes randame dabartinių medievistų darbuose, pavyzdžiui – Nilso Blonkvisto. Elitas tokią pat sampratą perimė iš valdovo. Tad susiformuodavo krikščioniškas valstybinis elitas, gebantis įvertinti krikščionybės politines aspiracijas. Trumpiau tariant, krikščionybės priėmimas reiškė ne tik pakliuvimą į to meto krikščioniškos Europos valstybių draugiją, bet ir valstybės, kaip istorinio subjekto vartimą.

Remiantis šiuo christianizacijos lygmeniu įdomu svarstyti kokiam kontekste atsiduria Lietuva. Kaip žinome, pirmasis Lietuvos valdovas Mindaugas Lietuvą suvienijo XIII amžiaus 4-me dešimtmetyje, o 1253 metų vasarą buvo karūnuotas krikščioniška valdovo karūna. Tokį savo valdžios politinį įteisinimą ir kitų šalių (įskaitant ir popiežiaus) politinį pripažinimą gauna pirmieji Lenkijos, Čekijos ar Skandinavijos valstybių valdovai. Bet Mindaugą nužudžius

(1263 metais) Lietuva krito į pagonybę. Faktiškai viską reikėjo pradėti iš naujo. Bet čia kyla klausimas ar Mindaugo nužudymu baigėsi prasidėjęs Lietuvos christianizacijos procesas, ar vis tik jis nenutrūko ir tęsėsi iki galutinės krikščionybės pergalės XIV amžiaus pabaigoje?

Šiuolaikinė lietuvių istoriografija šiuo klausimu nėra vieninga. Iš vienos pusės pripažįstama, kad christianizacijos tęstinumo nebūta, nes Mindaugo laikais nebuvo sukurta krikščioniška visuomenė (elitas), nebuvo įsteigta parapijų, o įkurtoji vyskupija nebuvo atnaujinta Jogailos laikais (XIV a.), kuomet vėl imtasi Lietuvos christianizacijos proceso. Kita vertus pripažįstama, kad tęstinumo būta. Nurodomi net dokumentai – pavyzdžiui Vygando Marburgiečio Naujoji Prūsijos kronika arba Lietuvos didžiojo kunigaikščio Gedimino laišakai. Tęstinumas išvelgiamas ir Mindaugo įpėdinių – stačiatikių valdovų (Vaišelgos ir Švarno) trumpai valdžiusių Lietuvą XIII a. 7 dešimtmetyje veikloje.

Vygando Marburgiečio kronikoje buvo užsiminta, kad Lietuvos didysis kunigaikštis Vytenis ketinąs steigti katalikų bažnyčią vienuoliams, vykdančioms misijas tarp lietuvių. Didysis kunigaikštis Gediminas laiške dominikonams ir pranciškonams prašęs į Lietuvą atsiųsti vienuolių kalbančių ne tik lietuvių, bet ir žiemgalių, rusėnų kalbomis. Be to, savo laiške popiežiui Gediminas užsiminė elgetaujantiems vienuoliams pastatęs bažnyčias Vilniuje ir Naugarduke.

Kaip žinome, ir kitose šalyse būta vadinamosios pagoniškosios reakcijos, kuomet pagonybė yra reanimuojama (taip atsitiko Lenkijoje, Skandinavijos šalyse), bet toji pagonių reakcija buvo trumpalaikė, po kurios buvo atkurama suardyta krikščioniškoji sistema, bet ne kuriama iš naujo. Tuo metu su Lietuvos christianizacijos procesu yra sudėtingiau. Nenorėtume tai laikyti Lietuvos išskirtinumu ar unikalumu. Tiesiog iki šiol istoriografijoje nebuvo atlikti tyrimai, kurie padėtų susidaryti bendresnę ir tikslesnę politinį Lietuvos christianizacijos vaizdą.

Prie politinio-socialinio lygmens reiktų priskirti ne tik krikščioniškąjį valdovo patepimą, bet ir bažnytinių darinių steigimą. Pirmiausia buvo įsteigiamos vyskupijos ir misijų centrai – vienuolynai. Iš šaltinių žinome, kad Lietuvoje pirmoji vyskupija buvo įsteigta valdant Mindaugui 1253 metais, o pirmuoju vyskupu tapo Livonijos ordino kunigas Kristijonas. Jam buvo užrašytos tam tikros žemės valdos, tiksliau pradėta įdiegti bažnytinė žemėvalda. Apie pirmųjų parapijų steigimą Mindaugo laikais mes nieko nežinome. Veikiausiai jų nespėta suformuoti, nes dėl nepalankios politinės situacijos vyskupas Kristijonas turėjo palikti Lietuvą ir išvyko į Vokietiją. Be vyskupo Kristijono šaltiniai mini keliolika vienuolių pranciškonų bei dominikonų, kurie buvo Mindaugo dvare. Vyskupas Kristijonas tikriausiai ne-

turėjo ir savo kapitulos ir buvo išlaikomas Mindaugo. Kadangi Mindaugas įsivėlė į karą su Livonijos ordinu, nei parapijų, nei misijinių vienuolynų nespėta įkurti. Vėliau pirmieji vienuolynai minimi Gedimino laiškuose (XIV a. I-ji pusė).

Kuomet Lietuvos valdovas Jogaila Lietuvoje įvedė krikščionybę (1386 metais), iš karto buvo įsteigta Vilniaus vyskupija su pirmosiomis septyniomis parapijomis. Vyskupui buvo skirta žemė, įsteigta ir kapitula, kuri taip pat aprūpinta žemėvalda. Pirmosios parapijos taip pat buvo aprūpintos žemėvalda. Tokiu būdu stambiuoju žemvaldžiu tapo ne tik pats valdovas, bet ir Bažnyčia. Su stambiosios bažnytinės žemėvaldos atsiradimu atsiranda ir specifinė prievolė – dešimtinė, kuri pradėta rinkti iš pavaldinių. Tokiu būdu Lietuvoje įsitvirtino bažnytinės struktūros ir žemėvalda. Toks pat modelis pritaikytas ir steigiant Žemaičių (Medininkų) vyskupiją 1416-1417 metais. Tiesa, ilgą laiką Medininkų vyskupijos kapitula buvo nepilna, o ir žemėvalda menka. Pirmųjų bažnyčių fundacijos buvo trijų lygių: valdovo (valdovo žemėse), vėliau atsirado privačios stambiųjų bajorų fundacijos (privačiose valdose), bei pačių vyskupų arba kapitulos fundacijos (dažniausiai bažnytinėse žemėse). Fundatorius turėjo teisę skirti ir klebonus. Visa tai lėmė tam tikrus socialinius santykius tarp Bažnyčios atstovų ir fundatoriaus bei fundatoriaus pavaldinių.

Sovietinė istoriografija šiuos socialinius santykius įvardijo kaip klasių kovą tarp valstiečių ir stambiųjų feodalų (didikų ir bažnytininkų). Šiuolaikinė istoriografija šių problemų nėra nagrinėjusi, t. y. sovietiniai stereotipai nėra naujai persvarstyti. Kultūrinis-religinis lygmuo, kurį išskyrė aptardami Lietuvos christianizacijos procesą, yra dar sunkiau apčiuopiamas nei politinis. Šnekant apie politinį lygmenį galime prisirišti prie tam tikrų datų ir politinių veikėjų pavardžių. Tuo metu kultūriniam-religiniame lygmenyje dažniausiai susiduriame su anoniminiais reiškiniais ir procesais, kuriuos šių dienų istorikas turi kažkaip įvardinti.

Iki šiol kalbant apie kultūrinį-religinį Lietuvos christianizacijos procesą dažniausiai turėta omenyje ne tiek pagonybės ir krikščionybės konfrontaciją (apie ją kažkodėl kabėta aptariant XVI – XVII amžių), kiek apie kultūrinius-religinius krikščionybės priėmimo padarinius. Dėl šios priežasties atsirado vietos vadinamajai polonizacijai (dabar tai įvardijama kaip lenkų kultūriniu modeliu Lietuvoje), lietuvių politinio elito nutautėjimui. Sovietmetyje tai buvo dar vienas „įrodymas“ kaip Katalikų Bažnyčia engė lietuvius, nepaisė jų kultūros. Nors Lietuvos istorikai yra pripažinę, kad Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje būta kelių kultūrinių modelių (tarp jų ir lietuvių kultūrinis modelis), vadinamosios polonizacijos Gordijo mazgas dar nėra nukirstas (ypač populiariojoje literatūroje). Žinoma, aiškintis christianizacijos

padarinius yra svarbu, tačiau einant šiuo keliu taip ir lieka neaišku kada Lietuvoje galime pradėti kalbėti apie sinkretizmo procesą. Iki šiol neretai teigiama, kad sinkretizmas buvęs apie XVI – XVII amžių, tačiau kokie procesai vyko iki oficialaus Lietuvos krikšto? Kaip įvardinti procesą, kuomet Lietuvos didieji kunigaikščiai stato katalikų bažnyčias misionieriams? Kaip vertinti pagonybės „sukrikščioninimo“ procesą, kuomet didieji kunigaikščiai (Gediminas) vykdydamas vadinamąsias pagonybės reformas centralizavo pagonybę, atliko, anot kai kurių tyrinėtojų, kažką panašaus į X amžiaus pabaigoje vykdytą Kijevo Rusios kunigaikščio Vladimiro pagonybės reformą?

Deja, šie klausimai Lietuvoje yra daugiau retorinio pobūdžio, bet ne mokslinės diskusijos objektai. Bėda ta, kad Lietuvos christianizacijos procesas neretai suprantamas kaip unikalus ir tik Lietuvai būdingas. Neieškant analogijų kitų kraštų christianizacijos procese, nepastebimi dėsningumai, panašumai ar skirtumai.

Kalbant apie lyginamojo metodo taikymą analizuojant Lietuvos christianizacijos procesą, naudotina ne tik kitų baltų žemių christianizacijos medžiaga, bet ir kaimyninių šalių (Lenkijos, Čekijos, Vengrijos, Skandinavijos šalių). Pastebėtina ir tai, kad reikia skirti regionus mažiausiai dviem kokybiniais lygmenimis:

1) baltų žemes (išskyrus Lietuvą) reiktų mėginti lyginti su Palabio slavų žemėmis ir Pomeranijos gentimis Centrinėje Rytų Europoje, su fino-ugrų gentimis Padauguvoje ir Suomijoje. Tai darytina dėl to, kad jos buvo istorijos objektai, o ne subjektai, taigi, jų christianizacijos proceso finalinė fazė – visų šių minėtų žemių užkariavimas ir pavergimas (šios gentys negavo politinio savarankiškumo, genčių vadovai netapo krikščioniškais valdovais, o gentinis elitas buvo pakeistas kitu – užkariautojų – politiniu elitu).

2) Lietuvos valstybės christianizaciją reiktų mėginti lyginti su Lenkijos, Čekijos, Vengrijos, Danijos, Švedijos, Norvegijos šalių christianizacija, nes šios šalys tapo istorijos subjektais. Taigi jų christianizacijos finalinė fazė – krikščioniško tipo valstybių sukūrimas, naujojo krikščioniško politinio elito susiformavimas ir nepriklausomų bažnytinių provincijų atsiradimas. Žinoma, reikia pastebėti, kad Čekijoje nepriklausoma bažnytinė provincija buvo sukurta XIV a. viduryje jau pabaigus christianizacijos darbą, o Lietuvoje, dėl susidariusios politinės konjunktūros – to iš viso nebuvo padaryta.

Į tai atsižvelgtina, nagrinėjant ne tik sinkretizmo problemą, bet ir krikščionybės įsitvirtinimo kasdieniniame gyvenime. Misionieriai stengėsi į krikščionybę patraukti politinį elitą, nuo kurio priklausė krikščionybės įsitvirtinimo sėkmė. Tolesnė krikščionybės plėtra priklausė nuo to, kaip politinis elitas krikščionybę suprato ir kaip ji buvo pateikta pavaldiniams ir jų šeimos nariams.

Klausimas kaip suprasta krikščionybė – bene pats sudėtingiausias. Tai ne tik dėl šaltinių trūkumo, bet ir dėl mentalitetinių dalykų. Mentaliteto pokyčius neblogai parodo archeologinė medžiaga. Visame Baltijos regione pastebimi pokyčiai, kuomet šalia iki tol buvusių įkapių pradedami rasti ir krikščioniškieji simboliai (dažniausiai kryžiaus formos segės, kryžiaus formos pakabučiai, rozetinės segės ir pan.), kurie galiausiai išstumdavo pagoniškuosius simbolius. Antra, pradėjus formuoti parapijų tinklui, šalia parapijinių bažnyčių atsiranda krikščioniškos kapinės. Užkariautoje Livonijoje šis procesas prasidėjo gerokai anksčiau nei Lietuvoje (XIII a. pr. – vid.). Žinoma, krikščioniškųjų simbolių radimas kapuose, tai dar neatsakymas į klausimą kaip suprasta krikščionybė.

Gaila, bet mes tegalime remtis kitų šalių analogijomis, nes Lietuvoje tokio pobūdžio tyrimai beveik neatliekami. Apskritai, Lietuvos archeologai daugiau ginčijasi dėl to ar XIV-XV a. vyravo kremacinis ar inhumacinis laidojimo būdas, bet ne dėl christianizacijos atributų (simbolių) reikšmę randamuose kapuose. Net monetų dėjimas į kapus XV-XVII amžiuje Lietuvoje neretai suprantamas kaip pagonybės reliktas, o ne kaip christianizacijos proceso išraiška. Tuo metu užsienio istoriografijoje monetų dėjimas į kapus suprantamas kaip krikščionybės priėmimo pasekmė.

Christianizacijos ekonominis lygmuo Lietuvos istoriografijoje taip pat menkai tyrinėtas. Daugiausia dėmesio sulaukė popiežiaus draudimai krikščionims prekiauti ginklais su pagonimis baltais XIII a. I pusėje ir viduryje. Tiesa, žinoma, kad Lietuvos valdovai sudarinėjo prekybines sutartis su Livonijos ordinu, Rygos miestu, Rusios kunigaikštystėmis, t. y. krikščionimis (tiek katalikais, tiek ir graikų apeigų). Rygos miesto skolų knygoje randami lietuvių, žiemgalių pirklių vardai. Sunku pasakyti, ar jie buvo jau krikščionys, bet galimas daiktas, kad daugelis jų buvo pagony. Akivaizdu viena – ekonominiai-prekybiniai santykiai tarp krikščionių ir pagonių buvo mažiausiai dviejų lygių:

a) Prekybiniai santykiai, vykdamę taikos metu (pvz. paliaubų metu), tam tikrose prekybinėse zonose, kurias reglamentuodavo tam tikri susitarimai (prekybinės sutartys) b) prekybiniai santykiai, vykdamę neatsižvelgiant ar tai buvo taikos, ar karo metas. Šiuo atveju prekyba rėmėsi daugiau savitarpio supratimu, pagarba ar kitais išskaičiavimais (pvz. net kronikose užsimenama, kad prekyba vykdavo kokios nors pilies šturmo metu).

Tiek vienu, tiek kitu atveju krikščionys komunikuodavo su pagonimis, tikriausiai nelabai kreipdami dėmesį į išpažįstą religiją. Toku atveju pelno siekis suartindavo skirtingų religijų žmones. Taigi, per ekonomiką, pelno siekį, ekonominį komunikavimą pagony susi-

pažindavo su krikščionių gyvenimo realijomis, galėdami jas lyginti su savosiomis.

Literatūra ir šaltiniai:

G. B e r e s n e v i č i u s, Pagonybė, *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra. Tyrinėjimai ir vaizdai* (sud. V. Ališauskas, L. Jovaiša ir kit.), Vilnius, 2001, p. 441-453.

N. B l o m k v i s t, The Discovery of the Baltic. The Reception of a Catholic World-System in the European North (AD 1075-1225), Leiden-Boston, 2005.

Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laišakai (tekstus ir vertimus bei komentarus parengė S. C. Rowell), Vilnius, 2003.

Christianity in Lithuania, by D. Baronas, L. Jovaiša, M. Paknys, E. Raila, A. Streikus, Vilnius, 2000.

The Christianization of Scandinavia (ed. B. Sawyer, P. Sawyer, I. Wood) Alingsås, 1987.

R. F l e t c h e r, *The barbarian conversion. From paganism to Christianity*, New York, 1998.

H. I l g i e v i č, Lietuvos krikštas ir jo reikšmės vertinimas lietuvių ir lenkų istoriografijoje, *Užsienio lituanistica. Humanitariniai mokslai*. Vilnius, 1993. nr. 2. p. 35–86.

Z. I v i n s k i s, *Rinktiniai raštai, t. IV: Krikščionybė Lietuvoje*, Roma, 1987.

E. G u d a v i č i u s, *Mindaugas*, Vilnius, 1998.

R. J a r o c k i s, Christian coins in pagan graves? Artefacts, texts and research traditions, *Interarchaeologia, vol. 1: Culture and material culture. Papers from first theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE), held at the University of Tartu, Estonia, October 17th -19th, 2003* (ed. V. Lang), Tartu-Riga-Vilnius, 2005, p. 97-103.

M. J u č a s, *Krikščionybės kelias į Lietuvą. Etapai ir problemos*, Vilnius, 2000.

R. M a ž e i k a, „Nenorim kad prieš mus kovotų mūsų pačių ginklais...“ Popiežių bandymai reguliuoti prekybą su Pabaltijo pagonimis, *Lituanistica*, 1990, nr. 4, p. 11-18; R. M a ž e i k a, Prekyba ir taika mirties zonoje: prekybinės taikos sutartys tarp kryžiuočių ir lietuvių XIV a., *Lietuvių Katalikų Mokslų Akademija. Suvažiavimo Darbai*, Vilnius, 1993, t. XIV, p. 105-117.

Mindaugo knyga. Istorijos šaltiniai apie Lietuvos karalių (sud. A. Dubonis, D. Antanavičius, D. Baronas, R. Petrauskas), Vilnius, 2005.

K. P r a p u o l e n i s, *Lenkų apaštalai Lietuvoje*, Kaunas, 1938.

J. S t a k a u s k a s, *Lietuva ir Vakarų Europa XIII-me amžiuje*, Kaunas, 1934.

R. E. S u l l i w a n, The Carolingian missionary theories, *The Catholic Historical review*, 1956, vol. XLII, no. 3, p.

E. S v e t i k a s, Christianizacijos šaltinių paieška Lietuvos XIV a. pab. – XVIII a. pr. kapinynų medžiagoje, *Lituanistica*, 2002, nr. 1 (49), p. 74-97.

V. U r b a n a v i č i u s, Lietuvių pagonybė ir jos reliktai XIII – XVII amžiais, *Lituanistica*, 1994, nr. 3, p. 5-8.

P. U r b a n c z y k, The politics of Conversion in North Central Europe, *The Cross goes North. Processes of Conversion in Northern Europe* (ed. M. Carver), New York, 2003, p. 15-27.

V. V a i t k e v i č i u s, *Alkai. Baltų šventviečių studija, V.*, 2003.

H. V a l k, Christianization and Changes in Faith in the Burial Traditions of Estonia in the 11th – 17th Centuries AD, *Rom und Byzanz im Norden. Mission und*

- Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.-14. Jahrhunderts* (ed. M. Müller-Wille), Stuttgart, 1997, Bad. II, p. 37-55.
- G. V è l i u s, Istoriniai šaltiniai apie mirusiųjų deginimo paprotį Lietuvoje, išimtis ar taisyklė? *Lituanistica*, 2001, Nr. 1(45), p. 65–72.
- V y g a n d a s M a r b u r g i e t i s, *Naujoji Prūsijos kronika* (vertė R. Jasas; įvadas R. Trimonienės; komentarai ir paaiškinimai R. Trimonienės, K. Gedmanto) Vilnius, 1999.
- G. Z a b i e l a, Laidosena pagoniškojoje Lietuvoje, *Lietuvos archeologija*, Vilnius, 1998, t. 15, p. 351–373.
- K. Z e r n a c k, Valstybių susidarymas, krikščionybė ir ankstyvoji tautų savimonė Vidurio Europoje, Lietuvos krikščionėjimas Vidurio Europos kontekste. Die Christianisierung Litauens im mitteleuropäischen Kontext (ed. V. Dolinskas), Vilnius, 2005, p. 24-29.
- J. Ž i u g ž d a, *Lietuvių ir rusų draugystė istorinėje raidoje*, Vilnius, 1947.

ЛИТОВСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕРИОДИКА
1990-Х ГОДОВ

*(журнал «Геноцид и
резистенция»)**

---

* Обзор написан М.В. Кирчановым

В 1990-е годы с распадом Советского Союза перестала существовать и некогда единая советская историческая наука, методология которой базировалась исключительно на принципах вульгарного марксизма, доминировании социальноэкономической истории, что автоматически вело к игнорированию национальной специфики советских республик. С другой стороны, значительная часть аспектов новейшей (советской) истории в силу политических мотивов отрицались, замалчивались и игнорировались. На смену советской историографии в 1990-е годы на постсоветском научном пространстве приходит методологический плюрализм. Возникают национальные исторические науки, новые научные школы, которые начинают функционировать практически обособленно, контакты между бывшими советскими историками становятся редким явлением.

Все эти факторы относятся и к Литовской Республике. Еще в период существования Советского Союза исторические исследования в Литве (равно как в Латвии и Эстонии) развивались несколько иначе, чем в РСФСР – большинство работ выходило исключительно на литовском (или латышском и эстонском) языке, на русский язык они практически не переводились. Подобная обособленность еще более усилилась после отделения балтийских республик. В свою очередь и российская историческая наука так же начала развиваться несколько изолировано от бывших советских исторических школ – в 1990-е годы отечественные историки неоднократно обращались к опыту западных коллег. Изменения в исторической науке в странах Балтии, например в Литве, остались незамеченными. Именно по данной причине в настоящей статье мы попытаемся проследить некоторые тенденции в развитии литовской исторической науки на примере специализированного журнала “Геноцид и резистенция”.

Прежде чем обратиться непосредственно к журналу “Геноцид и резистенция” обозначим наиболее важные особенности, присущие литовской исторической науке на современном этапе ее развития, что в дальнейшем поможет нам составить более объективное представление о рассмотренных нами литовских историках и их взглядах. Литовская историческая наука 1990-х годов развивалась как явление во многом двойственное – с одной стороны, продолжили свою исследовательскую деятельность историки, получившие образование и сделавшие первые шаги в науке еще в период существования Литовской ССР, с другой стороны, за 1990-е годы выросло новое поколение авторов, свободное от идеологического левого влияния. Для первой группы историков характерно то, что в своих позднейших исследованиях они не-

сколько сместили акценты, пойдя на переоценку своих более ранних взглядов. Вторая группа стремится к свободному от идеологических установок осмыслению исторического процесса на территории Литвы в XX столетии. Правда, эти два поколения современных литовских историков объединены одним – умеренным литовским национализмом и стремлением к преодолению последствий политики советской оккупации. Таким образом, их исследовательская деятельность есть ни что иное, как последовательная деокупация на мировоззренческом уровне. В независимой Литве умеренный литовский национализм стал той методологической площадкой, где начал разворачиваться исследовательский нарратив, в рамках которого предлагается новое прочтение трагических страниц литовской истории XX века, связанных с советской оккупацией.

Кроме этого развитие литовской исторической науки в **1990-**е годы можно рассматривать как проявление небывалого интереса к национальной истории. Этот процесс имеет две формы. Во-первых, с восстановлением политической независимости Литвы особую актуальность приобрела проблематика, связанная с периодом существования независимой Литовской Республики с **1920 по 1940** год. Во-вторых, независимой Литве **1920 – 1940** годов противопоставляется Советская Литва. По данной причине, литовская история советского периода рассматривается почти исключительно в черных тонах, что в принципе верно, как период национального угнетения, поставившего под угрозу само существование литовской нации, литовской национальной идентичности – языка, культуры, народных традиций. Именно анализом и изучением этого периода и занимается современный литовский исторический журнал “Геноцид и резистенция”

Журнал “Геноцид и резистенция” начал выходить в **1997** году. Это издание посвящено проблемам истории Литвы периода советской оккупации с **1940 по 1941** и с **1944 – 1945 по 1990** год. Уже из самого названия явствует, что журнал рассматривает советскую политику (по определению издателей, геноцид) и сопротивление советскому режиму (по литовской терминологии, резистенцию). Тематика статей данного журнала достаточно разнообразна, но связана, главным образом, с движением сопротивления, попытками восстановления литовской независимости и, в связи с этим, карательной и репрессивной политикой советского оккупационного режима.

Отметим, что в журнале в **1990-**е годы принимали участие наиболее влиятельные и авторитетные специалисты по проблемам литовской национальной истории XX века. В числе авторов

журнала такие признанные, как и в Литве, так и на Западе, но практически неизвестные в России историки, как Ю. Р. Богушаускас, Ю. Банионис, А. Бубнис, Д. Дапкуче, Б. Ивановас, Л. Йонушаускас, Д. Куйзинене, Н. Лебедева, Н. Маслаускене, П. Станкерас, Р. Зизас, Ч. Баужа, В. Беренис, З. Буткус, А. Гайжутис, З. Егелевичюс, А. Каспаравичюс, В. Кашаускене, Ю. Жилинскас, А. Анушаускас, С. Кнезис, М. Жюкас, Н. Жемайтене, Х. Кудрейкис, В. Тининис, Л. Труска и многие другие. Помимо литовских историков в работе журнала принимают участие их коллеги из Эстонии и Латвии – например, из эстонских исследователей упомянем М. Илмьяру, а из латышских – К. Кангериса. Журнал сотрудничает и с историками ФРГ, например, Д. Лёбером, И. Таубером.

Тематика журнала относительно широка и достаточно разнообразна. В целом можно выделить два основных направления исследовательской деятельности, а именно – политику советских репрессий, которая обозначается как геноцид; и сопротивление литовской нации, то есть резистенцию. Кроме этого немалое место на страницах журнала занимают и работы, связанные с историей немецкой оккупации Литвы в период второй мировой войны. Анализом проблем, связанных с политикой геноцида литовского народа занимаются А. Якубчионис, Ю. Жилинскас, Алгимантас Каспаравичюс, Ю. Старкаускас, Н. Лебедева, Н. Маслаускене, М. Жюкас. Проведение политики геноцида литовского народа, депортаций и направленных против него репрессий, историки 1990-х годов (А. Анушаускас, Й. Жилинскис, А. Якубчионис) совершенно справедливо связывали с политическими изменениями в Литве, то есть с ее вхождением в состав Советского Союза. События 1940 года большинство историков в современной Литве склонны рассматривать как оккупацию, а освобождение литовской территории в 1944 году от немцев как реокупацию¹.

Современные литовские историки во многом верно указывают и на то, что политические изменения на территории Прибалтики не стали явлением случайным – они рассматривают их как совершенно закономерное последствие внешней политики Германии и СССР, их дипломатического сближения в 1939 году, которое вылилось в заключение пакта Молотова – Риббентропа². В изучении этой проблематики литовские историки широко со-

---

¹ Anušauskas A. „Genocido“ sąvoka Lietuvos istorijoje // *Genocidas ir rezistencija*. – 2001. – No 2. – P. 105 – 108; Jakubčionis A. Antroji okupacija – reokupacija // *Genocidas ir rezistencija*. – 2001. – No 2. – P. 119 – 121; Žilinskas J. „Genocidas“ – sąvokos traktuotė Lietuvoje ir užsienyje // *Genocidas ir rezistencija*. – 2001. – No 2. – P. 109 – 114.

² Kasparavičius A. Molotovo-Ribbentropo slaptųjų protokolų prielaidos ir ištakos (1922 – 1932) // *Genocidas ir rezistencija*. – 2000. – No 2. – P. 73 – 88.

трудничают с исследователями ФРГ – на страницах журнала “Геноцид и резистенция” были опубликованы статьи Алгимантаса Каспарявичюса об истоках пакта³, В. Кашаускене об отношении к нему литовской общественности во второй половине 1980-х годов⁴, а так же исследования германских историков Д.А. Лёбера и И. Таубера⁵, которые в значительной степени отражают мнение современной немецкой историографии.

В изучении политики геноцида первостепенное внимание уделяется проблеме депортаций населения из Литвы. Например, Н. Лебедева указывает на сходство и различия социального состава депортированных из Польши и Литвы в 1939 – 1941 годах⁶. Тема депортаций продолжена в статьях и Н. Маслаускене, которая анализирует репрессии со стороны советских оккупационных властей в отношении литовских гражданских служащих в период июня – декабря 1940 года. Кроме этого Н. Маслаускене характеризует и политику по замене литовцев на государственных должностях представителями национальных меньшинств⁷. Кроме депортаций литовские историки заняты изучением проблематики, связанной с уничтожением евреев на территории Литвы во время немецкой оккупации. Террор против еврейского населения в современной литовской историографии трактуется как составная часть холокоста⁸.

При изучении политики советских репрессий в современной литовской историографии явно присутствует стремление описать проблему как можно более широко и подробно – именно по данной причине историки Литовской Республики в 1990-е годы сделали немало для изучения положения определенных социальных

---

³ *Butkus Z. Vokietijos ir SSRS diplomatinis bendradarbiavimas Baltijos šalyse 1920 – 1940 m. // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. 68 – 72.*

⁴ *Kašauskienė V. Lietuvos visuomenės pastangos 1987 – 1990 m. pripažinti niekiniui Molotovo – Ribbentropo paktą // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. 107 – 114.*

⁵ *Tauber J. Hitlerio – Stalino pakto priežastys ir padariniai // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. – 96 – 106; Loeber D.A. Molotovo – Ribbentropo pakto padariniai nepriklausomybę atkūrusiai Lietuvai tarptautinės teisės požiūriu // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. 115 – 118.*

⁶ *Lebedeva N. Lenkijos ir Baltijos šalių gyventojų trėmimas į SSRS 1939 – 1941 m.: panašumai ir skirtumai // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 2. – P. 7 – 16.*

⁷ *Maslauskienė N. Valdininkijos šalinimas iš okupuotos Lietuvos administracijos ir jos keitimas okupantų talkininkais 1940 m. birželio–gruodžio mėn // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. 7 – 41; ibid: Lietuvos tautinių mažumų įtraukimas į LSSR administraciją ir sovietinės biurokratijos tautiniai santykiai 1940–1941 m. // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 1. – P. 15 – 42.*

⁸ *Berenis V. Holokausto problema: funkcionalistų ir intencionalistų mokyklos // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 2. – P. 115 – 118.*

категорий и тех репрессий, которые применялись к ним со стороны советской власти. Например, в одной из работ М. Жюкаса предпринята интересная попытка рассмотреть репрессии против учащейся молодежи, инициатором и идейным вдохновителем, которых, по его словам, явился КГБ. Кроме этого М. Жюкас детально анализирует развитие и функции изоляторов КГБ на протяжении 1959 – 1991 годов⁹.

В связи с исчезновением особой роли советских спецслужб и открытием недоступных ранее архивов Ю. Старкаускас провел детальный анализ возникновения, формирования, социального состав карательных советских органов на территории Литвы. В центре его внимания такие печально известные советские структуры сталинского периода как “тройки” и “пятерки”¹⁰. Изучение деятельности МГБ/КГБ в современной литовской историографии смыкается с анализом военных действий специальных частей МГБ/КГБ против отрядов литовских партизан. Историки М. Поцюс и Й. Старкаускас именно с этими частями связывают значительные человеческие жертвы среди мирного литовского населения и бойцов отрядов, которых он называет борцами за свободу и освобождение Литвы. Поднимая же проблему характера этих воинских частей, он оценивает его как “террористический”¹¹.

Различные аспекты, связанные с движением сопротивления, литовским национализмом в период советской оккупации и восстановлением независимости представлены в работах Э. Яселюнаса, Ю. Баниониса, А. Стрейкуса, Л. Татарунаса, Ю.Р. Богушаускаса, Д. Дапкуче, Д. Куизинене, В. Кашаускене, А. Фабийонавичюте. Первостепенное внимание в современной литовской историографии уделяется, разумеется, тем политическим и общественным организациям, которые вели борьбу за освобождение Литвы. В связи с этим можно упомянуть исследование Д. Дапкуче о роли Союза сопротивления Литвы в борьбе за воссоздание независимого Литовского государства. ВЛИК рассматривается Д. Дапкуче как организация “либеральная, политическая и культур-

---

⁹ *Žiūkas M. KGB prieš Vilniaus moksleivius devintojo dešimtmečio pradžioje // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. 119 – 133; Žiūkas M. LSSR KGB tardymo izoliatorius 1959 – 1991 m. // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 1. – P. 91 – 117.*

¹⁰ *Starkauskas J. Apie dar viena stalininio terora organo – troikas ir petiopkas // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2.*

¹¹ *Pocius M. MVD-MGB specialiosios grupės Lietuvoje (1945–1959) // Genocidas ir rezistencija. – 1997. – No. 1; Starkauskas J. Fronto užnugario apsaugos NKVD kariuomenės veikla Lietuvoje (1944–1945) // Genocidas ir rezistencija. – 1997. – No. 1.*

ная”, которая ставила перед собой благородную цель освобождения Литвы от советской оккупации¹².

В центре исследований Э. Яселюнаса проблемы возникновения и распространения в Литве антисоветских печатных изданий – литовского самиздата. Возникновение подобных журналов им связывается с движением советских диссидентов в целом. В отношении Литовской ССР историк выдвигает предположение, что на ее территории источником антисоветских и национальных освободительных идей была в первую очередь Католическая Церковь, которая, не смотря на политику советских властей и попытки распространения идей атеизма, все же сохраняла свое влияние¹³.

Если Э. Яселюнас рассматривал проблемы истории Церкви как источника антисоветских и националистических идей, то другой литовский историк, А. Стрейкус, указывает на необходимость изучения межцерковных контактов как одного из факторов литовской резистенции. При этом Стрейкус особое внимание уделяет и репрессивной политике советского режима против Католической Церкви, стремление властей заставить ее действовать в интересах режима, издавать просоветские журналы. Рассматривая репрессии против литовских католиков Стрейкус и отмечает, что они не идут не в какое сравнение с теми потерями какие в России от преследования большевиков понесли сами православные верующие¹⁴.

Литовские историки 1990-х годов были далеки от категорического утверждения о том, что движение Сопrotивления в Литве действовало исключительно за счет внутренних, то есть литовских ресурсов. В связи с этим показательны исследования Ю. Р. Багушаускаса, который рассматривает достаточно важный и немалозначительный, по его словам, вклад в дело литовского национального движения зарубежных радиостанций¹⁵. Очень интересно исследование литовского историка А. Фабийонавичюте, которое представляет собой попытку научного обобщения и осмысления литовских попыток выйти из состава Советского Союза, добиться

---

¹² *Dapkutė D. Lietuvių rezistencinės santarvės dalyvavimas Lietuvos laisvės byloje // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2.*

¹³ *Jaseliūnas E. Periodinės savilaidos formavimasis: sovietinio disidentizmo reiškinyis ir Lietuvos katalikiškasis judėjimas // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2.*

¹⁴ *Streikus A. Apie tarptautinį Bažnyčios istorikų bendradarbiavimą ir jo rezultatus // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2; A. Streikus Sovietų valdžios antibažnytinė politika (1953–1967) // Genocidas ir rezistencija. – 1997. – No. 1.*

¹⁵ *Bagušauskas J.R. Užsienio radijo laidos tautos kovoje dėl laisvės sovietinio režimo metais // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 2. – P. 62–90.*

политической и экономической независимости, восстановив тем самым Литовскую Республику¹⁶.

Современные литовские исследователи при изучении движения сопротивления не исходят из тезиса о его чисто литовском национальном характере. Они, наоборот, указывают на то, что в его деятельности участвовали практически все национальные группы, проживавшие на территории Литовской ССР. Например, в связи с литовским национальным движением в Литве современный историк Л. Татарунас анализирует и национальное движение литовских евреев, которые стремились добиться права на выезд в Израиль. Рассмотрение этих двух национальных движений, по мнению автора, позволяет глубже понять особенности чисто литовского национального движения в СССР вообще¹⁷.

Другой исследователь, Ю. Банионис, в своих статьях детально анализирует международную составляющую литовского движения за независимость в период советской оккупации, деятельность в эмиграции литовских националистов¹⁸. Проблемы истории Литвы в период немецкой оккупации представлены в исследованиях Р. Зизаса, Г. Станионите-Зуйене, А. Бубниса, Л. Йонушаускаса, П. Станкераса, Алгис Каспаравичюс, В. Тининис, Л. Труска. Теоретические и общие проблемы истории, деятельности и функционирования, политики, ее результатов и значения, немецкой администрации и органов СС в период 1940 – 1944 годов представлена в работах П. Станкераса¹⁹. Литовский историк Римантас Зизас анализирует проблемы генезиса и непосредственной деятельности разного рода вооруженных литовских формирований (например, частей самообороны) в период немецкой оккупации в 1941 – 1944 годах²⁰. Похожие проблемы представлены в ряде исследований Арунаса Бубниса. В частности именно в его статьях впервые в литовской историографии была рассмотрена деятельность 2, 5, 10, 13 и 252 литовских полицейских батальонов. Особое внимание им было уделено участию литовских ба-

---

¹⁶ Fabijonavičiūtė A. *Lietuvių gyventojų pabėgimai ir mėginimai ištrūkti iš Sovietų Sąjungos // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 2. – P. 130–159.*

¹⁷ Tatarūnas L. *Lietuvos žydų nacionalinis judėjimas už teisę išvykti į Izraelį // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2.*

¹⁸ Banionis J. *Madrida konferencija: aktyvinamas Lietuvos laisvės bylos kėlimas // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2; ibid: Belgrado susitikimas: Lietuvos laisvinimo lūkesčiai // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 1. – P. 58 – 71.*

¹⁹ Stankeras P. *Aukščiausioji vokiečių SS ir policijos vadovybė Lietuvos generalinėje srityje 1941–1944 m. // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 2. – P. 17 – 30.*

²⁰ Bubnys A. *Lietuvių policijos 2-asis (Vilniaus) ir 252-asis batalionai (1941–1944) // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. 42 – 54.*

тальяонов на стороне вермахте на территории Псковской области²¹.

Изучение истории Литвы периода немецкой оккупации в современной литовской исторической науке не сводится исключительно к обращению к проблемам, связанным с историей литовского национализма и формированием литовских воинских частей. Известный историк Л. Йонушаускас указывает и на то, что следует обращаться и к роли тех литовцев, которые уже к 1941 году оказались за пределами Литвы – именно по данной причине, одна из его работ представляет собой анализ состава, деятельности и политических концепций литовского дипломатического корпуса в Европе в период 1941 – 1945 годов. Йонушаускас считает, что политическая активность литовской дипломатии в период второй мировой войны зависела от международной ситуации в Европе. Исследователь указывает и на то, что часть литовских посольств в Европе утратила часть своих функций, а нормальную деятельность они могли развить лишь в определенных условиях – например, в Ватикане или вишистской Франции. Продолжая анализ политических доктрин литовской эмиграции, Л. Йонушаускас обращается и к анализу деятельности и контактов в ВЛИК (Главный комитет освобождения Литвы) известного литовского дипломата периода существования Первой Республики Стасиса Лозорайтиса. Кроме этого Лауринасом Йонушаускасом одним из первых был проведен детальный анализ социального состава, деятельности и политических симпатий литовских дипломатов в период 1940 – 1960-х годов, которые после советской оккупации были вынуждены эмигрировать во Францию. Йонушаускас обратился и к проблемам кризисного состояния литовских дипломатов во Франции, которое, по его словам, наступило к 1970 году²².

В центре внимания такой литовской исследовательницы как Г. Станионите-Зуйене деятельность доктора Владаса Ингелевичюса, одного из лидеров литовских националистов, в период не-

---

²¹ Zizas R. *Vietinė savisauga Lietuvoje nacių Vokietijos okupacijos metais // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2.*

²² Jonušauskas L. *Lietuvos diplomatinė tarnyba Antrojo pasaulinio karo metais Europoje // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 1. – P. 7 – 13; ibid: S. Lozoraičio ir VLIK'o santykiai 1946–1947 m., // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 1. – P. 45 – 57; ibid: Lietuvos diplomatinis atstovavimas Prancūzijoje 1940–1960 m. // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 2. – P. 56 – 66; ibid: Lietuvos diplomatijos šefo Stasio Lozoraičio ir Vyriausiojo Lietuvos išlaisvinimo komiteto (VLIK'o) santykiai 1950 – 1955 m., // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 1. – P. 51 – 67; ibid: Lietuvos diplomatinis atstovavimas Prancūzijoje septintajame dešimtmetyje. Krizė, // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 2. – P. 92 – 101.*

мецкой оккупации. Историк указывает на то, что в период второй мировой войны литовские националисты оказались перед проблемой выбора, лавируя между немецкими оккупационными властями и помня о возможности возвращения Красной Армии и повторном вхождении в состав Советского Союза²³.

В целом современные историки Литвы, рассматривая этот период, склоняются к анализу проблемы позиции литовского самоуправления, созданного при поддержке немецких оккупантов. В ряде работ представлены попытки осветить политику литовского самоуправления, ответить в какую сторону оно склонялось, функционируя, по сути, “между коллаборационизмом и резистенцией”²⁴, выяснить его политическую программу, показать динамику развития, составить относительно единую хронологию²⁵. Литовские историки пытаются выяснить не только значение и роль сотрудничества части литовцев с вермахтом и немецкими властями во время немецкой оккупации²⁶, в центре ряда работ лежит и не менее важная, но практически не изученная проблема сотрудничества определенных категорий населения Литвы с советскими оккупационными властями²⁷. В рамках исследования периода 1941 – 1945 годов современные литовские историки не ограничиваются анализом проблем литовского коллаборационизма, их участия в войне против Советского Союза в вооруженных формированиях созданных при поддержке военных германских властей. Например, уже упомянутый нами А. Бубнис обратился к феномену польско-литовского сотрудничества в 1942 – 1945 годах²⁸.

Такова в самых общих чертах картина исторических исследований по национальной литовской истории периода 1940 – 1990 годов в современной Литовской Республике на примере журнала “Геноцид и резистенция”.

Современные литовские исторические исследования в данной области начались еще в годы перестройки, но с особой силой

---

²³ *Stanionytė-Zujienė G. Dr. Vladas Ingelevičius ir Lietuvos Raudonojo kryžiaus veikla vokiečių okupacijos metais // Genocidas ir rezistencija. – 2002. – No 2.*

²⁴ *Jegelevičius S. Lietuvių savivalda ir vokiečių okupacinė valdžia: tarp kolaboravimo ir rezistencijos // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 1. – P. 113–121.*

²⁵ *Kasperavičius A. Kolaboravimas: chronologinės ribos // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 1. – P. 85 – 90.*

²⁶ *Tininis V. „Kolaboravimo“ sąvoka Lietuvos istorijos kontekste // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 1. – P. 71 – 78.*

²⁷ *Truska L. Kolaboravimo ypatumai pirmuoju sovietmečiu // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – No 1. – P. 79 – 84.*

²⁸ *Bubnys A. Lietuvių ir lenkų pasipriešinimo judėjimai 1942 – 1945 m.: sąsajos ir skirtumai // Genocidas ir rezistencija. – 2000. – No 1. – P. 109 – 112.*

развернулись лишь с восстановлением литовской независимости. Это стало возможно при крахе идеологической монополии Литовской Коммунистической Партии на определение вектора исторических исследований и открытием недоступных ранее архивных фондов. Отличительной чертой современной литовской историографии является литовский национализм. Степень проявления националистических и антикоммунистических политических предпочтений и разных историков различна. Тем не менее, современная литовская историческая наука крайнего национализма не знает. Именно этот факт сказывается положительно на анализе исторического прошлого периода советской оккупации, что приводит к его объективному осмыслению. При этом в развитии исторических исследований в Литве есть черты, которые сближают их с современным состоянием исторической науки не только в Эстонии и Латвии, но и на территории всего постсоветского пространства в целом.

В заключении отметим, что выводы современной литовской историографии в отечественной исторической науке практически неизвестны, а ознакомление с ними, на наш взгляд, будет способствовать расширению исследовательской деятельности и развитию исторической науки в современной России.

ПУБЛИКАЦИИ

tilts /міст / tiltas

2007 / 1

воронежский журнал балто-славянских исследований

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЛАТВИИ ПЕРИОДА НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

*(вступительная статья к публикации
«Ādolfs Kļīve, Latviešu politiskie centieni vācu okupācijas laikā»)**

---

* Предисловие написано М.В. Кирчановым

События 1939 – 1944/1945 годов в историю Латвии вошли как череда постоянно сменяющихся оккупаций. Сначала, в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа страны Балтии были оккупированы Советским Союзом, летом 1941 года Германия сменила СССР, а в 1944 территория Латвии снова была инкорпорирована в состав СССР. В советской латвийской историографии и в новейшей отечественной литературе¹ сложилась точка зрения, согласно которой значительная часть населения Латвии пошла на сознательное сотрудничество с Германией. Поэтому, некоторые российские авторы приписывают латышам такие черты национального характера, которые проявились в период второй мировой войны, как русофобия и крайний национализм. Такая концепция далека от исторической объективности, а ее сторонники игнорируют целый комплекс факторов, которые действовали на территории Латвии в период немецкой оккупации. Факты сотрудничества некоторой части латышей с немцами имели место (коллаборационизм был характерен не только для них, но и для русских – причем, в несравнимо большей степени), но, с другой стороны, значительная часть латышей не приняла ни советскую, ни немецкую оккупации. Такая тенденция в политической истории Латвии военного времени упорно не замечается российским исследовательским сообществом.

В целом, политическая история Латвии конца 1930-х – первой половины 1940-х годов – истории оккупаций. В июле 1941 года на смену советским оккупантам пришли немецкие и поначалу их восприняли как освободителей, но события лета 1941 года не оправдали надежд и иллюзий латвийских политиков, и среди латышских интеллектуалов стало возобладать отношение к немцам как к очередным оккупантам. Нацистская оккупация Латвии не освободила страну, а вынудила часть местных политиков и интеллектуалов к сотрудничеству. Об этом свидетельствует, например, периодическая печать Латгале, которая выходила с 1941 по 1944 год. 15 июля 1941 года в Даугавпилсе начинает выходить газета «*Daugavpils latviešu avīze*»². Ее политическую направленность можно охарактеризовать как пронемецкую, она демонстрирует нам лояльный дискурс политического поведения латыш-

---

¹ См. например претенциозно и одиозно написанную книгу М. Крысина – Крысин М. *Латышский легион СС: вчера и сегодня.* – М., 2006.

² Об истории и направленности «*Daugavpils latviešu avīze*» см.: Олехнович Дм. *Периодическая печать Восточной Латвии в период немецкой оккупации на примере «Даугавпилсской латышской газеты»* / Дм. Олехнович // *Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время. Материалы международной научной конференции.* – Калининград, 2004. – С. 168 – 175.

ских интеллектуалов. Уже в третьем номере был опубликован материал, озаглавленный «Приветствуем немецкие войска – своих друзей и освободителей»³. Кроме этого, часто перепечатывались статьи из немецких («Blücher», «Das Schwarze Korps», «Der Stürmer») изданий.

Ценным источником по истории антинацистской оккупации является работа А. Кливе⁴ «Латышские политические устремления во время немецкой оккупации».

По словам А. Кливе, антинемецкая оппозиция в Латвии возникает уже на самом раннем этапе оккупации. Сначала эта оппозиция не имела политического характера – многие латышские политики и интеллектуалы пребывали в подавленном психологическом состоянии и им казалось, что немецкая оккупация может стать возвращением к тем порядкам немецкого господства, которые существовали в Латвии на протяжении семиста лет. Постепенно ситуация меняется, чему способствовала в частности и политика, проводимая в Латвии немцами: нежелание немцев предоставлять Латвии реальную автономию, принудительная отправка на работы в Германию. Местные коллаборационисты (в определении А. Кливе – «оппортунисты») организовали мобилизацию в полицию части латышских юношей, которые были вынуждены воевать за интересы Германии. Эти факторы в разной степени способствовали росту в Латвии антинемецких настроений. С другой стороны, на территории Латвии действовали партизаны, контролируемые Москвой, что существенно осложняло организацию единого движения сопротивления, которое ставило бы в качестве своей задачи восстановление независимости Латвии.

Со временем среди латышских оппозиционеров выявились лидеры, которыми стали А. Квиесис (в прошлом – один из лидеров партии Крестьянский Союз), и социал-демократ П. Калниньш. Однако последний вызывал много претензий со стороны других национальных лидеров, которые пытались обвинять социал-демократов в антинациональной политике между двумя мировыми войнами и в сотрудничестве с коммунистами после начала советской оккупации. Однако, со временем среди оппозиционеров сложилась коалиция, в состав которой вошли Крестьянский Союз, Демократический Центр и социал-демократы.

Негласным лидером оппозиционеров стал профессор Константинс Чаксте. Что касается П. Калниньша, то он стал автором

---

³ *Daugavpils latviešu avīze. – 1941. – No 3.*

⁴ *Klīve Ā. Brīvā Latvija. – Nujorka, 1969; Klīve Ā. Latvijas neatkarības gadi; Latvijas politiskā veidošanās un augšana. – Nujorka, 1976.*

программы, согласно которой следовало не только вести борьбу против немцев, но просчитывать политические результаты поражения Германии в войне. Калниньш полагал, что перед новой Латвией встанут задачи, аналогичные тем, что она решала в **1918 – 1920** годах, важнейшей из которых было добиться международного признания. Таким образом среди латвийских интеллектуалов возникли «организации сопротивления» и латышские политики начали искать «новые пути», и в **1943** году оппозиционными латышскими интеллектуалами создается «**Latvijas Centrālā Padome**» – Латвийский Центральный Совет⁵, первой продекларированной целью которого была борьба против немецкой оккупации.

В ЛЦС вошли представители крупнейших политических партий, существовавших до **1940** года. Он установил контакты с **53** депутатами из **100**, которые были депутатами довоенной саэймы. Лидерами Совета были Адолфс Кливе, Константинс Чаксте и Бруно Калниньш. ЛЦС в качестве своих целей обозначил борьбу за восстановление независимой и демократической Латвийской Республики с законно избранной саэймой и президентом. Особое внимание уделялось факту незаконной оккупации Латвии в **1940** году и необходимости найти понимание у ведущих западных держав – США и Великобритании.

Но латышским национально ориентированным политикам не удалось реализовать свои планы. Константинс Чаксте был арестован и отправлен в концлагерь. Другие участники ЛЦС, Б. Калниньш и А. Кливе, некоторое время скрывались. На завершающем этапе войны оба эмигрировали. В **1960-1970**-е годы работы Кливе выходили в Америке на латышском языке. Ниже публикуется его работа «Латышские политические устремления во время немецкой оккупации», которая является ценным источником по истории Латвии периода немецкой оккупации.

---

⁵ *Andersons E., Siliņš L. Latvijas Centrālā Padome / E. Andersons, L. Siliņš. – Upsala, 1994.*

Ādolfs **K**LĪVE

Latviešu politiskie
centieni vācu
okupācijas laikā

(Latvijas Arhīvi. – 1996. – No. 1. – 2. – 81. – 88. lpp.)

Opozīcija pret okupantiem un oportunistiem

Kad noskaidrojās, ka vācieši izturas noraidoši pret Latvijas neatkarību, t.i. no 1941. gada jūlija pirmās puses, latvieši soli pa solim, samērā ar vācu administrācijas rīcību un neskatoties uz tuvējām komunisma briesmām, pārgāja arvien krasākā opozīcijā okupantiem.

Šī opozīcija bija apolitiska. Tā bija dziļi psiholoģiska, sakņojās 700 gadus izmocītajā latviešu dvēselē, bet tā nebija politiski organizēta un politiski vadīta. Neapmierinātība ar vāciešiem lielāko tiesu izpaudās tīri spontāni vienā otrā sadursmē ar okupantiem, uzrakstos uz sētām vai māju sienām, vai gadījuma proklamāciju izkaisīšanā. Visas šādas parādības līdz 1943.gada vasarai nesasniedza tādu pakāpi, ka varētu runāt par pretestību kā apzinātu kustību. Izskaidrojums šādai parādībai meklējams tanī apstākļi, ka līdz 1943.gada sākumam vācu okupantu vardarbība un Hāgas konvencijas pārkāpumi Latvijā vērsās pret vienu vai otru iedzīvotāju grupu, tomēr neapdraudēja pašu latviešu tautas likteni.

Ja no katra aprīņa iesauca pāris simtu pilsoņu darba dienestā un nosūtīja uz Vāciju, tad tas nebūt nebija tik maz, lai paietu nepamanīts, bet tik liels šis skaitlis arī nebija, lai organizētu tautu pret vāciešiem... Viss lielais vairums iedzīvotāju vēl vienmēr domāja, ka vācietis, cik slikts arī viņš nebūtu, tomēr ir labāks par komunistu... Tāpat tas bija ar policijā iesauktiem. Nopietni attaisnot latviešu oportunistu izvērsto un veicināto policijas mobilizāciju nevarēja, bet atkal jautājums, atkal šaubas. Visus policijas dienestā iesauktos jau nenošaus. Vai pretošanās vāciešiem nemaksās dārgāk? Līdzīgi tas bija ar kara izpalīgu mobilizāciju...

Latviešu oportunisti nonāca līdz vispārējas latviešu mobilizācijas piedāvājumam okupantiem, droši vien cerēdami, ka arī šāds solis sabiedrību nesatrauks un viss turpināsies parastā gaitā. Bet šinī gadījumā iznīcības kausā bija mesta visa latviešu tauta. Tāda .. mobilizācija nozīmēja nodot vāciešu rīcība uz dzīvību un nāvi - vairāk gan uz pēdējo - visus atlikušos vīriešus no 18-50 gadiem. Kā neatņemama piedeva nāca līdzī necilvēciska komunistu izrēķināšanās ar gūstekņiem un iesaukto piederīgajiem vācu armijas neveiksmes gadījumā. Pēc Staļingradas kaujas zaudēšanas, t.i. mobilizācijas laikā, tāda vācu neveiksme vairs nebija aiz kalniem.

Kad izpaudās vēsts par latviešu mobilizēšanu Hitlera armijai, ilgi noniecinātā latviešu pašcieņa un nacionālā apziņa vairs nebija noklusināmas. Latviešu vadošiem vīriem un visiem tiem, kuri par tādiem centās būt, tagad bija pienākums tautas balsi sadzirdēt.

Neitralitāti, ko 2.pasaules karam sākoties, deklarēja Latvijas valdība, un latviešu dzīvā spēka saglabāšanas politiku, ko 1940.gada

17.jūnijā apzinīgi iesāka K.Ulmanis, ģenerāldirektori apzinīgi neievēroja. Tiem politiķiem, kuri nebrouca Hitlera kamanās, tagad bija pienākums organizēt un ievadīt pretestības kustību Latvijas stāvoklim piemērotā gultnē.

Pretestības organizēšana

Stājoties pie pretestības organizēšanas, latviešu politiķiem bija jāmeklē jauni ceļi. Vakareiropas paraugi šeit nederēja. Ja Norvēģijas, Beļģijas, Holandes vai Francijas tautas pretojās vācu okupācijai, tad tas nozīmēja, ka, padzenot vāciešus, šīs tautas atgūst savu nacionālo patstāvību. Tādēļ pretošanās vācu iebrucējiem ar visiem līdzekļiem bija skaidra katram francūzim vai holandiešim no pirmās okupācijas dienas, Citādi tas bija pie mums. Katru pēdu zemes, ko vācietis pameta, ieguva krievs. Tādēļ piekopt Vakareiropas pretestībnieku taktiku Latvijas apstākļos nozīmēja nevis nacionālās patstāvības atgūšanu, bet komunisma sekmju veicināšanu un komunistu atgriešanas atbalstīšanu. Tāda “pretestība” bija tā, no kādas latvieši bija jāargā. Tādu atsevišķu grupu, pat vieninieku pretestību piekopa un provocēja krievu izpletņu lēcēji. Tāda taktika burtiski nozīmēja palīdzību krievu komunistiem ar visām konsekvencēm, kas no tā izriet. Nacionālā ziņā tāda taktika nekā pozitīva nevarēja dot. Runā par kādām 14 pretestībnieku grupām, kuras neesot bijušas apvienotas. Patiesībā tādu grupu nebija vis 14, bet daudz daudz vairāk. Nebija mūsu zemē neviena lielāka pagasta, nevienas pilsētas, kur nebūtu notikusi kāda “neapvienota” vieglāka vai smagāka sadursme latviešu un vāciešu starpā. Tikai mūsu patstāvības atgūšanai tāda neorganizēta pretestība nekā nevarēja dot un arī nekā nedeva.

Bet arī aktīva vācu atbalstīšana karā pret krieviem, kā to pāri par savām ģenerāldirektoru kompetencēm darīja A.Valdmanis un citi ģenerāldirektori, bija tikpat kaitīga latviešu interesēm kā pretošanās vāciešiem pēc Vakareiropas parauga. Katra uzvara, ko izcīnīja latviešu kareivis, stiprināja nevis latviešu cīnītāja iedomāto, iecerēto un iemīlēto brīvo Latviju, bet imperiālistisko Lielvāciju, kas turēja savās un tikai savās rokās latviešu tautu un zemi. Pie tam vienu reizi, t.i. 1939.gadā, Hitlers jau Latviju bija pārdevis Staļinam. Vajadzības gadījumā, izlīgstot ar krieviem, viņš to varēja atkārtot otrreiz, nepiegrīžot ne mazāko vērību tam, cik asiņu latviešu karavīrs cīņā pret komunistiem lējis, vai ko latviešu tauta par tādu “tirdzniecību” domā un jūt.

Reālos politiskos apstākļos, kādos Latvija atradās 1941.-1945. gadā, pareizai latviešu politikai nebija cita ceļa, kā tikai neitralitāte, jo

karu Latvijas teritorijā sāka un turpināja krievi un vācieši savu interešu dēļ. Katrs no kara partneriem mūsu zemi un tautu uzskatīja par laupījumu vai izmaināmu objektu. Tādos apstākļos neitralitāte bija vienīgā izeja, jo tā sakrita ar latviešu dzīvā spēka saglabāšanas politiku.

Pretestībai visās lietās bija jāmanifestē, ka Latvija tiesiski joprojām ir patstāvīga valsts, kuru 1940.gadā okupēja Padomju Savienība un tagad okupē Vācija. Pretestības kustības organizēšanu jau sen prasīja starptautiskā situācija. Visa Latvijas neatkarības laika politika un sadarbība ar sabiedrotiem, ar kuru palīdzību Latvijas neatkarība bija izkarota, tika no okupantiem un oportunistiem nostādīta kā liela latviešu politikas kļūda. Tādi uzskati tika dienu no dienas pausti kā latviešu, tā vācu okupācijas laika presē un radio ziņās. Latvija bija jauna valsts bez tradīcijām arējā politikā. Viegli varēja notikt, ka, neredzot nekādu pretreakciju hitleriskajam karuselim Latvijā, Rietumos sāk Hitlera un latviešu oportunistu propagandai ticēt. Izšķirošā brīdī, kara beigu posmā, tad latvieši patiesi varētu sagatavoties uz visbēdīgāko likteni. Tā radās nepieciešamība arī starptautisko apstākļu dēļ organizēt pretestību vācu okupantiem.

Latvieši kara laikā ar lielu interesi sekoja Rietumeiropas radio ziņām, zināja, ka ASV un Anglija joprojām ir par brīvību un pašnoteikšanos visām tautām, dibināti sagaidīja no pretestības organizētājiem, ka viņi noteikti turēsies pie angļu-amerikāņu politikas. Tādā kārtā ārzemju informēšana par latviešu tautas patieso politisko stāju kļuva par vienu no neatliekamākajiem uzdevumiem, kas pretestībniekiem bija jāveic. Sevišķi tāda informācija bija nepieciešama mūsu sūtniecībām par ko ģenerāldirektori, protams, neinteresējās.

Latviešu zemnieku savienības vadība līdz 1943.gada vasarai bija pieturējusies pie tādas taktikas, kāda 1941.gada jūlijā bija izlemta. Pret ģenerāldirektoru darbību tika ieturēta neitralitāte. Tomēr uz ģenerāldirektoru lielo izdabāšanu vāciešiem (kopīgas medības, goda vārti, brāļošanos izrikojumos un mājās, neatkarības laika kritika) skatījās ar lielu nepatiku. Starp ģenerāldirektoriem bija arī daži Zemnieku savienības biedri, kuri .. skaidru līniju novilkta starp okupāciju un latviešu nacionālu stāju nespēja.

Provincē uzskati par okupantiem un viņu līdzskrējējiem bija daudz krasāki kā Rīgā. Man atmiņā palikuši daži gadījumi, kas to spilgti apliecina. No Bauskas apriņķa šo rindiņu autoru uzmeklēja astoņi pagasta vecākie, kuri ziņoja, ka viņu pagastos iedzīvotāji pret okupantiem un viņu rokas pušiem esot noskaņoti ļoti naidīgi. No Jelgavas apriņķa mani dažādā laikā uzmeklēja trīs redzami vietējie

sabiedriskie darbinieki, kuri bija saņēmuši “brāļu lietuviešu” lūgumus rūpēties, lai latviešu policisti netiktu sūtīti uz Lietuvas kaimiņu pilsētām tirdzenieku kratīšanai un pārtikas produktu konfiscēšanai. Mani apmeklētāji noteikti prasīja, lai LZS kaut ko dara šinī lietā “okupantu savaldīšanai”. No Jelgavas pie manis ieradās tautskolu inspektors Briedis sakarā ar kādām apcietināšanām. Briedi vēlāk vācieši Liepājā nošāva. No Ventspils apriņķa mani Rīgā uzmeklēja kāds pazīstams LZS darbinieks un lūdza, lai kaut ko dara gar jūrmalu dzīvojošo saimnieku un zvejnieku labā, kurus, kā zināms, okupanti gribēja padzīt no mājām un lielā mērā to arī izdarīja. No Neretas apkārtnes ieradās kāds bijušais mazpulcēns tikai tamdēļ, lai pateiktu, cik neglīti viens ģenerāldirektors tautas sapulcē tur noniecinājis K.Ulmani un Latvijas neatkarības laiku vispār. Mans apmeklētājs vientiesīgi, bet ļoti bravūrīgi man noprasīja, vai nebūtu lietderīgi, ja ģenerāldirektorus sāktu šaut nost. Es to neieteicu.

Nevarēja būt nekādu šaubu - visā zemē valdīja nemiers un sašutums pret okupantiem un viņu uzticības vīriem, kurš varēja lauzties uz āru. No visiem maniem apmeklētājiem pēdējā gada laikā tikai viens teica, ka viņam vienalga, ko vācieši domā par Latviju. Ja tikai komunisti neatgriezoties, varot arī tagad tīri labi iztikt. Viņš nodarbojoties ar “tirdzniecību” un esot pilnīgi apmierināts.

Personālie jautājumi

Gatavojoties pretestības kustības organizēšanai, bija jāmeklē persona, kura varētu un gribētu stāties šī riskantā darba priekšgalā. LZS dabīgais kandidāts šeit bija A.Kviesis. Bet pretēji partijas vadošo personu lēmumam, kura pieņemšanā piedalījās pats Kviesis, pēdējais 1943.gada vasarā bija kļuvis ģenerāldirektors, resp. ģenerāldirektora vietas izpildītājs, nomainot A.Valdmani. Kā ģenerāldirektors A.Kviesis nevarēja vairs krist svarā pie pretestības kustības veidošanas Latvijā. Nākošais kandidāts uz vadību bija pēdējais Saeimas priekšsēdis Dr. P.Kalniņš.

Dr. P.Kalniņš bija sociāldemokrāts. Tas radīja pārdomas. Sociāldemokrātu antinacionālā politika Latvijas neatkarības laikā un viņu sadarbība ar komunistiem pirmās komunistu okupācijas laikā padarīja tos stipri nepopulārus latviešu tautas vairākuma acīs. Šīs partijas vīra nostādīšana pretestības kustības pirmajā vietā nesolīja tos labākos panākumus. To laikam apzinājās arī pats P.Kalniņš.

Mana saruna par pretestības kustības izveidošanu ar P.Kalniņu notika Rīgā viņa ārsta kabinetā. Kalniņš zināja par J.Druvas, A.Vāgnera, K.Pauļuka, A.Klāvsona, E.Zelmeņa, manu un citu LZS vīru

opozicionālo nostāju pret vācu okupantu politiku. Kalniņš informēja mani, ka arī viņi - sociāldemokrāti kopā ar dažiem Demokrātiskā centra cilvēkiem esot šo to darījuši tanī pat virziena. P.Kalniņš vaicāja, vai nebūtu lietderīgi saslēgties visiem uz Saeimas lielāko partiju bāzes un tad jau mums nevar būt nekādu grūtību sadarboties vienā organizācijā.

Es P.Kalniņam tomēr aizrādīju uz dažām grūtībām, kurām jātiek pāri, mazākais, tās nopietni jāpārrunā. Pirmā lieta ir viņa kā Saeimas priekšsēža un reizē sociāldemokrāta stāvoklis pretestības vadības priekšgalā. P.Kalniņš mani pārtrauca, ka viņa persona, liekoties, nekādas grūtības nevarētu radīt. Kā Saeimas priekšsēdis viņš Valsts Prezidenta prombūtnē esot tā vietas izpildītājs. Tādēļ saskaņā ar Satversmi nekādu citu amatu nevarot uzņemties. Bet, ja tagadējos apstākļos uz šo noteikumu tik stingri neskatītos, viņš domājot, ka par pretestības vadības priekšsēdi jānākot kādam, vislabāk, no centra aprindām. Viņi esot domājuši par profesoru Konstantīnu Čaksti. Jānis Breikšs Rīgā nedzīvojot, no Piebalgas parādoties šeit ļoti reti un visu Demokrātiskā centra vadību esot nodevis prof. Čakstem. Tādā kārtā viņš, P.Kalniņš paliktu it kā aizmugurē, kamēr faktiskais un formālais pretestības kustības priekšsēdis un vadītājs būtu prof. Čakste. Protams, viņš, P.Kalniņš, visā lietā ņemtu aktīvu līdzdalību.

Man pret P.Kalniņa priekšlikumu nekas nevarēja būt pretī. Es prof. K.Čaksti gan pazinu tikai iztālēm, bet, ja profesors piederēja pie Demokrātiskā centra, tad jau ar to bija dots diezgan skaidrs raksturojums. Antona Benjāmiņa, kura privātā atkarībā Demokrātiskais centrs bieži atradās, vairs nebija, tādēļ pret K.Čaksti nevarēja būt nekādu iebildumu. Bet tas nebija viss.

P.Kalniņam paskaidroju, ka daudzi no mūsu partijas biedriem un citiem lojāliem pilsoņiem ir deportēti uz Sibīriju vai noslepkavoti A.Kirhenšteina valdības laikā. Šinī valdībā, kā zināms, piedalījās arī sociāldemokrāti, vai kā tieši valdības locekļi, vai kā augsti ierēdņi. Sadarbošanās un kopā sēdēšana ar šādām personām pretestības kustības vadībā mums nav pieņemama. Tas P.Kalniņu manāmi uztrauca, bet, savaldīdamies viņš vaicāja, vai man esot kādi iebildumi arī pret viņu. Es atbildēju, ka pret viņu man nekādu iebildumu nav. P.Kalniņš tūlī deklarēja, ka viņam arī pret mani nekādu iebildumu neesot. Saruna mierīgākā tonī turpinājās tālāk, un P.Kalniņš paskaidroja, ka arī sociāldemokrātiem esot tādi paši iebildumi pret dažiem redzamiem Zemnieku savienības vīriem par viņu darbību K.Ulmaņa valdības laikā. Es P.Kalniņam piekritu, bet pastrīpoju, ka iemesli S.D. iebildumiem pret ZS un mūsu iebildumiem pret S.D. ir stipri atšķirīgi. S.D. var būt pārmetumi K.Ulmanim par Satversmes laušanu, pārmetumi par līdzdarbošanos Ulmaņa valdībā, pārmetumi

par pāris simtu sociāldemokrātu pārejošiem arestiem. LZS turpretim ir iebildumi pret S.D. par piedalīšanos valdībā, kas pilnīgi formāli nodeva Latvijas neatkarību krieviem. S.D. palika mierīgi sēžot okupantu valdībā arī pēc tam, kad simtiem un tūkstošiem latviešu tika deportēti uz Sibīriju, spīdzināti līdz nāvei šīs valdības pārvaldītajos cietumos un slepkavoti bez tiesas un izmeklēšanas. “Šeit ir liela starpība starp Jums un mums,” es teicu.

Atbildot P.Kalniņš jautāja, vai pēc manām domām tagad esot īstais laiks šādu lietu kārtošanai, kad politiskā situācija prasot pavisam ko citu. Mūsu savstarpējie strīdi nevienu no Sibīrijas neatgriezīšot un nevienu no kapa neizcelšot. Viņš liekot priekšā visus šos jautājumus atstāt atklātus līdz Latvijas neatkarības atjaunošanai, bet tagad vienoties par savstarpēju neapkarošanos. Pēc sīkākām pārrunām es tam piekritu.

Pārrunājot ar Dr. P.Kalniņu vispārīgos vilcienos toreizējos apstākļus mūsu zemē un notikumus pasaules karalaukos, iezīmējās pretestības kustības platforma kā politiskā, tā tīri praktiskā plāksnē. Tad P.Kalniņš pasniedza man kādu lapu, paskaidrodams, ka viņi, t.i. sociāldemokrāti un Demokrātiskais centrs esot izstrādājuši šādu darbības programmu. Ko es par to sakot?

Pārlasījis uzmetumu, es redzēju, ka jauno pretestības kustības valdību ir domāts saukt par “Nacionālo komiteju”. Man šis nosaukums nepatika. Man gribējās nosaukumā pastrīpot dibināmas organizācijas centrālo stāvokli. Tā radās ierosinājums jauno organizāciju saukt par Latvijas Centrālo Padomi (LCP).

P.Kalniņa man pasniegtā programma bija stipri teorētiska. Tur bija runa par varas pārņemšanu no okupantiem, par pagaidu valdības dibināšanu, par diplomātisku sakaru izveidošanu ar ārzemēm utt. Es P.Kalniņam norādīju, ka uzmetā programma nesatur nekā konkrēta, kas tūliņ būtu jādara, bet minētas tikai vispārīgas frāzes par labām lietām, kas vēl atrodas pilnīgi gaisā. P.Kalniņš piekrita manām domām un piebilda: “To pašu arī es viņiem teicu”. P.Kalniņš turpināja paskaidrot savus uzskatus, ka tagad mums ir (“iraid”) pavisam citi uzdevumi. Mums jācīnās pret mūsu cilvēku deportācijām uz Vāciju, pret smieklīgi mazajām uztura normām, ar kuru sekām viņam kā ārstam nākoties sadurties katru dienu. Par visām lietām mums jādara viss iespējamais, lai novērstu latviešu izslepkavošanu (mobilizāciju), ko visādi dzen un atbalsta jūsu K.Ulmaņa ministrs A.Valdmanis. Bet par tām lietām jārunā visiem kopīgi, nobeidza P.Kalniņš.

Pretestības kustība, kurai dabīgi bija jābūt izteikti nacionālai kustībai, vēlāk - P.Kalniņa un prof. Čakstes vadībā attālinājās tik tālu no mūsu nacionālām aprindām, ka karavīri (1943.gadā mobilizējamie), kuru sargāšanas dēļ pretestības kustība galvenā kārtā

radās, vienu laiku Vācijā izvērtās par Latvijas Centrālās Padomes sirdīgākajiem apkarotājiem. Vācu okupācijas laika propagandas turpinājumā uz karavīriem lielu iespaidu ieguva taisni tas vīrs - Valdmanis, kas nezināmu iemeslu dēļ toreizējo latviešu jauno un vidējo paaudzi vācu kara mašīnērijas rokās iespēlēja ar visām tām bēdīgajām sekām, ko mūsu leģionāri piedzīvoja Vācijā un dzimtenē.

Vienojāties, ka nākošā dienā manā dzīvoklī Pārdaugavā notiks kopīga sēde, kurā piedalīsies sociāldemokrāti, Zemnieku savienība, Demokrātiskais centrs un latgaliešu pārstāvis. Tur notiks jaunās organizācijas dibināšana un visu darbības jautājumu apspriešana.

Pārrunas bija ilgušas apmēram divas stundas. Šķīroties P.Kalniņš mani vēl apturēja un pārpratumu novēršanai informēja, ka sociāldemokrātiem, resp. Centrālkomitejai ir nopietnas domstarpības ar Feliksu Cielēnu. Tuvākās dienās Cielēns vai nu pats aizies no Soc. demokrātu partijas, vai viņam būs jāaiziet. "Sīkāku informāciju jūs dabūsi vēlāk", atvadoties noteica P.Kalniņš.

Latvijas Centrālās Padomes nodibināšana

Nākošā dienā manā mājā Pārdaugavā ieradās un piedalījās sēdē Jāzepe Rancāns, Konstantīns Čakste, Bruno Kalniņš un vēl viens sociāldemokrāts. Kopā tātad bijām piecas personas, kas reprezentēja četras lielākās parlamenta partijas. Tām pēdējā Saeimā bija 53 deputāti no 100.

Par priekšsēdi ievēlēja K.Čaksti. B.Kalniņš klātesošos iepazīstināja ar divām vēstulēm, ko nelegāli no Zviedrijas bija pārsūtījis sūtnis Voldemārs Salnais. Viņš vēstulē ziņoja, ka igauņiem ir sava pretestības organizācija pret vācu okupāciju un ieteica tādu dibināt arī latviešiem. Tālāk Salnais izteica pārmetumus latviešiem, ka mēs nesūtot uz ārzemēm nekādu informāciju. Zviedrijā izskatoties, it kā Latvijā būtu palikuši tikai vācu okupanti ar saviem ierēdņiem un latviešu tur vairs nemaz nebūtu. Informācija viņam un sūtnim Kārlim Zariņam Londonā esot ļoti vajadzīga. Pēc tam B.Kalniņš nolasīja to pašu darbības programmu, ko vakar man jau bija iedevis P.Kalniņš.

Sākās pārrunas, kuras turpinājās ilgāku laiku. Br.Kalniņa nolasīto programmu dažādi kritizēja. Arī Br.Kalniņš to stingri neaizstāvēja. Pēc vairāk stundu ilgušām pārrunām vienojās par sekojošo:

1. Jāievada saskaņota pretestības kustība pret vācu okupantu politiku Latvijā.

2. Šim nolūkam nodibināms no četrām lielākām parlamenta partijām (ne Saeimas frakcijām) vadošais centrs ar nosaukumu "Latvijas Centrālā Padome (LCP)".

3. LCP mērķis - neatkarīgas demokrātiskas Latvijas atjaunošana bez agrākās demokrātijas trūkumiem un kļūdām. Jāatbrīvojas no sīkajām partijām, valsts prezidenta vara jāpaplašina, vēlēšanu likums jāgroza utt.

4. Par spēkā esošu atzīt Latvijas demokrātiskas republikas Satversmi un visus līdz komunistu iebrukumam (1940) izdotos likumus, izņemot tos, kuri runā pretim demokrātijas principiem.

5. Aktīvi pretoties katram okupantu rīkojumam, kas ir pretrunā Hāgas konvencijai (darba dienestam Vācijā, policijas pulku dibināšanai, latviešu mobilizācijai).

6. Norobežoties no katras sadarbības ar komunistu izpletņu lēcējiem. Ne tiem, ne citiem komunistiem nav sniedzams nekāds atbalsts, kaut arī tie cīnītos pret vāciešiem.

7. LCP savā darbībā iziet no pieņēmuma, ka Anglija un ASV karā uzvarēs un aizstāvēs Latvijas tiesības.

8. Mūsu sūtniecībām piesūtāma pēc iespējas plaša informācija par vācu okupantu brutālo rīcību Latvijā ar lūgumu darīt to zināmu valdībām, pie kurām sūtņi akreditēti.

9. Ietverot visus iepriekš minētos atzinumus, sastādāma deklarācija Rietumeiropas lielvalstīm, kas nosūtāma Salnajam Zviedrijā tālāk pārsūtīšanai uz Londonu un Vašingtonu.

10. Latvija joprojām atzīstama par neatkarīgu valsti, kura ir tikai bijusi okupēta no Padomju Savienības un tagad ir okupēta no Vācijas.

11. Deklarācijā apgaismojama krievu okupantu piekoptā pasaules maldināšana ar viltus Saeimas "vēlēšanām" Latvijā, pielaižot vēlēšanās tikai komunistu kandidātu sarakstus un izdarot vēlēšanas krievu armijas un Maskavas komunistu terora apstākļos. Deklarācijā izsakāms ass protests pret tā saukto Latvijas "pievienošanos" Padomju Savienībai ar lūgumu šādu "pievienošanos" neatzīt un visādi atbalstīt LCP viņas darbā.

12. Sūtņi uzaicināmi darboties deklarācijas garā.

13. Visā LCP darba ievērojama visstingrākā konspirācija.

14. Pēc divām nedēļām noturama nākošā apspriede bīskapa J.Rancāna dzīvoklī.

Ar to sēde beidzās. Latvijas Centrālā Padome bija nodibināta.

Pirmās neveiksmes

Jaunā organizācija nebija dzimusi zem laimīgas zvaigznes. Jau darbības pašā sākumā radās nopietni traucējumi.

Dažas dienas pirms noliktās nākošās LCP sēdes es tiku izsaukts uz Rīgu. Mans uzticības vīrs vācu Sicherheitsdienst'ā (SD) parādīja kādu

rakstu, ko viņu iestāde saņēmusi no sava ziņotāja, kāda Vītola. Rakstā bija pareizi uzskaitītas visas personas, kuras piedalījās LCP dibināšanas sēdē manā dzīvoklī. Nepareizi klāt bija pielikts tikai Gustavs Celmiņš. Jaunā LCP bija nosaukta par Latvijas valdību. Tā darbošoties nelegāli. Valdības nolūks - gāzt pastāvošo vācu okupāciju ar angļu-amerikāņu atbalstu. Bija pareizi minēta diena un vieta paredzētai nākošai sēdei.

Par ziņotāja Vītola personību man paskaidroja, ka Vītols esot neatkarības laika sociāldemokrāts, ļoti tuvu pazīstams ar Kalniņu ģimeni. Vītolu vācieši noķēruši pie nelegālas pāriešanas uz Padomju Savienību. Nopratināšanā Vītols paskaidrojis, ka komunistu okupācijas laikā viņš pārgājis pie komunistiem un esot tur bijis partijas kandidāts. No nošaušanas Vītols izglābies ar solījumu sniegt sīkas ziņas par visu, kas notiek Latvijas sociāldemokrātu vadošās aprindās. Šo solījumu Vītols arī kārtīgi pildot ar iknedēļas ziņojumiem. Man tika pasniegta sīka informācija no Sicherheitsdienst'a avotiem par Vītola iepriekšējo darbību. Tur bija ziņojumi par dažādām sociāldemokrātu apspriedēm ar atzīmēm, kas un ko runājis. Pēdējā informācija esot tā, ko es redzot pasniegtajā rakstā. Uz manu jautājumu, vai minēto rakstu iespējams iznīcināt un visu lietu notušēt, mans paziņa atbildēja, ka tas savienots ar zināmām grūtībām un risku, bet viņš mēģināšot kaut ko darīt šinī lietā. Katrā ziņā neatkarīgi no viņa gribas nelegālās valdības (LCP) nākošās sēdes laikā pie Jēkaba baznīcas novērotāji jau esot nozīmēti.

Stāvoklis nebija labs. Nebija šaubu, ka informāciju saviem ziņojumiem Vītols guvis no Kalniņiem. Bet ko darīt tālāk? Atstājot visu lietu pašplūsmei, nozīmēja vismulķīgākajā kārtā nonākt Gestapo nagos. Informējot par notikušo Kalniņus, varēja šaubīties, vai tie visi izturēsies tā, lai Vītols nemanītu pārvērtību. Kalniņu neuzmanība pret Vītolu varēja visnopietnākā kārtā apdraudēt manas uzticības personas likteni. Es izšķīros iet vidusceļu - Dr.P.Kalniņu un prof. K.Čaksti informēt par stāvokli, neieejot sīkumos un neminot personas.

Vispirms es uzmeklēju K.Čaksti. Mana informācija K.Čaksti manāmi satrauca. Viņš sāka sirdīties uz soc.-demokrātiem, kuri neko nevarot izdarīt bez savas daudzgalvainās centrālkomitejas, kur vienmēr atrodoties kāda sprauga, kas novedot pie policijas. Uz nākošo sēdi Čakste apsolījās neiet.

Zīmīga bija P.Kalniņa reakcija. Mana informācija un aizrādījums, ka diezin, vai ir labi, ka slepenas politiskas lietas pārrunā ģimenēs, Kalniņu neuztrauca nemaz. Ar nevērīgiem smiekliem viņš tikai izsauca: "Te nu jums ir Demokrātiskais centrs"!, it kā tas būtu pats par sevi saprotams, ka informācija Sicherheitsdienst'am varētu nākt tikai no Dem. centra aprindām. Šķīroties, es vēl P.Kalniņam sevišķi uz-

vēru, lai ne ar vienu personu, kas nepieder pie LCP, netiktu runāts par lietām, kas citiem nav jāzina, un lūdzu, lai viņš to noteikti pasaka arī Bruno Kalniņam. Nolikta sēde nenotika.

Es dzīvoju savās lauku mājās, kur pēc dažām nedēļām saņēmu no K.Čakstes uzaicinājumu ierasties uz kādu LCP sēdi. Mājas apstākļu dēļ es uz šo sēdi nevarēju ierasties. Apmēram nedēļu vēlāk saņēmu no sava uzticības vīra Sicherheitsdienst'ā šifrētu uzaicinājumu ierasties Rīgā. Šoreiz tie bija gari Vītola ziņojumi par LCP tālāku organizēšanos un Br.Kalniņa darbību, ar ko mani iepazīstināja. Šis aģents joprojām ziņoja okupantu slepenpolicijai, ka LCP sēdēs piedalījies Gustavs Celmiņš un arī es. Acīmredzot, avots, no kura Vītols savas ziņas saņēma, bija tik familiārs, ka sniedza tekošo informāciju par LCP darbību, neturot par vajadzīgu atzīmēt, kas katru reizi sēdē piedalījies. Sevišķi plaši ziņotājs aprakstīja Bruno Kalniņa darbību. No šiem ziņojumiem bija redzams, ka Br.Kalniņš ziņotāju Vītolu izraudzījis par to personu, kas varētu uzturēt sakarus starp LCP un Stokholmu. Šādā nolūkā B.Kalniņš Vītolu sīki instruējis, kas viņu sagaidīs Gotlandes salā, ar kādu paroli no turienes viņš varēs nokļūt Stokholmā un satikt sūtni Salno, un kā viņam jāveic sagatavošanās darbi ceļam. Grūtības radušās ar laivas sadabūšanu. Laivas nopirkšanai Br.Kalniņam nav bijis pietiekoši naudas. Nauda tiekot meklēta.

Tās pašas par sevi nebija sliktas ziņas. Tikai avots, no kura tās nāca, bija bīstams. Uz manu jautājumu, cik ilgi ir iespējams Vītola ziņojumus noklusēt, sekoja manas uzticības personas sarkastiska atbilde: "Kamēr iekrīt". "Jūs jau sen visi būtu aiz restēm, ja P.Kalniņš un B.Kalniņš nebūtu soc. demokrāti", teica mans paziņa. Lieta tā, ka visu izziņu un izlūkošanas darbu pret latviešu nacionālistiem vācieši turot savās, resp. baltvācu rokās, bet sekošana komunistiem un sociāldemokrātiem atrodas latviešu darbinieku rokās. Vāciešiem piederot tikai virsuzraudzība un kontrole. Tāpēc Vītola ziņojumi nonākot pie latviešiem. Bruno Kalniņa lieta ejot caur viņa rokām. Ja šādu vai tādu iemeslu dēļ Vītols savu ziņojumu kādreiz iesniegtu vāciešiem, vai vāciešiem kļūtu zināma B.Kalniņa sadarbošanās ar pilsoņiem, lieta nekavējoties nonāktu SD vācu sektorā ar visām konsekvencēm, kas no tā izriet. Es ierosināju domu, vai nav iespējams Vītolu paaugstināt darbā un pārcelt uz citu vietu. Par to mans paziņa apsolījās padomāt.

Vēlāk no tā paša avota saņēma informāciju, ka Vītols iesniedzis ziņojumu, kurā rakstot, ka Br.Kalniņš atradis citus ceļus sakaru uzturēšanai ar ārzemēm un viņu uz Stokholmu nesūtīšot. Arī Vītola pārceļšanas jautājums pavisam negaidīti atrisinājies labvēlīgi. Vītols pārceļts darbā uz Jelgavas rajonu. Līdz ar Vītola pārceļšanu radusies izdevība atbrīvot Kalniņus no uzraudzības pavisam.

Tā arī bija noticis. Vācu Sicherheitsdienst'am ziņojumi par LCP un B.Kalniņu vairs neienāca. (Vēlāk B.Kalniņa un Čakstu apcietināšana notika igauņu delegātu neuzmanības dēļ.)

Nemot vērā visus te apgaismotos apstākļus, es izšķīros no LCP sapulcēm pēc iespējas izvairīties un sakarus uzturēt tikai ar prof. K.Čaksti. Motivējot ar dzīvi uz laukiem, tas nebija grūti izdarāms. Iebraucot Rīgā, es informēju K.Čaksti par Vītola ziņojumiem, par savu darbību proklamāciju izkaisīšanā pret karavīru mobilizāciju, pret pārspīlēto latviešu policistu centību laucinieku kratīšanā, kuri slepeni veda uz Rīgu produktus. Es izlietoju daudz no sava laika, lai pārliecinātu uzmanīgā kārtā augstākos vācu okupācijas laika latviešu ierēdņus savā centība neiet tālāk par to, ko nepieciešamība prasa. Izlietojot sakarus, kādi man bija nodibinājušies ar dundadznikiem, es pārsūtīju uz Zviedriju prof. Francim Balodim LCP platformu un deklarāciju. K.Čakste mani savukārt informēja par pārējo LCP locekļu darbību. Pāris svarīgākos gadījumos es tikos ar P.Kalniņu, lai pārrunātu LCP pārceļšanos uz Zviedriju un Ģenerāldirekcijas personāla sastāva izmaiņšanu, kas 1944.gada sākumā nebija neiespējams.

Latvijas Centrālā Padome darbā

Neatliekamākais LCP darbs bija mobilizācijas apkarošana. Mūsu jaunākie virsnieki strādāja pie dažādiem smagiem darbiem, kā vagonu izlādēšanas, grāvju rakšanas, meža ciršanas, bet aicinājumiem iestāties kara dienestā neklausīja. Okupantu avīžele "Tēvija" visādi virsniekus kaunināja un aicināja "cīnīties pret komunistiem". Avīžele pārmeta virsniekiem, ka tie gribot kareivjus pilnīgi pamest vācu varā, nesaprotot stāvokli utt. Kad kāda daļa jaunāko virsnieku bija sabungota, iesākās uzbrukumi vecākajiem virsniekiem. Pēdējie stāvokļa noskaidrošanai meklēja saskari ar parlamentāriešiem. Šeit nu spilgti noskaidrojās, ko nozīmēja armijas štāba trūkums un ģenerāļu deportācijas.

Latvijas CP atradās nopietnās grūtībās, meklējot militārajai sekcijai vadītāju. Ar ko varēja vienoties par riskantā un nepateicīgā pienākuma uzņemšanos, tas bija administratīva dienesta ģenerālis no Kara tiesas - Tepfers. Lielākā daļa pulkvežu, kuri tagad dzīvo trimdā, toreiz apgrozījās LCP aprindās, daži no viņiem parakstīja vāciešiem protestus, deklarējot, ka mobilizāciju var izdarīt tikai neatkarīgas Latvijas valdība. Bet noturēt pulkvežus pie tādas stājas, kad ģenerāldirektori prasīja pretējo, nebija viegli. Tepfera kā administratīva ģenerāļa autoritāte bija par mazu, lai pārliecinātu

armijas pulkvežus padoties viņa norādījumiem, un atklāt to, ka viņš rīkojas LCP uzdevumā, viņš nedrīkstēja. Vēl mazāk varēja iespaidot pulkvežus kapteinis Upelnieks, kurš izpildīja sakarnieka pienākumus starp LCP un virsniekiem. Tādā kārtā svarīgajā militārajā laukā iesākās īsta “partizānu” politika, kas kopēja mērķa - latviešu dzīvību sargāšanā - spīdošus panākumus nevarēja dot. Katrs no LCP locekļiem rīkojās uz savu roku. Izplatīja proklamācijas, lai uz mobilizāciju neierodas, lai slēpjas mežos, lai bēg no transportiem, kas iet uz fronti. LCP noorganizēja mobilizējamo pārvešanu uz Zviedriju, atbalstīja apgādāšanu ar dokumentiem, kas atbrīvo no iesaušanas utt. Ar lielām pūlēm izveidoja kādu aizmugures dienestu, kur glābties no frontes un gatavoties cīņām par Latvijas neatkarību ģenerāļa Kureļa vadībā. Tas radīja pārpratumus ar leģionāriem un noveda pie kureliešu tragēdijas Kurzemē. Visu laiku LCP “smērējās” klāt visādi, kas atkal par jaunu gribēja no frontes un mobilizācijas vaļā tikušos iesaistīt cīņās. Protams, LCP ar tādiem nebija nekā kopīga. Rezultātā, ja arī LCP nacionālā dzīvā spēka sargāšanā nepanāca tik daudz kā Lietuva, savi ieguvumi tomēr bija.

Ārzemju informēšana LCP darbā ieņēma ļoti svarīgu vietu. Deklarācija ārvalstīm un LCP platforma pirmo reizi pēc neatkarības zaudēšanas deva rokās spēcīgu materiālu mūsu sūtniem, ar ko aizstāvēties pret komunistu un vāciešu propagandu. uz ārzemēm nelegāli izvestie okupācijas laika latviešu laikraksti parādīja visā pilnībā to okupācijas režīmu, pret ko cīnījās LCP.

Piesūtītos materiālus vispilnīgāk izmantoja sūtnis (ASV) A.Bilmanis. LCP deklarāciju un platformu A.Bilmanis nodeva Valsts departamentam, līdz ar to graudams to propagandas butaforiju, ko bija uzcēlis Kremlis, nostādīdams latviešus vai nu par komunistiem, vai hitleriešiem, kas savu neatkarības laiku pilnīgi aizmirsuši.

Plašu ievēribu LCP informācija gūst Šveicē. Dr. M.Valters Ženēvā izdod hektografētu žurnālu “Latvju Domas”, kur ievieto abus iepriekšminētos dokumentus un sakarā ar tiem vairākus rakstus. Tikai, diemžēl, pretēji pašai LCP, kur pret aktuālo vācu okupāciju sadarbojās visi ievērojamākie politiskie virzieni, un domstarpības Ulmaņa laika un komunistu režīma līdzgaitnieku starpā atstāja izšķiršanai brīvā Latvijā, M.Valters uzsāk nīknus uzbrukumus Ulmanim, izmantodams šim mērķim arī LCP materiālus. Tas radīja nesaskaņas vadošo latviešu starpa Šveicē, un LCP darbība šeit tiek nostādīta pavisam nepareizā gaismā.

Sliktāki ir apstākļi Anglijā. Šeit ar LCP darbību gan tiek iepazīstināti attiecīgie ārlietu resori, paradās arī pa rakstam vietējā presē, bet plašāku atbildi LCP dokumenti nerada. Tas arī saprotams jo Padomju Savienība bija Anglijas sabiedrotā cīņā pret Vāciju.

Īpatnējs stāvoklis ir Zviedrijā. Vietējā sabiedrībā LCP dokumentiem ir silta atsaucība, bet prese ir atturīga. Tikai ar lielām grūtībām profesoram Fr.Balodim izdodas ievietot dažus rakstus vietējos laikrakstos. Formāli Zviedrija ir neitrāla, bet praksē atkarīga no Vācijas... Latvijas neatkarības aizstāvēšana Vācijai nepatīk, un Zviedrijas valdība izvairās Hitlera labsajūtu traucēt. Abās šinīs zemēs - Anglijā un Zviedrijā valdības par daudz iztapīgas. Brīvās Latvijas balss šeit nepatīkami griež ausīs un tikai retais pilsonis to grib klausīties.

Argentīnā žurnāls "Lettenia" no vienas puses silti iepazīstina lasītājus ar LCP platformu un deklarāciju, bet no otras puses aizrāda, ka "šeit atkal uzradusies grupa latviešu, kuri grib riktēt un diktēt sūtņus".

Visumā LCP deklarācijai bija labi panākumi ASV. Ar Bīlmaņa starpniecību tā konkrēti nostiprināja ASV principiālo pamatu neatzīt Maskavas varmācību pret Latviju.

Laiks nestāv uz vietas, un vācu-krievu fronte 1944.gadā veļas aizvienu straujāk uz rietumiem... Maskavas briesmoņu asinspirts Latvijai liekas nenovēršama. Latvijas CP politikas nolūks tagad ir vēl pēdējā brīdī izmanevrēt Latviju no kara. Bet, ja to nevar izdarīt ar visu Latviju, tad tas jādara ar leģionu. Ja nevar visu leģionu, tad, mazākais, tas jādara ar atsevišķām vienībām, atsevišķiem karavīriem.

Ar veselu prātu raugoties, liekas, arī vāciešiem būtu jāatzīst, ka Otro pasaules karu viņi zaudējuši... Reālajos apstākļos, ja Baltijas telpu vācieši nevar paturēt sev, arī no vācu viedokļa, tā vismaz liktos, izdevīgāk ir atzīt neatkarīgas Baltijas valstis, nekā atdot tās krieviem. Un LCP nodarbojās ar visdažādākajiem projektiem, kuru pamatā ir doma, ka jāpanāk no vāciešiem Latvijas neatkarības atzīšana ar iespēju tūlī sazināties ar sabiedrotajiem un ar viņu palīdzību nodrošināt neitralitāti.

Šinī momentā piepeši ļoti aktīvs kļūst F.Cielēns. Nav zināms, vai F.Cielēns no sociāldemokrātu partijas aizgājis brīvprātīgi vai piespiesti, bet sociāldemokrātus viņš apveltī bieziem lamu vārdiem, tanī pat laikā vedot ar viņiem visādas politiskas sarunas. Sociāldemokrāti visu laiku ir deklarējuši, ka viņi ar Hitlera valdību neielaidīsies nekādās sarunās. Bet F.Cielēns pazīst sociāldemokrātus labāk kā pārējo grupu politiķi. Lai piedabūtu sociāldemokrātus pie kopīgas akcijas, F.Cielēns liek priekšā projektēto latviešu sabiedrisko darbinieku iesniegumu Vācijas valdībai adresēt .. ģenerālim R.Bangerskim (?!). Bet izteiciena vietā, ka sarunas vedamas ar Himleru, likt "ar visām varām, kas atzīst Latvijas neatkarību" (?!). Tādu rakstu parakstīšot visi sociāldemokrāti, Bangerskis aizvedīšot

rakstu uz Berlīni un nekavējoši iesākšoties sarunas ar Himleru par Latvijas neatkarības atjaunošanu, domā F.Cielēns.

Memorandā (iesniegumā) tiek konstatēts, ka Latvija ir visā pasaulē atzīta neatkarīga valsts, kura 1940.gadā ir tikusi okupēta no Padomju Savienības. Karā starp Vāciju un Padomju Savienību Latvija ir smagi cietusi. Visi dzīves apstākļi Latvijā turpina pasliktināties. To ievērojot, apakšā parakstījušies griežas pie “visām varām, kas atzīst Latvijas neatkarību”, ar aicinājumu nelikt šķēršļus ceļā savas valdības nodibināšanai un valsts varas pārņemšanai pašu latviešu rokās. Latvijas valdība ieturēs mieru un neitralitāti pret visām karojošām valstīm, nodibinās ārzemēs savas sūtniecības, izveidos diplomātiskas attiecības un slēgs visus nepieciešamos līgumus.

Neskatoties uz visu hitlerisko vārdu strīpošanu, sociāldemokrāti iesniegumu tomēr neparaksta. Bez F.Cielēna memorandu apsolās parakstīt vienīgi P.Kalniņš un arī tikai tad, kad būs jau salasīti ne mazāk kā 50 paraksti. Dīvainās raksta redakcijas dēļ pirmajās dienās arī pilsoniskās aprindas ir atturīgas. Tikai, kad memorandu paraksta K.Pauļuks Jelgavā kā pēdējās Saeimas vicepriekšsēdis, sākas parakstu plūdi. Memorandu paraksta redzamākie latviešu politiķi, zinātnieki, garīdznieki, mākslinieki, tiesneši, ārsti, advokāti, agronomi, žurnālisti, rakstnieki, tirgotāji, rūpnieki, amatnieki u.c., kopā 189 personas.

Kad prof. K.Čakste ar A.Klāvsona starpniecību atsūta rakstu man uz laukiem, es pēc vairākkārtīgas izlasīšanas vēl to nevaru saprast. Iznāk tā, ka apmēram 300 latvieši (pēc projekta) nevis prasīs Vācijas valdībai atzīt Latvijas neatkarību, bet lūgs ģenerāli Bangerski vest rakstu uz Berlīni un tur rakstu nodot “visām varām, kas atzīst Latvijas neatkarību”. Es raksta redakcijai nepiekritu un lūdzu A.Klāvsonu “visām varām, kas viņu sūtījušas” paziņot, ka pēc dažam dienām ieradīšos Rīgā lietu pārrunāt personīgi.

Politiski jautājums nospicējās uz latviešu armiju. Rakstam var būt drošākas cerības uz panākumiem, ja Berlīne, neatzīstot memoranda uzstādītās prasības, var kaut ko zaudēt - šinī gadījumā latviešu karotājus.. No okupantu administrācijas augstākiem latviešu amata vīriem nekāda palīdzība nav gaidāma. Ģenerāldirektorāts noraida kaut jēl kādu prasību uzstādīšanu vāciešiem kā latviešu necienīgu kaulēšanos... Bet to, ko nav darījuši vācu ieceltie ģenerāldirektori, var darīt neatkarīgi Latvijas pilsoņi... Šinī gadījumā jāzina tikai pašu karavīru domas.

Sarunā ar Bangerski noskaidrojās viņa uzskati. Tie ir strikti formāli. Nekādā politikā karavīri neielaidīsies. Ģenerāldirektorus Bangerskis maldīgi uzskata par latviešu valdību, kurai kārtojami visi politiskie jautājumi. Tādēļ iesnieguma vešana Himleram nav viņa darīšana. Tikai pēc ilgākas kaulēšanas Bangerskis beidzot uzņemas deklarāciju aizvest uz Berlīni, pavadrakstā atkārtoti norobežojoties kā no politikas vispār, tā no raksta satura.

Tilts / Міст / Tiltas

Воронежский журнал балто-славянских исследований
Воронезький часопис балто-слов'янських студій

Междисциплинарный гуманитарный проект
Міждисциплінарний гуманітарний проект

2007 / 1

Электронная **PDF** версия доступна на
<http://ejournals.pp.net.ua>

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Воронеж, Московский пр-т, **88**

Тираж: **100**